Братство фронтовое

Александр Сергеевич Жаренов

SHOUT
SHARE
IT

- Жаренов Александр Сергеевич

Жаренов Александр Сергеевич Братство фронтовое

Жаренов Александр Сергеевич
Братство фронтовое

Аннотация издательства: Эта книга о людях, которые в дни войны стали солдатами. Ее написал и иллюстрировал своими рисунками художник кино А. С. Жаренов. Он работал на Мосфильме, а когда началась война, ушел ополченцем на фронт, боевыми дорогами прошел путь от Москвы до Берлина. Молодой коммунист был политруком, комиссаром, замполитом, но не забывал и своей мирной профессии: в минуты отдыха рисовал. Из дневниковых записей и рисунков художника на войне и родилась эта книга, рассказывающая о мужестве и стойкости советских воинов, их непоколебимой вере в победу.

С о д е р ж а н и е

От автора
В разгаре лета
Народное ополчение
Ближе к фронту
Первое испытание
Москва в октябре
Начало декабря, начало перелома
Фронтовые будни
Вместо передышки
В новой фронтовой семье
В наступлении
В госпитале
Огни Победы
Не забыть никогда

Не говорю, что жизнь проходит мимо
Она и нынче чересчур полна.
И все-таки меня неудержимо
Влечет к себе далекая Война.
Опять, упав усталой головою
На лист бумаги в полуночный час,
Припоминаю братство фронтовое,
Зову на помощь, полковчане, вас...
Юлия Друнина

От автора

По профессии я художник фильма. С первых дней Великой Отечественной войны ушел ополченцем на фронт. По привычке

имел при себе небольшой альбом, блокнот, записные книжки. В короткие минуты отдыха перед боями я поверял бумаге пережитое, делал зарисовки того, что видел, рисовал портреты людей, с которыми воевал. Многое не сохранилось: часть рисунков и записей затерялась во время контузии и ранений, часть погибла под обстрелами и бомбежками. То, что уцелело, я дорисовывал во время лечения в госпиталях, восстанавливал по затертым штрихам записных книжек. После войны это помогло мне в работе над эскизами к кинофильмам Сталинградская битва, Падение Берлина, Совесть мира и др.

Соблюдая в какой-то степени хронологию событий, по зарисовкам, картинам, эскизам составил персональную выставку к 30-летию Победы над фашистской Германией. Она была организована в московском кинотеатре Брест и называлась По дорогам войны. Газета Московский художник писала, что выставка представляла собой как бы реквием, память о прошедшем. Ее посетило свыше полмиллиона посетителей. Многие записи в книге отзывов, пожелания зрителей увидеть созданное мною и в печати побудили меня написать настоящую книгу. В нее вошли некоторые репродукции с работ, представленных на выставке, а также записи о событиях военных лет.

В книге нет ничего придуманного. Я рассказываю о моих фронтовых братьях и сестрах, с которыми свела меня суровая година, показываю людей, шедших в бой за свою великую Родину ради счастья народа, ради жизни на земле.

В разгаре лета

Сегодня воскресенье. Летнее утро. В раскрытые окна врывается легкое дуновение ветра. Наша группа закончила съемки фильма Два командира. У меня отпуск. Я настроился на этюды в Москве. Да и на родину мечтал съездить.

Из комнаты доносятся детские голоса. Проснувшись раньше обычного, дочки щебечут, словно стрижи. Оставляю мольберт, подхожу к детским кроваткам, дочки беззаботно смеются. От нашей шумной возни просыпается жена.

Звонок. Пришел друг по работе, прораб Саша Митрошичев. Молодой поджарый блондин. Скоро месяц, как он находится на лагерных сборах. Непривычно видеть его в выгоревшем военном костюме.

- С добрым утром! Извините, что так неожиданно заявился, - смущенно говорит он. - Забежал на минуту.

- Жаль, что не надолго. Позавтракали бы вместе, а потом на речной трамвай.

- Прогуляться по реке неплохо. Погода самая подходящая. Да

не могу. Вчера приехал под вечер. А сегодня вернуться надо. По пути на вокзал решил повидаться с вами.

- Спасибо, что навестил.

- Хорошей прогулки вам.

Мы крепко пожали друг другу руки, и Саша поспешил на электричку.

Только ушел гость, как вбежала соседка. По ее взволнованному виду было ясно: что-то случилось. И мы услышали горестную весть:

- Война началась! Фашисты напали на нас... Жена собрала детей и вышла с ними на улицу. Я прислушиваюсь к радио. И вот:

- Внимание! Внимание! Передаем правительственное сообщение... - раздается голос диктора. - Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну... - Заключительные слова: - Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!

Быстро переодевшись, выбегаю на улицу. У подъезда, в скверике, собираются группами жильцы. Забыты воскресный отдых и солнечная погода. Все разговоры о переданном заявлении. Только дети, словно разноцветные мотыльки, порхают возле, им не дано понять страшную сущность начавшегося.

Вместе с жильцами дома мы направляемся к площадке пожарного депо. Толпы людей, прикрываясь от солнца газетами, ладонями, щурясь смотрят на репродуктор, слушают.

Весть о войне до жгучей боли потрясла всех. Никогда, казалось, жизнь не была такой прекрасной, как до этого грозного сообщения...

* * *

Родом я из села Ерлыкова бывшей Владимирской губернии, ныне Ивановской области. Мой отец и мать всю жизнь крестьянствовали. С детства и я привыкал к работе в поле и лесу. Но тянуло меня к другому - хотелось рисовать, особенно цветными карандашами. Нужда, вечные нехватки в хозяйстве не давали мне возможности заниматься любимым делом. Когда я окончил сельскую школу, родители сочли меня достаточно грамотным, и я стал помогать им но хозяйству. Антонина Петровна Каллиопина, воспитавшая в нашей школе не одно поколение, убедила родителей, чтобы я развивал свое увлечение дальше. И вот в 1925 году по командировке губпрофобра я смог поступить в Ярославский художественно-педагогический техникум. Здесь на Тутаевской улице и состоялись мои первые шаги приобщения к изобразительному искусству. В техникуме работали педагогами отличные мастера-художники. Ф. И. Панков

заведовал художественной частью и руководил классом живописи. М. К- Соколов и М. И. Недбайло вели живопись, С. Ф. Шитов - рисунок, Б. А. Мещеряков - графику, М. М. Листопад скульптуру. О. А. Панкова преподавала историю искусств. Их многогранный труд, внимание к учащимся останутся навсегда в моей памяти.

Полюбил я и Ярославль, где прошлое как бы встречается с настоящим. Широкая раздольная Волга. У крутого берега пристань. Наверху раскинулся город. Набережная с тучной зеленью, волжский бульвар, картинная галерея, волковский театр. Памятник старины - Спасский монастырь. Известная по революционным событиям фабрика Красный Перекоп (бывшая Корзинкина), Стрелка - место слияния Которосли с Волгой. Разрушенный лицей - след белогвардейского мятежа восемнадцатого года.

После занятий, не заходя в общежитие (оно находилось на набережной в бывшем губернаторском доме), мы, учащиеся, спускались к пристани. Вместе с профессионалами-грузчиками таскали тяжелые ящики с берега по трапу на пароход. Пароход отчаливал, на его место подходил другой, и мы сгружали с него мешки с разным грузом. Так мы зарабатывали себе на жизнь. Ведь стипендиями техникум вначале не располагал. И я, как и все учащиеся, стал получать по 7 рублей 50 копеек в месяц лишь начиная с третьего курса.

В весенние и летние вечера собирались напротив общежития на веранде-сковородке набережной. Всматриваясь в Волгу, в ее просторы, пели русские песни...

Окончив техникум, по рекомендации художественного совета мы в составе десяти человек поехали в Ленинград для поступления в Художественный институт Академии художеств. И здесь приходилось зарабатывать на жизнь. Кто из ленинградских студентов не побывал в порту, не испробовал груза штабелей теса, не слышал многоязычную речь моряков, не видел множества больших и малых пароходов. Водяной шум, всплеск Невы, стук и перезвон металла - все сливалось в общий клокочущий гул жизни порта.

Первое комсомольское поручение - охватить ликбезом население Василеостровского района. Тогда это было главным.

Тридцатый год. Первые шаги коллективизации. В села и деревни направляли из городов коммунистов и комсомольцев. В первые летние каникулы, по заданию Василеостровского райкома комсомола в составе группы из пяти комсомольцев разных вузов мы отправились в Череповецкий район. Прибыв на место, не чурались никакого поручения. Оформляли клуб в доме бывшего

мельника, делали доску Почета, иллюстрировали районную газету. Подружились с сельской молодежью. Под гармошку разучивали песни, организовывали спортивные игры. Проводили беседы со взрослыми.

В деревне, что стояла в 3 километрах от села, места нашего расположения, поручили мне провести беседу с крестьянами о значении коллективизации. Отправился туда с утра. Встретил председателя колхоза. Ходил с ним в поле, знакомился с деревней, с ее хозяйством. Рассказывал он о жителях. Пока собирались они после полевых работ, с местными ребятами к вечеру подготовили стенгазету. Для деревни это было новое. Особенно привлекли рисунки и карикатуры.

- Э-э! Да это никак дело рук агитатора! - перешептываясь, кивали в мою сторону.

В это время я отвечал на разные вопросы. Беседа затянулась. Глянув в окно, заметил, как яркий закат сменялся темной голубизной вечера. Подошел председатель колхоза.

- Думаю, пора закругляться. Время позднее, - шепнул он мне на ухо.

Оканчиваю беседу. Медленно расходятся люди. С разными настроениями останавливаются у стенгазеты.

Вышли на крыльцо, Сидорыч предложил переночевать у него. Но я решил отправиться в свою бригаду.

Стемнело. Полил дождь. Вышел к речке. Кое-как, с большим трудом перебрался по разрушенной плотине на другой берег. Промокший, с хлюпающей в ботинках водой поднимаюсь на горку. Иду полем, лугом. Откуда-то сзади слышу дальний окрик, за ним два выстрела. Пули просвистели рядом, и снова тишина. Только легкий шум дождя. Измученный добрел до своих. Друзья волновались за меня, радовались моему возвращению...

Напряженная учеба. Стипендия, общежитие, полное задорной, веселой молодежи. Просторные, имеющие свою историю мастерские. Здесь работали известные художники: по рисунку - П. С. Наумов, Р. Р. Френц, по живописи - П. В. Суриков, А. Д. Гончаров, по театру - М. П. Бобышев, по кино - Б. В. Дубровский-Эшке, Е. Е. Еней. Они дали нам, студентам, путевку в искусство.

А разве забыть прогулки в белые ночи по набережным. Однажды осенью мы участвовали в спасении всего, что было затоплено своенравной Невой. Ленинград - это посещение Эрмитажа, Русского музея. Нередко ездили мы на этюды на Кировские острова.

* * *

Настало время расстаться с Ленинградом, с родной

Академией художеств. С командировкой Нарком-проса я, Виктор Иванов и Мария Жукова едем на работу художниками-постановщиками кино. Адрес такой: Москва, Потылиха, Госкино. Потылихой называлась местность на юго-западе Москвы, а Госкино прежнее название киностудии Мосфильм.

Встретило нас летнее солнечное московское утро 1933 года. Перед нами шумная Каланчевка. Гремят со звонками трамваи, гудят автомашины, цокают по булыжнику ломовые лошади с извозчиками в кожаных фартуках. По всей площади снуют пешеходы.

Виктор первым сел на трамвай в сторону Красносельской, к отцу. Мария направилась к сестре. Я думал: как добраться до Потылихи? Сдал свой почти пустой чемодан в багажную и вернулся к остановке. Тут я вспомнил, что в чемодане кроме рисунков и нескольких книг по искусству лежит сверток с хлебом и куском брынзы. Махнул рукой и встал в очередь к трамваю. Одна моложавая тетя с двумя кошелками через плечо указала мне на 40-й номер. До конца. На него и она села. Трамвай пошел через центр: Арбат, Смоленская площадь, Бородинский мост, поворот налево, на Бережковскую набережную. Мимо Брянского (так назывался тогда Киевский) вокзала по булыжной набережной, мимо Дорхимзавода с сероводородным ароматом вокруг. Окружной мост, вдоль насыпи которого расположились какие-то фанерные лачуги. Позже узнал, что этот уголок назывался Шанхаем. Обосновавшиеся здесь стихийно случайные люди и образовали такое поселение. Поздними вечерами проходить здесь было небезопасно.

Проехав под арку моста (в то время была одна арка), я добрался до конечной остановки, до кольца трамвая и оказался на окраине Москвы. На остановке увидел молодого коренастого человека, у которого на плече висел огромный черный ящик, в руках он держал сложенный треножник. Фотограф, - подумал я и обратился к нему с вопросом:

- Как пройти к кинофабрике?

- Пошли, я туда же, - спокойно ответил он, И я направился за ним. Мы свернули в сторону березовой рощи, здесь начинались Воробьевы горы. Прошли по извилистой тропе и вскоре оказались перед небольшой тесовой будкой - проходной No 1. У охранника на плече висела охотничья одностволка. Он посмотрел на нас и пропустил, не спросив у меня пропуска. Мы прошли пустынный двор, вошли в вестибюль, где было прохладно.

Моим спутником оказался фотограф Петр Петрович Бобров. В его огромном ящике находился фотоаппарат Ментор. Бобров показал мне, как пройти в комитет комсомола. Там меня

встретил светлокудрый, худощавый секретарь комитета комсомола Паша Серегин. Он посмотрел мой комсомольский билет, направление Наркомпроса и стал кому-то звонить. Возвращая мне документы, он улыбнулся и сказал:

- Устраивайтесь с жильем, завтра приходите в отдел кадров к товарищу Жезлову.

В комнате у окна сидел помощник звукооператора, секретарь комсомола техбазы Вано Зауташвили. Пожимая мне руку, Серегин произнес:

- Вот как раз он, - и он показал на Зауташвили, - и проводит вас до барака.

'Я и Вано вышли из комитета комсомола. Прошли мимо столярного и механического цехов, огромного кирпичного здания круглого фундусного склада с названием Берлин и подошли к деревянной проходной No2. Вышли на улицу и направились в сторону бараков. Сегодня на этом месте высится дом No2 с универмагом на первом этаже. В то время там был барачный поселок: десять длинных жилых бараков: барак-баня, барак-кухня с двумя титанами для кипятка. Позже в одном из бараков открыли клуб.

Я поселился в бараке No3, в общей комнате. Здесь жили киномеханики Давид Лапидус, Саша Иванов, их ученик - маленький, юркий Алеша Слесаренко (любимец киномехаников) и молодой модник режиссер мультфильмов Жора Баженов. Возле двери за фанерным закутком ютилась подсобная рабочая А. Петрова с мужем и ребенком. В углу - моя койка-топчан, маленький скрипучий столик, такая же табуретка. Позже по указанию коменданта бараков А. Елояна мой уголок отгородили фанерной перегородкой. Итак, с жильем наладилось. Я быстро познакомился с новыми друзьями, и первым из них был Вано Зауташвили. Он на Госкино перешел со студии А. Ханжонкова. (Во время Великой Отечественной войны храбро сражался с врагом, был несколько раз ранен. В 1961 году, будучи пиротехником в экспедиции по картине Алые паруса, погиб на трудовом посту.)

Шло время. Студия достраивалась, реконструировалась. Мосфильмовцы, несмотря на все трудности, работали, снимали картины с большим подъемом.

А трудностей было много: неблагоустроенные павильоны, где зимой гулял холодный ветер, съемки проводили в пальто и рукавицах. В бараках тоже было холодно, зимой промерзали стены, люди часто болели.

Мы всегда радовались приходу весны, теплым солнечным дням. В свободное от работы время благоустраивали территорию

студии, сажали деревья, выращивали аллеи. Сейчас деревья выросли и стали большими.

В предвоенные годы на Мосфильме снимались многие картины - режиссеров С. Эйзенштейна, В. Пудовкина, А. Роома, И. Пырьева, М. Ромма, Г. Александрова, Д. Марьяна, Г. Рошаля, В. Строевой, А. Довженко, И. Правова, О. Преображенской, А. Медведкина, Т. Лукашевич, А. Птушко и многих других.

В начале работы мне довелось встретиться с очень милым добродушным пожилым человеком - художником Владимиром Владимировичем Балюзеком. С ним работали по фильму Мечтатели. Нельзя не вспомнить имена и других художников, настоящая дружба с которыми помогла мне в- производственно-творческой деятельности: В. Карнаухов и Н. Соловьев (оба погибли на фронте), Г. Гривцов, старшие товарищи - художники В. Егоров, Д. Колупаев, А. Уткин, А. Никулин, В. Рахлес, В. Комарденков, И. Шпинель.

Прекрасным наставником для меня был оператор-художник Л. Косматов. С ним мне посчастливилось работать над фильмами Поколение победителей, Зори Парижа, Гаврош, Семья Оппенгейм.

1934 год памятен особо. В этом году были проведены выборы в Московский и районные Советы. Депутатом Моссовета стал режиссер Г. Рошаль. А во Фрунзенский (потом Киевский) районный Совет были избраны режиссер А. Медведкин, художник-гример В. Шишков, слесарь В. Волков. Вскоре была создана депутатская группа, куда привлекли большой отряд активистов. Руководство этой группой поручили, как депутату райсовета, мне.

К производственной деятельности прибавилась большая и сложная общественная работа. Избиратели нам наказали ускорить строительство дороги к студии и первого жилого дома. Начали с прокладки трамвайной линии от села Воробьева до студии. В 1935 году часть людей из бараков переселили в первый жилой дом. (Этот дом простоял до 1960 года. Сейчас на его месте разбит сквер, сохранились аллеи деревьев, которые посадили сами жильцы.)

В 1936 году развернулось строительство дороги от Окружного моста до студии. В 1938 году пошли первые голубые троллейбусы, позже автобусы. Это был труд огромной массы людей.

Очень много было организационных дел, связанных с Моссоветом и райсоветом. Сейчас, проезжая участок от Окружного моста до школы No 74, вспоминаю те далекие дни, когда мы вместе со строителями сносили земляную гору, которая стояла на пути. Мосфильмовцы часто выходили на субботники и

работали с большим подъемом. Огромнейший труд, вложенный в благоустройство Потылихи, принес свои плоды. Сейчас эта улица стала большой магистралью столицы.

Рос наш Мосфильм, увеличивался план по выпуску фильмов. Студия постепенно становилась крупнейшей не только в стране, но и в Европе.

Рассказываю о своей молодости потому, что она типична для поколения, встретившего утро 22 июня 1941 года. Нам не нужно было войны. Мы жаждали труда, творчества, счастья. Но когда враг напал на нашу страну, мы все встали на ее защиту, иа защиту своей жизни.

* * *

В такой же летний день, за несколько лет до войны, в моем родном селе я встретил свою будущую жену. Студентом я не забывал родного Ерлыкова. Ездил туда и в летние, и в зимние каникулы родных навестить, с друзьями повидаться.

Небольшая группа комсомольцев была активом села, вовлекала остальную молодежь в свои дела. И здесь я посильно помогал. Организовывал лекции, кинопередвижки, концерты самодеятельности. Люди села - и стар и млад - все тянулись к школе. Большим успехом пользовалась самодеятельность. Как только что-либо вечером происходило в школе, моя мать, уже пожилой человек, после хозяйственных дел по дому спешила в школу. И так все мужики и бабы.

Школа была маленьким центром культуры. Инициатором всех мероприятий был комсомол, возглавлявшийся тогда молодой учительницей. Она же и заведующая школой.

После нескольких встреч мы подружились. Прошло какое-то время. Лена уехала на учебу в педагогический институт, поступила на работу в Москве... Тогда мы и поженились. Наша работа стала для нас главной радостью. Я ушел в дела киностудии, она учительствовала. Появились дочки - наше счастье. И вдруг: Германия напала на нас!

23 июня с группой товарищей по студии я направился в райвоенкомат. В душных, прокуренных коридорах полно людей. Протискиваемся в одну из комнат.

- Мы военнообязанные, но повесток не получили. Как быть? - обрашаемся к военкому.

Молодой лейтенант оглядывает нас и торопливо интересуется: кто мы, откуда и, не оставляя своих дел, говорит:

- Когда нужно будет - вызовем, не забудем никого.

Народное ополчение

4 июля. Солнце только начинает всходить. С Окружной дороги доносятся гудки и свистки паровозов. Рабочий день еще

не наступил, а на студии уже собираются коммунисты с вещевыми мешками. Много провожающих.

В числе отправлявшихся на защиту Родины председатель фабкома А. А. Николаев, начальник производства А. И. Иванов-Аннинский, директор съемочной группы Н. И. Привезенцев, заведующий актерским отделом В. С. Канашенок, ассистент режиссера Вар-тан Кшимишев, помощник директора студии по хозяйственной части А. В. Минин, заведующий мебельным складом С. И. Мареев, начальник малярного цеха И. Г. Жданов, многие рабочие-коммунисты из цехов.

Прощальные объятия, напутствия, пожелания, и автобус, оставляя за собой сизую дымку, увозит мосфильмовцев от привычных любимых дел на неведомое, что обобщалось коротко: на фронт!

Не успели разойтись оставшиеся в Москве, как во двор въехали два автобуса со школьниками. Только недавно их отправили в подмосковный пионерский лагерь, и вот пришлось привезти обратно.

Детей развозят по домам. Расходятся провожающие и встречающие. На студии наступил очередной рабочий день. Завизжали пилы в столярном, залязгал металл в механическом. На бетонной площадке стали готовить аппаратуру для киносъемки...

Прошло два дня. Воскресным утром 6 июля во дворе студии у главного здания в четыре шеренги выстраивается 280 человек. В строю стою и я. В одном кармане пиджака небольшой сверток с бутербродами, в другом - как всегда, блокнот. Гляжу на провожающую меня жену с детьми. Она их целует, что-то им говорит, показывая в мою сторону. Дочурки машут ручонками, я в ответ киваю головой, чувствую на сердце тяжесть, хотя я, как и все, не знал, что расстаюсь с семьей надолго.

В 10 часов колонна работников студии тронулась на место сбора ополченцев Киевского района. Сопровождал нас новый директор студии А. Н. Грошев. До этого он руководил сценарным отделом. Прежний директор А. Х. Хачатурьян шел в первом ряду как ополченец. Рядом с ним Анна Васильевна Соловьева, секретарь партбюро. Здесь же редактор многотиражки За большевистский фильм Сима Альтзитцер, звукооператор Борис Филимонов, режиссер Михаил Гоморов, режиссеры Георгий Елизаров, Кирилл Эгерс, операторы Виктор Масленников, Петр Маланичев, Иван Канаев, Николай Смирнов, секретарь комитета комсомола Паша Серегин, ассистент режиссера Миша Калугин, киномеханик Саша Иванов, Николай Листратов - инженер одного из цехов студии, инженер звукоцеха Александр Индлин, механик

Леша Чуриков, инспектор отдела кадров Таня Каменская и многие другие сотрудники коммунисты, комсомольцы, беспартийные.

Безоблачное голубое небо. Ярко светит солнце. По Бережковской набережной мы, добровольцы, идем с песней, которая так полюбилась нам всем в предвоенные годы:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля.
Просыпается с рассветом
Вся Советская земля.
Холодок бежит за ворот,
Шум на улицах сильней!
С добрым утром, милый город,
Сердце Родины моей!
Кипучая, могучая,
Никем не победимая,
Страна моя, Москва моя,
Ты самая любимая.

Узкий, с булыжной мостовой Смоленский переулок. На углу, возле остановки трамвая Б, красное кирпичное здание школы No 60. Здесь, в тени, на тротуарах и мостовой переулка собиралось ополчение 21-й дивизии Киевского района столицы. Вместе с работниками кино подходили люди с Дорхимзавода, ТЭЦ-12, из институтов экономики, истории, философии Академии наук СССР, из других учреждений.

А. Х. Хачатурьяна назначили комиссаром 63-го стрелкового полка, А. В. Соловьевой поручили возглавить сангруппу в 21-м запасном полку, в нее вошли С. Альтзитцер, Н. Мартынова, А. Петрова, Т. Каменская и другие. Командир дивизии - кадровый военный, полковник, участник финской кампании А. В. Богданов, работники политотдела А. П. Анчишкин, С. М. Абалин - все из институтов Академии наук СССР. Назначались командиры и комиссары полков, руководители других подразделений.

Большинство людей были направлены в школу No 59, это в Староконюшенном.

Меня и инженера Н. А. Листратова направили на Потылиху в школу No 74. Здесь формировался запасный полк дивизии.

Пробиваемся сквозь неспокойную толпу в помещение. Как и все школы Москвы, 74-я была в те дни военным штабом. Совсем недавно в коридорах школы звенели детские голоса, а теперь здесь хозяевами стали озабоченные учителя, взрослые отцы и матери.

В школе тесно. На каждом этаже рождались новые батальоны. Таблички классов заклеены бумажками, на которых теперь можпо

прочитать номера батальонов, рот. В кабинете директора на первом этаже штаб полка. Только здесь можно было видеть военных. В бывших классах, в коридорах - повсюду были штатские. Среди них хлопотала директор школы Н. Ф. Плахина.

Н. А. Листратов как комиссар остался в штабе нашего второго батальона, я направлен политруком в четвертую роту и знакомлюсь с ее командиром Н. М. Иконниковым. Ему за сорок, из запаса. Полный, невысокого роста, затягивается папироской. Командир не спускает с меня глаз. Видимо, думает про себя: Что за политрук мне достался?

В широкой гимнастерке, подпоясанной брезентовым поясом, Иконников то и дело поправляет длинные рукава, спускающиеся на его крупные кисти рук. Синие брюки-галифе, маленькие, гармошкой, поношенные хромовые сапоги еще больше подчеркивают приземистость его тучной фигуры. На голове фуражка защитного цвета.

- Так, значит, будем воевать! - хриплым голосом с одышкой говорит он, пожав крепко мою руку.

- Значит, так, - отвечаю я, разглядывая его круглое отекшее лицо.

Побатальонно только что созданный запасной полк в сумерках покидает школу. По буграм и оврагам Потылихи, через Окружную дорогу ополченцы направляются к Кутузовской слободе. Здесь, в помещениях заводского детского сада, квартируется наш второй батальон.

- Были в школе - теперь попали в детский сад. Остается еще побывать в детских яслях, а там и люльки с молоком к ужину, - шутит Иконников.

Поправляя рукава гимнастерки, он иронически наблюдает за подчиненными, которые, кряхтя и вздыхая,, располагаются на голом деревянном полу, прижимаясь спинами один к другому. После дневных переживаний утомленные люди сразу впадают в сон.

Мы с командиром роты сидим за квадратным столом у большого окна. В вечерней синеве неба вырисовываются силуэты заводских корпусов. Мы долго говорим, как давно знакомые...

Одновременно с комплектованием дивизии руководители предприятий и учреждений нашего Киевского района взялись за работу по оснащению дивизии всем необходимым. На заводе кабельной сети изготовили несколько тысяч шанцевых лопат, Дорхимзавод подготовил котлы для питания. Тароремонтные заводы выделили топчаны и койки, завод имени Бадаева - 10 походных кухонь, завод имени Орджоникидзе - более тысячи котелков. Райком партии направил в дивизию 61 автомашину и

обеспечил бойцов дивизии питанием.

* * *

По указанию 33-й армии, в состав которой была передана наша 21-я дивизия, 8 июля мы вышли маршем из Москвы на запад в подмосковные леса.

Летняя ночь. По серой глади асфальта темной лентой растянулась наша колонна. Кто с рюкзаком за плечами, кто с легким чемоданчиком или портфелем, кто просто безо всего, шли в общей колонне в сапогах, ботинках.

Справа - еле заметный силуэт домика. В бывшей деревне Фили стоит изба крестьянина Андрея Севастьяновича Фролова. 1 сентября 1812 года здесь заседал военный совет. Изба, став музеем, так и называется Кутузовской. Летом 1941 года изба-музей стала еще ближе нам, москвичам, уходящим воевать за Отечество. Мы бросаем последний взгляд на окутанную синевой ночи Кутузовскую избу в Филях, на контуры многоэтажных зданий и ускоренным шагом продолжаем марш. Впереди дозоры, по сторонам - боевое охранение. Колоннами, поротно двигаются батальоны.

Постепенно светлеет горизонт, становясь оранжево-красным. Мерцающие звезды одна за другой потухают.

Колонна непомерно растянулась. Идущие в задних рядах, так называемые замыкающие, отстают. Направляющим дается указание замедлить шаг.

Раскаленным диском выкатывается солнце. Меняется окраска неба. Краснота переходит в желтоватую зелень, затем легкую голубизну. Высоко над нами пролетают самолеты, охраняя наш покой. Хотя покоя уже нет.

Первый привал. Располагаемся по обочинам шоссе, на мокрой от росы траве. Поплыла табачная дымка.

Вздыхаем от разных дум, ноет в пояснице, в коленях, осматриваем потертые ноги - болят пятки. На помощь подходят санитарки. Вытаскивают из непривычных тяжелых санитарных сумок бутылки с зеленкой, марганцовкой, старательно промывают и смазывают ноги пострадавших. Вот и практика оказания первой помощи... - шутили мы. А потом снова в путь.

Полдень. Березовая роща неподалеку от станции Катуары, место нашей дислокации, другие направлялись в район Пионерской. Густые купы берез бросают синеву теней. Чувствуем усталость от непривычного похода, валимся на сочную траву, вдыхаем лесной аромат.

Начинаем работы по сооружению палаток-шалашей. Стучат топоры, звенят пилы. Каждое отделение проявляет свое творчество. Кто строит юрту, кто голубятню. В общем, кто во что

горазд.

Комиссар батальона Листратов посмотрел и развел руками.

- Что же тут творится, братцы? - удивленно воскликнул он. - Мы здесь пробудем не день, не два. Места укрытий, где будем жить, должны быть малость покрепче. Пока всю самодеятельность прекратить. Вот что, художник, - обратился он ко мне. - Даю тебе задание составить проект. По нему построим шалаш для штаба батальона. По этому образцу будут творить и другие. Понял?

- Как не понять.

- Тогда давай проектируй что-нибудь поинтереснее!

Примостившись на бугорке, начал набрасывать эскиз шалаша-палатки. Вскоре группа строителей-ополченцев с топорами, пилами приступила к выполнению поручения.

На месте кустарника вырос небольшой шалаш-домик, похожий на дачку с изломанной крышей. Цоколь из кругляка, каркас из ветвей. По бокам - по оконному просвету. Внутри маты из прутьев. Перед входом сбоку столик со скамейками. Палатка рассчитана на отделение. Заканчивается отделка, на коньке крыши устанавливаем небольшой красный флажок.

Из-за палатки показываются Листратов и Иконников.

- Как видите, товарищ комиссар, ваше задание выполнено, - доложил я, продолжая сидеть на бугре с блокнотом, вытирая пот со лба.

В это время стоявший сзади комиссара Иконников взмахом руки снизу вверх что-то мне показывает. Строители весело между собой переговариваются, не спуская с меня взгляда. Я не понимаю, в чем дело. Кто-то сзади тыкает меня пальцем в спину. Вскакиваю, растерянно смотрю на комиссара и комроты.

Листратов, подойдя ко мне и повернувшись к Иконникову, дружески говорит:

- Прекрасно сделано. Постарался художник, а докладывать не умеешь.

- Дать задание командирам и политрукам рот, - с довольным видом говорит Листратов, щурясь от солнца, - пусть по образу и подобию срочно приступают к постройке. Главному архитектору запишем благодарность.

Листратов и Иконников пожали мне руку. Мы с Иконниковым направились в свое подразделение. Листратов до прибытия из Москвы командира батальона остался один осваивать новую квартиру.

На следующий день квартиры были готовы во всех подразделениях.

* * *

В рабочей спецовке, в защитной фуражке, из-под которой

выбивается пышная шевелюра, старшина роты докладывает:

- Товарищ политрук, рота в полном составе построена!

- Что же, очень хорошо. Здравствуйте, - обращаюсь я к строю.

- Здра-сте, - вразнобой отвечают ополченцы. В соседних ротах слышу то же. Ополченцы запасного полка приступили к занятиям.

Наша рота располагается у небольшого холмика полукругом.

- Так вот, друзья! Понимаю ваше состояние, непривычно вам вдали от домашнего уюта, но идет война. Фашисты бомбят наши города, сжигают села, убивают население, уничтожают все, что создавалось нашим народом многими годами и веками. Советские люди встали на защиту Отечества. Мы с вами находимся здесь, чтобы стать бойцами. Воины Красной Армии сейчас проливают кровь, отдают самое дорогое - свою жизнь, лишь бы остановить врага. Мы с вами обязаны подготовиться здесь, чтобы скорее влиться в общий поток борьбы. Больше пота в учебе, меньше крови в бою, - есть такое суворовское наставление. Будем учиться вместе, как вести себя в строю, осваивать винтовку, пулемет. Мы должны владеть этим оружием.

- А пушкой? - спросил кто-то.

- Если будет нужно, то и пушкой, - в тон отвечал я. - Пока будем приобщаться к пехотному делу, привыкать к воинской дисциплине, учиться отдавать рапорт, приветствовать старших. Таковы задачи запасного полка. Мы обязаны сделать все, чтобы оправдать звание народного ополченца.

Поднялось солнце. Ярко освещенная зелень испаряет влагу. Неугомонные птичьи трели разносятся по лесу. В траве стрекочут кузнечики. С цветка на цветок с жужжанием перелетают трудолюбивые пчелы. Надвигается дневная жара. Ополченцы снимают с себя пиджаки, куртки, держа их свернутыми в руках. Рота двигается повзводно. Впереди командир первого отделения актер Театра имени Вахтангова Борис Свобода, на голову выше остальных. Его сухощавая фигура в сером клетчатом костюме заметно выделяется. Ополченцы пробуют идти с песней, приноравливаясь к строевому шагу. Песня не ладится. Бас Свободы выручает. Смелее подтягивают ему остальные:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов,
И, как один, умрем
В борьбе за это...

Каждый старается лучше выполнить команду. Но один не четок в поворотах, другой подскакивает на ходу, дабы подладиться под шаг роты.

- Ничего, ничего, не сразу, - хрипло замечает командир роты. Он шагает сбоку, то и дело вытирая рукавом вспотевшую шею над

расстегнутым воротом гимнастерки. Иконников подпоясан тем же ремнем из брезента, на нем те же темно-синие галифе в обтяжку. Но вместо сапог гармошкой - черные носки и коричневые тапки. Идя замедленным шагом, командир закуривает папиросу. Только было хотел дать команду Крр-р-ругом!, как его одолевает кашель.

Рота двигается все дальше и дальше, неуверенно замедляя шаг в ожидании команды. Иконников одиноко стоит в стороне, тяжело откашливается. Сердито бросив папиросу и малость отдышавшись, с хрипотой в горле он вместо команды выкрикивает:

- Борис!

Актер Свобода сразу понимает, что хочет от него командир, и громко командует:

- Крр-р-р-у-угом!..

Более четко, с более слаженной песней рота возвращается на обед. Иконников шагает позади строя замыкающим. Заложив правую руку за пазуху, левой потирает глаза, качает головой, проклиная возраст, курево, кашель, Гитлера...

После обеденного перерыва возле палаток в отделениях знакомимся с материальной частью винтовки, пулемета.

Над поляной поднимается легкая завеса вечернего тумана. Лес гудит голосами, слышны переливы баяна. Звенят пилы, стучат топоры - хозяйственники строят подсобные помещения.

На поляне совещание командного состава. Впечатления о первых днях в лагере обобщает комиссар дивизии И. А. Анчишкин.

Член партии с 1917 года, И. А. Анчишкин до войны был секретарем партийной организации Института экономики Академии наук СССР. Война сделала его комиссаром. Это был человек богатырского склада и мягкого характера. В первые дни лагерной жизни он мне запомнился в светлой полотняной косоворотке, подпоясанной черным крученым шелковым поясом, и в темно-коричневых навыпуск брюках.

- Фашисты бросили против нас огромные силы, - говорит комиссар. - Каунас и Львов заняты врагом. Борьба идет на Полоцком, Лепельском и НовоградВолынском направлениях. Наша Красная Армия сдерживает вражеский натиск. Самоотверженно сражаются красные воины, что признает сам враг. Сейчас тяжело, слов нет. Работа над собой, забота о подчиненных - вот наша задача, наше волнение. Потирая руки, комиссар обводит собравшихся взглядом и продолжает: - Привычки мирной, гражданской жизни надо оставить и перестроиться на военный лад. Необходимо подготовиться к лишениям и трудностям - нас ждет фронт.

* * *

Трудно было нам, людям мирных профессий, осваивать военное дело. Но мы понимали, что впереди нас ждут тяжелые испытания, и каждую минуту драгоценного времени мы использовали для своей боевой подготовки: изучали материальную часть винтовки и пулемета, учились стрельбе и штыковому бою, проходили занятия по метанию гранат.

Штаб дивизии принимал все меры для усиления боевой и политической подготовки личного состава. Вот пример одного из приказаний штаба дивизии, который я как политрук старался донести до каждого бойца:

1. Провести беседы со всем личным составом о правах и обязанностях бойца Красной Армии.

2. Добиться умелой заправки обмундирования и снаряжения, воинских приветствий, умения подойти к начальнику, повторения отданных приказаний и их выполнения бегом. Добиться чистоты и опрятности в одежде, умения приветствовать не только вне строя, но и в строю.

3. Добиться строевой слаженности подразделений, требуя четкого строевого шага при всех передвижениях и в повседневной жизни.

4. Командному составу резко повысить требовательность, и в первую очередь к самому себе. Командир должен подавать пример для своих подчиненных всем своим внешним видом, строевой выправкой, четким приветствием старших начальников...

Преобразился облик ополченцев. Вместо пестрых гражданских костюмов, шляп и кепок на всех защитного цвета гимнастерки, пилотки (к ним привыкали с трудом). У командиров на петлицах знаки различия. Кое-кто выглядел несколько комично: у кого гимнастерки и брюки чрезмерно широкие и длинные, у кого, наоборот, узкие и короткие. В свободное от занятий время мы обмениваемся друг с другом одеждой, подбирая ее по своему размеру. Иногда подогнать форму помогают девушки-санитарки.

Распорядок жизни в лагере четкий.

Поздно вечером выпадают минуты короткого отдыха. Собираемся у палаток подразделений. Кто азартно сражается в домино, кто сидит за шахматами. С группой бойцов мы готовим боевые листки. На строевой площадке трудятся болельщики, наблюдающие за игрой в городки. Час отбоя. Лагерь погружается в крепкий сон. На посту лишь дежурные... И вдруг среди ночи прозвучал первый сигнал боевой тревоги. Это случилось ночью. Мы выбежали из палаток со скатками шинелей, вещевыми

мешками, куда втискивали все пожитки походной жизни - от зубной щетки с полотенцем и мылом до алюминиевой кружки, котелка, ложки, с громоздкими брезентовыми сумками противогазов через плечо, за поясом саперная лопата. Винтовок и гранат еще не имели.

Украдкой двигаю ногами в сапогах, пытаюсь поправить сбившиеся портянки, навернутые наспех. Не которые надели сапоги на босые ноги, портянки засунули за пазуху. У многих были обмотки с ботинками. Такими неумехами мы попали неожиданно в строй.

- Получены данные о высадке вражеских парашютистов, предлагается прочесать лес. Каждый батальон имеет свое направление, - услышали мы приказ.

Опушка рощи. Исходное положение. Батальоны построились в одну шеренгу и плотной цепью, умеренным шагом трогаются в указанном направлении.

Пробираемся сквозь заросли колючего кустарника, высокие травы, обходим толстые стволы деревьев. Царапают лица ветви, сбивают пилотки. Мы проваливаемся в ямы, преодолеваем холмы, бугры, пружинистые болотные кочки. Шарим руками, ощупываем ногами и саперными лопатами кусты. В лесу тихо, лишь иногда пролетит летучая мышь, а то вспугнешь филина.

Приближается рассвет, усиливается птичий гомон.

Прошмыгнул под ногами какой-то звереныш, вслед за ним - заяц.

На ходу поправляем снаряжение, натершее плечи, шею, поясницу. Пилотками смахиваем с лица паутину. Из-за воротника вытаскиваем разную живность твердого муравья, рыхлого зеленого червя, пахучего лесного клопа с крепким панцирем.

Необношенные кирзовые сапоги натерли ноги, особенно у тех, кто шел с портянками за пазухой. Кое-кто умудрялся на ходу переобуться, поправить сползшие обмотки и снова занять место в строю. Хотелось-курить, промочить горло, что-то проглотить, передохнуть.

Выйдя к ложбине, шедшие слева внезапно остановились. Наша цепочка изогнулась. Возле кустов ольхи - помятая трава, консервные банки, окурки сигарет. Все оказалось немецким. Валялись подмоченные листовки. Их мы подобрали и сдали военкому. Немцы-парашютисты здесь делали привал, но парашютов не видно.

- Бандиты шныряют где-то.

Рассвело. Сквозь стволы деревьев пробивался солнечный свет. Осмотр, или, как его называли, прочесывание, леса подходил к концу. Наша цепь то растягивалась, то сужалась. Край леса.

Деревья с мелкими кустарниками. Косогор со скатом вниз, к ручейку. Тут мы и остановились. Перекур. Военком батальона Листратов сообщает о первых результатах осмотра в штаб полка. Освежились ключевой водой. Пыльной проселочной дорогой двигаемся обратно в расположение лагеря.

* * *

Группа ополченцев получает суточный отпуск. С радостным трепетом перед предстоящей встречей с родными отправляемся мы в Москву. В руках узелки с гражданскими костюмами. Киевский вокзал. Многолюдна и неспокойна привокзальная площадь. С трудом втискиваюсь в троллейбус. Остановка на Потылихе. Выхожу. Школа No74. Здесь формировался наш запасной полк. Сейчас возле школы безлюдно. Иду по аллее мимо бараков в сторону своего дома.

На площадке под наблюдением бабушек и мам играют детишки у песчаных горок. Мужчин не видно. Одни в армии, другие - на работе. Часть жильцов занята необычным, но сейчас нужным делом: на краю площадки, за тесовым забором, заканчивают рытье траншеи-укрытия.

Спешу к своим. Жена на кухне. Увидев меня, обрадовалась, повела в комнату. Дочурки сразу не узнали в военном обмундировании отца, а узнав, бросились ко мне.

Какое счастье быть дома, с семьей! Малышки взбираются ко мне на колени, примеряют пилотку с красной эмалевой звездочкой. Пилотка им велика, закрывает глаза, и это вызывает у них смех.

Наступили сумерки. Поужинали. И надо же было случиться такому, что мой приезд в Москву совпал с первым налетом на столицу вражеской авиации. Прозвучал сигнал воздушной тревоги. Раздались неспокойные гудки паровозов с Окружной, завыли сирены.

Дочки только заснули.

- Наверное, учебная, - неуверенно говорю я, пытаясь угадать, что там, за замаскированным черной бумагой окном.

- Нет, настоящая! - взволнованно говорит жена. - На днях была учебная, но сигнал ее звучал по-другому. Она заметалась по комнате, разбудила и стала собирать малюток. Вместе с бабушкой спешно вышли на улицу и направились в бомбоубежище, находившееся в соседней школе. Я остался возле дома. Вот по темному небу скользят лучи прожекторов. Из дома продолжают выходить жильцы, торопясь в убежище. Вот послышались резкие выстрелы, затем глухие разрывы. Все насторожились, прислушиваемся к непривычным звукам. К Москве прорвались фашистские пираты. Прожекторы усиленно нащупывают цели.

Зенитные орудия бьют по фашистским самолетам.

- Бомбы, бомбы! - неистово закричали из толпы. Небо над Москвой озарилось заревом пожаров.

Пожилые и больные, матери с детьми укрывались в бомбоубежищах, в земляных щелях-траншеях, вырытых возле домов. Остальные находились на посту противовоздушной обороны. В брезентовых рукавицах, металлических касках бойцы ПВО ходили возле строений, по крышам и чердакам. Сбрасывали зажигалки, гасили их песком, спасали дома от пожаров.

Отбой был дан на рассвете. Толпы утомленных людей потянулись из убежищ. Многие несли на руках спящих детей, завернутых в одеяла и простыни.

Пять часов утра. Утомленные дети крепко спят. Жена, немного отдохнув, на всякий случай простилась со мной, поцеловала сонных малышек и ушла по школьным делам.

- К твоему отъезду постараюсь прибежать, - пообещала она.

То и дело смотрю на часы. Скоро надо быть на вокзале, - думаю я, не отходя от детских кроваток. Бабушка приготовила завтрак. Разбудить или подождать?.. Пора. Бужу детей. Они открывают сонные глаза, но никак еще не проснутся.

После завтрака мы возле дома.

Эля спрашивает:

- Папа, ты сейчас уедешь?

- Папа поедет бить фасыстов, - пролепетала Валя.

Пытаюсь улыбнуться. Дети прижались ко мне. Валя пухленькой ручонкой гладит по моему подбородку. Эля заправляет мои волосы под пилотку.

- Папа, убей фашистов и скорее приезжай к нам.

- И привези гостинцев, - добавляет Валя.

Получив наказ детей, я крепко прижал их к себе, горячо поцеловал...

В это время в воротах показалась жена.

- Еле успела, думала, не застану тебя, - запыхавшись, говорит она.

Я обнял ее, дочек, поцеловал и направился к троллейбусу, то и дело оглядываясь назад. Они махали мне вслед. Дети кричали:

- До свидания, до свидания, папа!..

Я останавливался, смотрел в их сторону. К горлу подступал комок, на глаза навертывались слезы. Молча помахал пилоткой и ускорил шаг. Увижу ли их еще?

- До свидания! - выкрикнул им в последний раз и скрылся за углом...

Я вернулся в расположение части.

Осиротело стоят шалаши-палатки. Ни души, кроме пожилого

дневального.

- Роты на занятиях, товарищ политрук, - извещает он меня. Сдвигает на затылок непривычную для него пилотку, разглаживает русые усы. Не торопясь, свертывает козью ножку, закуривает, а потом березовым веником подметает дорожки.

Я спешу на полигон.

- Тремя патронами заряжай! - раздается команда. За ней следует щелканье затворов.

- Огонь! - и тут же групповой залп один, другой, третий.

Первая рота занимается на стрельбище. В стороне во второй роте занятия со станком по наводке винтовки.

Невдалеке, на поляне со скатом к реке, четвертая рота осваивает приемы штыкового боя.

- Коротким ударом - коли! - подает команду командир роты Иконников.

Один за другим подходят ополченцы к висевшему между двумя березами чучелу. Быстрым рывком всаживают в него штык винтовки. Ветви чучела издают хруст. У кого получается ловко, у кого неуклюже. У некоторых штык уходит по ствол и застревает в чучеле. Боец, обливаясь потом, дергает винтовку, чучело качается. Стоящие в стороне скрытно ухмыляются. Командир роты, взяв из рук бойца винтовку, несмотря на свою грузную фигуру, неожиданно для всех делает легкие и быстрые движения. Он ловко выбрасывает левую ногу и туловище вперед, четко производит укол в чучело, тут же выдергивает обратно винтовку и прикладом показывает удар. Проделав это несколько раз, Иконников с тяжелой одышкой возвращает винтовку бойцу, продолжая следить за действиями своих подчиненных.

Поработав на совесть, роты возвращаются с песнями в лагерь.

- Ну, погостил дома? - спрашивает меня Листратов.

- Да, Николай, погостил, - ответил я, по прежней привычке назвав его по имени. - Но по-настоящему не пришлось повидаться с семьей. Как стемнело, объявили воздушную тревогу.

- Да, нам бы не по лесу ходить, а уничтожать фашистскую гадину, рассуждали мы с Листратовым, следуя за ротами по пути в лагерь.

Поздний вечер. После ужина утомленные за день люди расходятся по палаткам. В каждом подразделении дежурит наряд. И... воздушная тревога. По сигналу все люди, кроме наряда, укрываются в земляных щелях.

- Налеты на Москву, а мы укрываемся в каких-то норах, словно в прятки играем, - слышатся ворчливые голоса. - Стыдно даже перед этими земляными стенами, - недовольные говорят ополченцы.

Лучи прожекторов, вонзившись в темную синеву неба, нащупывают в воздухе врага. Послышался глухой, далекий прерывистый гул самолета. Длинные пучки света то сходятся, то расходятся. Смыкаясь, они образуют световые клещи. Вот в центре скрещенных лучей появляется продолговатый блик.

- Смотри, смотри, поймали! - неистово кричит один из бойцов. - Заметался, зверюга!

Бликующий в лучах самолет противника взвивается вверх, мечется, снова спускается, пытаясь выбраться из световой ловушки.

Бьют зенитки. На соседнем поле падают сброшенные в беспорядке бомбы. Самолет освобождается от бомбового груза. Лучи прожекторов словно впиваются в него. Самолет в лучах оказался над расположением лагеря. Металлический свист и вой, затем... оглушительный взрыв в расположении нашей четвертой роты. Дрогнула земля, засвистели осколки. Прижавшись к земле, мы ожидаем еще взрыва. Но его не последовало.

Невдалеке от штабной палатки нашей роты в чаще леса разорвалась тяжелая фугаска. Скосило вокруг деревья. Воздушной волной отбросило в сторону одного часового, другого ранило в ноги. На месте взрыва собрались командиры и политруки. Осматриваем палатки. В одной, где отдыхала смена наряда, заметили крепко спящего бойца. Пытались разбудить, но он молчал. При свете лампы летучая мышь осматриваем спящего. В его левом боку - окровавленная вмятина с застрявшим осколком.

Боец не успел проснуться. Только вчера он просил отпустить его навестить жену и новорожденного ребенка. Отпуск ему разрешили после наряда. Рано утром он собирался поехать к семье. Жена с первенцем получит извещение о его гибели.

Наблюдаем за воздухом. Слышим нарастающий гул с резким шумом и воем. Объятый пламенем фашистский самолет, только что освободившийся от груза, кометой летит вниз. За шумом и воем последовал взрыв, разлетелись в стороны куски самолета. Уйти мессеру не удалось.

В это время санитарки группы Тани Каменской при тусклом свете фонаря оказывают в палатке первую помощь пострадавшим. После перевязки раненых несут на носилках в санчасть полка, а оттуда - в больницу соседнего села, ставшую теперь полевым госпиталем.

Тело Борисова рано утром уложили в гроб, убрали, полевыми цветами, установили в тени берез. Во второй половине дня запасной полк прощается с боевым товарищем. Под винтовочный салют, под звуки духовой музыки однополчанина похоронили на ближайшем кладбище...

И еще один день лета 1941 года памятен ополченцам нашей дивизии. На большой лесной поляне наш батальон выстроился поротно. За небольшим самодельным столом, накрытым кумачом, сидят политработники и командиры из штаба запасного полка. Мы принимаем военную присягу. Один из комиссаров выходит вперед строя и читает текст присяги. Остальные в строю повторяют:

- Я готов всегда по приказу Рабоче-крестьянского правительства выступить на защиту моей Родины - Союза Советских Социалистических Республик...

В целях укрепления воинской дисциплины и поднятия боевого духа бойцов и командиров Московский городской комитет партии учредил в полках и дивизиях народного ополчения боевые знамена - символ революционной верности Родине, Советскому правительству, большевистской партии, символ победы над врагом. Такое знамя было вручено и нашему полку.

Ближе к фронту

Хмурое утро. Серые тучи заволокли небо. Мечется ветер. На станции собираются ополченцы с ночного марша. Укрывшись плащ-палатками, располагаются вдоль забора, под деревьями, возле станционных домиков. Мелкий дождь шуршит по деревьям, крышам строений, выбивает мелкую дробь по нашим плащам.

Миновал жаркий июль. Лагерная жизнь запасного полка кончилась.

Ставкой Верховного Главнокомандования отдан приказ об образовании Резервного фронта и о включении в него дивизий народного ополчения. Дивизия перебрасывается к Смоленску для подготовки оборонительного рубежа, чтобы прикрыть Москву. На платформы грузят вооружение, зеленые, с коричнево-желтой росписью орудия. Укрывают также разрисованными брезентами повозки, походные кухни.

- Учеба учебой, а как будет там? - раздаются реплики.

- Оно, конечно, что лагерь - дом отдыха, - рассуждает усатый ополченец, часто наводивший домашний порядок в лагере. - Подкатим к фронту - все окажется по-иному.

- Хватит брюзжать. Давай лучше закурим по последней здесь, в Подмосковье, - басит Иконников.

- Съежились, словно мокрые курицы? - ворчит Листратов, отряхивая свой плащ. Пытаясь откинуть капюшон от плащ-палатки на голове командира роты, он, наклонившись, кричит:

- Эй, жив ли?

Показывается луковичный нос Иконникова.

- Уж больно рано задумал меня хоронить-то.

- Где же твои санаторные шлепанцы?

- Здесь, здесь. Вот они, - показывает Иконников из-под полы плаща завернутые в старую газету тапки, а сам переминается с ноги на ногу в хромовых сапогах. - Видишь, как играют мои гармошки, - обращает он внимание военкома на свои промокшие сапоги. - Пригодятся и тапки.

- В общем, сапоги всмятку, - шутит комиссар. Иконников прячет сверток с тапками под полу плаща.

- Молодец, все предусмотрел. Как на курорт собрался, - продолжает Листратов, смахивая с лица струйки дождя, стекавшие с промокшей пилотки. Мы понимаем: балагурство - самозащита от грустных мыслей.

Команда на погрузку людей.

Свисток паровоза. Эшелон с ополченцами трогается в путь.

- Прощай, Подмосковье! До свидания, родная столица! - раздаются голоса.

И вот уже под звук гармошки из одного вагона слышится:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...

Из соседнего вагона раздаются полные гнева слова:

ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война!..

Прислонясь к створкам вагона, я молча наблюдаю за отдаляющимся Подмосковьем. Облокотясь на перекладину, Иконников переобувается в тапки, иногда посматривает на лес, в котором размещался недавно лагерь.

Дождь то усиливается, то ослабевает, превращаясь в мелкую водяную пыль. Освободив место Иконникову, Листратов встает вместе со мной к створкам. Мы с грустью смотрим на затянутые дождевой вуалью поникшие березы, почерневшие поля, потускневшую зелень лугов. Вдали еле заметно тянется кайма леса. Никто из нас тогда не думал, что до победы придется идти страшными дорогами жесточайшей войны почти четыре года.

В такт перестука колес кто-то посвистывал, некоторые дремали, убаюканные качкой поезда. Тихо звучала песня девушек:

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит...

Сильный гудок паровоза заглушил песни. Приближались к станции. Замелькали домики с красными крышами. Короткая остановка в Можайске. Паровоз набрал воды из водокачки и медленно, выжимая скорость, двинулся дальше. Вдоль полотна головешками валялись потухшие зажигалки, в стороне скелеты

самолетов.

Вязьма. Вокзал разрушен. Накренившись на бок, стоят измятые бензобаки. Враг успел поранить старинный русский город. Станция забита воинскими составами. Одни прибывают, другие отправляются.

В пожелтевшем, пропитанном соленым потом обмундировании, с накинутыми поверх жесткими, темными от дождя плащ-палатками, спешат военные, бренча котелками, чтобы набрать кипятка. Но какой тут может быть кипяток. Довольствоваться приходится холодной водой. Разминаем ноги, курим. Размокшая от дождя земля скользит под ногами.

Гудок паровоза. Все бросились к вагонам. Эшелон тронулся. Двигаемся на Ельнинское направление, на Смоленщину.

Густой хвойный лес. Поляна с огородами, постройками. Разъезд Милятино. Спешная разгрузка. Откуда-то издалека доносится гул в воздухе.

- Ну вот и прибыли, - мягко говорит военком батальона, обводя всех взглядом. - Можете покурить, осмотреть снаряжение. И без шума направимся к своим квартирам.

Небо прояснилось. Сквозь рваные плывущие облака показывается солнце. Люди молча идут по Варшавскому шоссе, туда, где начинаются леса.

- Вот уже на протяжении многих дней по ту сторону Десны идут тяжелые бои. Неспокойно и на других направлениях. 15 августа войска Южного фронта оставили Кривой Рог, 17-го - Николаев, - с горечью сказал военком.

Такие вести не радуют. Среди нас разные люди, с разными суждениями, настроениями. Лева из музвзвода идти дальше не может, ссылается на боль в животе.

- Как ему не корчиться, если он всю дорогу жевал разную зелень да еще запивал из грязных луж, - слышатся сердитые реплики. Лева со стоном распластался на земле. Прибыл пожилой врач. Присев на корточки, осмотрел больного и покачал головой.

- Еще перед маршем я предупреждал его о режиме. Не послушался. Необходимо его изолировать, - заключил врач.

К вечеру мы расположились на привал в глухом лесу.

Вдоль проселочного тракта раскинулась деревня Кузнецы. По одну сторону дома-мазанки, по другую - старые амбары. По обочинам дороги толстые ивы с густыми прядями ветвей, в корявых стволах трещины. В этой деревне, западнее Кирова, разместились батальон связи, интендантство. На ее восточной окраине расположился в новом рубленом доме правления колхоза политотдел дивизии, в соседней деревне Барсуки - штаб дивизии. Рядом деревни Большие и Малые Желтоухи.

На занятом рубеже, находясь во втором эшелоне, мы по 6-8 часов строим оборонительные сооружения: роем окопы, блиндажи, возводим инженерно-противотанковые заграждения, устраиваем минные поля. Для артиллерийских батарей готовим основные и запасные позиции. 4-6 часов в день отводим боевой подготовке. Роты поочередно выводятся в ближайший тыл на стрельбища и полигоны.

Доставалось нам. Но мы не только строили, овладевали знаниями, но и помогали местному населению в сельскохозяйственных работах.

Деревня приумолкла. Овцы, рогатый скот угнаны в тыл. По сочным лугам беспечно гогочут гуси. Ненастные дни сменились по-летнему теплыми: бабье лето. На сжатом поле военные машины нагружают снопами, которые отправляют на ток для обмолота.

То и дело среди жнивья взлетают стаи птиц.

Вместе с колхозниками и подростками трудятся ополченцы.

- А ну, давай, поворачивайся быстрее! - раздаются снизу голоса подающих снопы на машину.

Я стою наверху и, еле успевая принимать снопы укладываю их рядами. Эта работа мне знакома с детства. Густые заросли полыни окаймляли тогда борозды крестьян, отделяя одну полосу от другой. Плоды тяжелого труда грузились на телегу. А сейчас были машины. Воз рос все выше и выше, а снопы все пода-.вали и подавали.

- А ну еще, последний! - звонко кричит снизу Таня Каменская.

Брошенный ею сноп не долетает до меня и падает. Его на лету успевает подхватить Листратов и лихо подбрасывает.

- Вот как надо, - бодро обращается он к Тане.

Машина нагружена. Мы с шофером затягиваем воз шестом и едем к обмолоточной площадке. Безветренный день. Изредка доносятся громовые раскаты с передовой. Хлеб обмолачивается конной молотилкой. Одни подают снопы и заправляют молотильную машину, другие деревянными вилами отбрасывают обмолоченную солому. Сгребают зерно, очищают его на веялке, собирают в мешки. По окончании полевых работ спешат в подразделения.

От командования полка поступает специальное задание - соорудить ложный аэродром.

Поле перед лесом, занятое гречихой, превращается в аэродром с самолетами и ангарами из ветвей и деревьев. Стрелки и саперы трудятся от темна до темна.

- Аэродром что надо! - говорит довольный Листратов. - Может быть, примем наряд на такие забавы? - с усмешкой обращается ко

мне Николай.

- Как прикажут, - отвечаю ему, рассматривая результаты труда.

На следующий день рано утром вражеские самолеты роем кружились над аэродромом, сбрасывая бомбовый груз на ложное поле.

Участились полеты немецкой авиации и непосредственно над расположением дивизии. В каждой роте выделили ручные пулеметы, приспособив их к зенитной стрельбе.

Саперы на земляных работах. На макушке холма, среди поля роют окоп и тут же сооружается наблюдательный пункт. Солнце сильно палит. На горизонте бирюзовое небо переходит в фиолетовую дымку. Вдруг донесся гул в воздухе. Саперы, вытирая вспотевшие лица, всматриваются в даль. Едва видимое звено самолетов. Все ближе и ближе.

- Длинный и тонкий фюзеляж, вражеские, - определяют бойцы. И вот уже над полем взрывы. Клубы земляной бурой пыли и коричневого дыма взвиваются фонтаном.

Саперы скрываются в земляных укрытиях. Пожилой боец с лопатой в руках посматривает в сторону взрыва, покачивает головой и медленно спускается с земляной насыпи.

- И работать не дают, и жить стало вроде опасно, - ворчит он. Свертывая цигарку, сапер не спускает глаз с неба, наполненного гулом самолетов, пулеметной стрельбой.

Два краснозвездных истребителя устремляются навстречу противнику. Дают одну за другой очереди. Завязывается воздушный бой. Объятые пламенем и черным дымом два самолета врага идут вниз. Летчики выбросились на парашютах. Маяча в воздухе, плавно опускаются на поле. Фашисты приземлились недалеко от деревни Малые Желтоухи. Они одиноко стояли среди поля, настороженно глядя на приближающуюся к ним группу ополченцев. Фашистов отвели в штаб дивизии. Это были для нас первые пленные.

Один из них молодой, сухопарый, рыжеволосый. С серым, тусклым взглядом, он стоит посреди избы. Держа руки за спиной, нагло смотрит по сторонам. Вместо ответа дерзко выплевывает:

- Хайль Гитлер!

Другой, как загнанная крыса, мотает головой и сиплым голосом с дрожью лепечет:

- Ихь ферштее нихт...

В их полевых сумках обнаружены именные книжки, черные Железные кресты. Из карманов комбинезонов извлекают карты Смоленской и Московской областей, пистолеты, сигнальные фонари, компас.

Пока допрашивали пленных, в воздухе продолжалась борьба. Один из наших истребителей накренился, задымился и штопором пошел вниз. Среди кустарника раздался взрыв. Подбежав к месту падения, мы увидели изуродованные части самолета. На болотной почве образовалась яма с водой, в ее глубину засосало мотор вместе с кабиной...

Бой не утихает. Оставшийся истребитель яростно атакует вражеский самолет. Вскоре самолет со свастикой, окутанный пеленой дыма, пошел на приземление.

Мы горячо приветствуем нашего летчика, отомстившего за своего боевого друга.

К 1 сентября стрелковые дивизии народного ополчения перевели на организацию и штаты стрелковых дивизий сокращенного состава военного времени. Дивизии сохранили существующие номера и наименования. В реорганизованные стрелковые дивизии народного ополчения входили: три стрелковых полка, один артиллерийский, зенитный дивизион, мотострелковая рота, батальон связи и саперный батальон, санитарный батальон и авторота, а также некоторые другие подразделения.

Реорганизация коснулась и нашей дивизии. Наш запасной полк как выполнивший задачу по обучению и отбору людей был расформирован. Личный состав его распределили по другим частям и подразделениям.

В дивизии был создан отдельный батальон связи, в его задачи входило осуществлять связь командования и штаба дивизии с ее частями и подразделениями. Командиром отдельного батальона связи был назначен москвич, человек уже в возрасте, бывший командир запаса по связи старший лейтенант Иван Сергеевич Жучков. Николай Листратов и я получили назначение в этот батальон. Листратов стал комиссаром батальона, а я - политруком одной из рот.

- Какой же я связист? - высказываю свои мысли Николаю при выходе из штаба.

- Мы с тобой не знали стрелкового дела. В запасном освоили его. С таким же успехом познаем и связь, - успокаивал меня мой друг и комиссар.

Встретился с командиром роты связи коммунистом Михаилом Воробьевым. Он моложе меня лет на пять. Охотно рассказывает о себе. Родом из Калининской области. Работая в совхозе, вступил в комсомол. После армии учился на юридических курсах и получил назначение в городскую прокуратуру. Вступил в партию. Когда началась война, из Калинина прибыл в Москву, а оттуда - к нам в дивизию.

Рабочие, инженеры, художники, артисты, юристы, ученые... Людей каких только профессий не было в нашей дивизии. Но все мы в грозную годину стали солдатами Родины. А вот с Иконниковым пришлось расстаться. Его послали командиром автобата.

Итак, новые заботы в новом батальоне.

После обхода рот, поддерживающих связь штаба дивизии с полками, мы с Листратовым зашли на питательный пункт. Походная кухня осиротело скрывалась под ветхим навесом сарая. На время дождя она прикрывалась брезентом. Сегодня вступила в строй оборудованная кухня, размещенная под бревенчатым накатом на задворках деревни. Кухня стала готовить более вкусно и без перебоев. Осматривая ее, Листратов чмокал от удовольствия губами и говорил:

- Вот это я понимаю - настоящий нарпит!

- Фабрика-кухня, товарищ военком! - веселой скороговоркой подтверждает довольный шеф-повар. - Кухня что надо. Может работать круглые сутки. Мне приятно, люди сыты и вам забот меньше. Боюсь одного, товарищ военком, - вдруг потемнел лицом шеф-повар. - Примета есть.

- Что за примета, рассказывай.

- Да то, как оборудуешься, марш на новые места, под открытое небо. Знаю по передовой. Бывало, сидишь в окопах - ничего. Как благоустроишься, жить-то и не приходится.

- А ты рассчитывал здесь сидеть до конца войны? - удивился Листратов.

В спускавшихся сумерках возле кухни хлопотали старшины рот. Бойцы, бренчавшие котелками, ожидали вкусного ужина с новой кухни.

Поздним вечером мы с комиссаром вернулись к себе на квартиру.

- Уж больно вы долго, ребятки. Поди как проголодались? - Так каждый раз с материнской лаской встречала нас одинокая хозяйка дома тетя Груша. Она в теплых носках собственной вязки, в ватной, бордового цвета стеганке. Мы знаем, перед войной она схоронила мужа. И свое утешение нашла в колхозных делах. Ее дочери в соседних деревнях, их мужья на фронте. Тетя Груша рада была сделать все для военных, защитников страны. В избе ее всегда прибрано, к нашему приходу тетя Груша всегда готовит ужин. И сегодня на столе шипит медный самовар. Хозяйка ставит крынку топленого молока и радушно угощает нас. Сев около самовара, она стягивает с головы на плечи ситцевый платок с цветной каймой, открывая свою седину, наливает в чашки горячий крепкий чай.

Нередко поздним вечером сюда заходят наши товарищи. Комбат Жучков, командир роты Воробьев; частыми гостями были Анна Васильевна Соловьева, Таня Каменская с санитарками/Пили чай, о чем только не говорили, с грустью тянули любимую чапаевскую: Ты не вейся, черный ворон. С нами бодрствовала и тетя Груша.

Ночь. Темно. Небо в зведных крапинках. На улице тихо. Кое-где слышится кашель часовых. Мы бесшумно шагаем к околице деревни. Облокотясь на изгородь, невольно всматриваемся в темноту, вдалеке светится зарево вспышек, похожих на зарницу. Доносится гул артиллерии. Долго мы глядим в сторону передовой. Жучков, набивая трубку, начинает первым наш почти каждодневный разговор:

- Эх! Скорее бы туда! - и, прикрывая спичку, закуривает.

- Не хотелось бы слышать эти раскаты и видеть эти зарева, да что поделаешь? Скоро придется и нам это испытать, - прислонившись к покосившейся березовой изгороди, рассуждает Листратов.

В один из вечеров командиров и политруков вызвали к комбату. В тесном амбаре, где квартировал Жучков, слушаем сообщение об обстановке.

- Против нашей обороны враг сосредоточил крупные силы. Срочно привести батальон в боевую готовность!..

С раннего утра до позднего вечера находимся мы в ротах. Беседуем с бойцами, проверяем имущество связи. Тетя Груша, наблюдая за хлопотами квартирантов, поняла, что мы скоро снимаемся с места.

- Как мне жаль отпускать-то вас, мои дорогие сынки! Я так привыкла к вам, точно к своим детям. При вас и работалось и жилось легче. А как же теперь? Она закрыла лицо руками, горько заплакала.

5 часов утра. Прощаемся со своей хозяйкой. Обнимаем, целуем ее, пожимаем ее трудовые старческие жилистые руки.

- Не волнуйся, мать! За твое внимание сердечное спасибо! Нам пора воевать.

Люди, подводы, машины готовы.

Комбат Жучков и военком Листратов стоят на дороге, проходящей по задворкам деревни. Они молча осматривают обозы. У походной кухни в шинели маленький толстенький шеф-повар рапортует:

- Кухня готова к походу. - И, подойдя ближе к Листратову, шепотом добавляет: - Я же говорил вам, товарищ военком, что придется сниматься.

В это время комбат, погрозив ему пальцем, говорит:

- Ох и шельма! Раньше нас пронюхал об уходе с насиженного гнезда, а потом ссылается на какую-то примету. Бывалый вояка, видно!

Сквозь пелену моросящего дождя батальон связи двигается навстречу боевым испытаниям...

Первое испытание

30 сентября началось генеральное наступление гитлеровцев на Москву.

3 октября фашисты форсировали Десну и прорвали первую линию обороны. Наши части прикрывали подступы к Кирову. Мы еще не испытали боя. Попадали под бомбежки, наблюдали за воздушными схватками советских летчиков с фашистскими. И вот первая встреча с врагом лицом к лицу...

Бой начался с грохота артиллерийской стрельбы. Над нами кружили фашистские самолеты. Нас бомбили. Моторизованная пехота с танками двигалась на наши позиции.

Деревни Погребки, Зимнинские Хутора, Большие и Малые Савки. Враг пытается оттеснить нашу дивизию. Но бойцы держатся стойко. Они нередко переходят в контратаки, вышибая фашистов из населенных пунктов. Вражеские автоматчики пытаются зайти с тыла, но, получив отпор, откатываются. Против вражеской пехоты вели усиленный винтовочный огонь, танки забрасывали бутылками с горючей смесью. С наступлением темноты бой затихал.

Утро следующего дня началось с орудийных залпов. Снаряды все чаще рвутся вокруг КП дивизии. Дымовая гарь просачивается сквозь березовую рощу. Немецкий обстрел усиливается. После каждого взрыва нарушается связь. Еле успеваем ее восстанавливать. Вернулся связист комсомолец Евтехов.

- Только я достиг поля, чтобы восстановить связь, - рассказывает он, - как вокруг начали рваться мины, слышу, как шуршат над головой снаряды. Вначале перебежками, пригибаясь, затем ползком вдоль кабеля добрался до обрыва. Соединил концы. Обстрел не утихает. Снова обрыв. Пытаюсь исправить повреждение. Рука в крови, онемела. Восстановить кабель теперь не под силу. Подоспел Панфилов. Он-то и помог. Быстро добежали до кустарника. Отдышавшись, вернулись к своим. Потрепало шинель, малость задело, - и он показал окровавленную руку. - В общем, получили боевое крещение.

Пока он рассказывает, на его раненую руку санитарки накладывают повязку. Подбегает связной из штаба и, запыхавшись, обращается ко мне:

- Товарищ политрук! Нет связи с Гусем.

Все связисты в разгоне. Посмотрел на Евтехова с Панфиловым. Они поняли мой взгляд. Тут же забрали катушку с кабелем, трубку ТАТ и бросились на очередное исправление линии.

Разрывы снарядов все ближе от командного пункта. Квадрат обстрела сужается. Связистов-повозочников, находящихся в роще, ставим в оборону западной стороны. Приказываем окопаться, зарядить винтовки, наблюдать за открытым полем. Возле кустов справа и слева устанавливаем по пулемету.

Погода дождливая. Солнцу не пробиться. Фашистские самолеты сегодня не полетят.

- Небесное светило теперь не в почете. Жарко и без него, - с горькой иронией говорит Листратов, наблюдая за боевым порядком обозников. Быстрой походкой он переходит от одной

группы к другой.

Невдалеке от КП - взрыв. Повредило машину с рацией, ранило радиста, посыльного, у начальника связи А. Ф. Еськова разбило очки. Без них он, как слепой. Я находился на контрольной связи немного в стороне. Спешит комбат Жучков. С ходу предупреждает меня, чтобы следил за телефонной линией.

- Сделайте все, чтобы не было перебоев, - говорит он. - Вашего Воробьева вместе с командиром рации послал за другой.

После наставлений Жучкова направляюсь навстречу ожидаемой машине с радиостанцией. На взмыленной лошади из-за кустов, окутанных дымом, скачет связной из артполка. Спрашивает, где КП дивизии. Показывая ему направление, интересуемся:

- Что случилось?

Резко дергая повод лошади, связной выкрикнул:

- Огурцов нет! - и галопом поскакал на КП.

- Да-а, неважно складывается, - подумали мы, пригибаясь от проносившихся с воем мин.

Подъехал на Рыжке, как щепа, худущий, вечно торопливый политрук оперативного отдела.

- Братцы, нет ли чего проглотить, как волк, голодный, - заправляя льняные пряди волос под пилотку, заикаясь, обратился он.

Вытащил я из кармана кусок хлеба со шпигом, обсыпанный табачной пылью.

- Чем богаты, тем и рады. Сейчас не до обеда.

- И на том спасибо, - промолвил политрук, сдувая табак с хлеба и с жадностью откусывая.

Вскочил на коня и рысью понесся в полк...

Враг усиливает удары на земле и с воздуха. Спускающиеся сумерки озаряются заревом пожарищ. Горят деревни. Орудийный гул, стрекот пулеметов. С воем и свистом пролетают снаряды, с треском разрываются вокруг командного пункта. Крики, стоны раненых, горечь во рту от дыма. Противник теснит наши части.

Под вечер батальон связи получает приказ на отход. Молча покидаем позиции. По мере удаления березовая роща, затянутая туманом и дымом, кажется силуэтом причудливо разбитой скалы. Первой продвигается артиллерия, прикрывая наш отход. Небо заволакивает свинцовыми тучами. Дождь. На сердце камень - мы отступаем...

- Надо отходить, чтобы сохранить силы, - говорят нам. Наша колонна медленно двигается. Идем по деревне Космачево. На улице толпятся жители старые и малые. Они смотрят на нас хмуро и с тревогой. На краю деревни, на крыльце дома - старушка

и молодая мать с грудным ребенком. Видя движение пехоты, артиллерии, машин от передовой в тыл, женщины вместе с плачущим ребенком заголосили, обращаясь к нам:

- На кого же нас покидаете?..

Тяжело слышать это. Мы чувствуем упрек, глядя на каждый дом, дерево, клочок земли. С горечью представляем, как завтра фашисты разорят веками стоявшее село, будут глумиться над людьми. Деревня осталась позади. Голоса плачущих старух и матери с ребенком звучат в наших ушах как плач Родины. Долго они не будут давать нам покоя, пока не вернемся, пока не освободим родную землю.

Поздний вечер. Впереди ярко горит подбитая автомашина. Враг ведет минометный огонь. Он обходит наши колонны по сторонам, выбрасывает автоматчиков, строит засады. Беспрерывно пускает осветительные ракеты, посылает трассирующие пули, снаряды и мины, не давая передышки.

Переходим речушку, шаркая сапогами и колесами обоза по ее каменистому дну. Преодолеваем обрывистый берег. Он будто не пускает нас, словно упрекает: Куда вы? Одумайтесь!

Напрягая все силы, толкаем машины по скользкой, мокрой глине. Дорога выводит нас к зарослям и укрывает от врага. Скрипят повозки, фыркают лошади, громыхают машины. Молча идут бойцы. Вместе с военными едут гражданские подводы, сопровождаемые пожилыми мужчинами, увозящими женщин с детьми подальше от врага. Враг приутих, готовясь нанести новый удар. Батальон пробирается по лесным дорогам, преодолевая завалы. Лошади спотыкаются и падают, машины с ревом буксуют. Пересохшее горло смачиваем глотками жижи, собираемой пригоршнями или пилотками в колеях дороги. Только под утро выбираемся из леса.

Перед нами просторное поле, появилось утреннее октябрьское солнце и обогревает промокших, измученных людей. От одежды, упряжи, промокшей в ночном пути от беспрестанного дождя, идет пар. Обоз с лошадьми и машинами свертывает влево на изгибающуюся дугой дорогу. Через деревню он спешит к другому массиву леса. Послышался гул. Всматриваемся в небо. Приближаются фашистские самолеты. Мы залегаем среди жнивья. Под гул моторов, завывание сирен сыплются бомбы. Вздымаются фонтаны земли, столбы смрадного черного дыма. Осколки металла разлетаются по сторонам. Поле покрывается воронками. Бойцы плотней прижимаются к земле. Снова вскакиваем и бежим, лишь бы укрыться от нападения с воздуха. Скрываемся в кустах оврага, в воде с осокой, в тени ската.

Гул моторов усиливается. Крылья с черно-белыми крестами

зловеще проносятся над нами. Самолеты один за другим совершают все новые и новые заходы, пикируют, строчат из пулеметов по мечущимся людям.

Закрываем глаза, чтобы не видеть происходящее, затыкаем уши, чтобы ничего не слышать. Прикрытые телами матерей дрожат от испуга дети. Взывают к помощи раненые. Рядом с живыми, распластавшись, лежат мертвые. По полю красным комочком в накинутом одеяльце передвигается малыш. Он пробирается от одной женщины к другой, с плачем разыскивая свою мать. От выстрела стервятника комочек подскочил и скрылся под смятым одеяльцем... Как назло, за все время отхода мы не видим ни одного ястребка. Куда они запропастились? - слышалось вокруг.

Перед заходом солнца достигаем леса и буквально падаем в сырую траву, на валежник. Командир роты Воробьев проверяет наличие людей в подразделении, техническое имущество.

- Предстоит еще тяжелый путь, все должно быть наготове, - внушает он, вытирая лицо пилоткой.

Я задерживаюсь на краю искореженного обстрелом и бомбами поля, с болью в сердце думая о жертвах вражеского налета. Появился командир автобата Иконников. Мы с ним направились в объятую пожаром деревню, куда свернули машины и подводы.

Вот они краски крови и адского пламени войны, - теснится у меня в голове...

Обоз направили в лес, оставшихся в поле подобрали и на подводах доставили туда же. На опушке, направляясь к роте, встретились с Воробьевым. Иконников свернул к автобату. Прибыли подводы. Раненых перевязали, разместили на обоз с имуществом. В хмуром молчании расстаемся с мертвыми, похоронив их в общей могиле...

Наше движение возобновляется. В стороне, слева деревня Ухобичи. Обходим ее.

Враг стремился расколоть наше соединение. Дивизия оказалась оторванной от соседей. Надо было что-то предпринимать.

Сгущается темнота. Моросит нудный дождь. Выбираемся в поле с перекрестком дорог. Сплошное месиво грязи затрудняет продвижение. Люди сгрудились, не зная, по какой из дорог двигаться.

Сердито, негромко переговариваются бойцы, гудят машины. Под выкрики старшины подтягивается со стуком и скрипом обоз. Все нарушается, все перемешивается. Хаос, неразбериха. Люди чертыхаются, стараются разыскать своих.

- Пусть ведут куда-то. Нечего тут месить глину!..

Комбат Жучков и комиссар Листратов собирают своих, дают, необходимые указания.

Батальон связи решает двигаться прямо вдоль оврага. Показавшаяся за перелеском деревня Маклаки охвачена заревом пожара. Поравнялись с кустарником. Слева раздается автоматная очередь. По головным машинам застрочили пулеметы, взвились ракеты. При ярком свете начался минометный обстрел. Колонна батальона заметалась, первые два грузовика оказались подбитыми, застопорив движение остальных. Из первой машины выскочил Листратов и скомандовал:

- К бою!

Установленный на полуторке пулемет заработал. Связисты открыли огонь из винтовок по вражеской засаде. От контраста темноты и ракетных вспышек трудно было что-то разобрать: где свои, где противник. Вскоре пулемет замолк. Один из пулеметчиков убит, другой ранен. Комиссар Листратов рванул меня за плечо:

- А ну, давай на машину!

Он сам лег за пулемет, я подавал ленту.

- Так их!.. - скрипя зубами, зло произнес комиссар, усиленно нажимая на гашетку.

Вскоре пулемет как бы поперхнулся и смолк. Лента пустая, патронов нет.

- Эх!.. - с горечью обиды произнес военком и склонился на максима. В это время его задела вражеская пуля. Поврежденным оказался и пулемет.

Пока вели огонь из пулемета, колонна батальона вместе с командиром Жучковым повернула на другой, обходной путь. Медлить было нельзя. Подобрали раненых. Вместе с ними на машине увезли и комиссара.

Наша группа оказалась отрезанной от основной колонны батальона. Под усиленным обстрелом врага мы пошли вправо от дороги, вниз по скату поля. Когда взлетали ракеты, мы падали на землю и замирали. Как только ракеты потухали, тут же вскакивали и бежали. То пригибаясь, то ползком продвигались по разжиженному дождем полю вниз, к оврагу. Роем летели трассирующие пули, из реактивных минометов огненными стрелами проносились над головами мины. Люди падали, оставаясь бездыханно лежать на сырой земле.

Осколком у меня перебило ремень полевой сумки. Только было попытался ее подобрать, летит раскаленная болванка мины, сливаюсь с землей. Взрыв - и разлетаются с писком осколки. Лицо в грязи, шея и руки в крови. Напрягая усилия, с трудом

подбираюсь к сумке. Она оказалась изуродованной вместе с содержимым, среди которого был и бережно хранимый блокнот с зарисовками и записями. Отряхнув сумку от грязи, спрятал ее как самое дорогое под шинель за пазуху.

Вдали и вокруг взлетали немецкие ракеты. Где-то стонали раненые, заглушаемые обстрелом и шумом дождя. Кто-то поднимал голову или руку, пытаясь привстать, но тут же падал, распластавшись на поле, навсегда выбывая из строя живых. Но мы шли и шли. Спотыкались и падали, вставали и двигались, лишь бы не попадаться живыми в лапы фашистов.

Овраг с высокой травой осоки, мелким колючим кустарником. Учащенно бьется сердце. Нестерпимая боль в голове, во всем теле. Валимся на землю, чтобы хоть как-то отдышаться.

Обстрел затихает. Реже взлетают ракеты. В черноте ночи наступает мертвая тишина. Смочили горло болотной водой, перевязали двух раненых. Мне на шею и руку наложили повязки. Затыкаем под ремень намокшие полы шинелей и, держа наготове наганы и винтовки, продолжаем путь.

В нашей группе остались юркий шеф-повар Миша, санитарка Таня Каменская, связисты Горностаев, Пеньков, двое раненых повозочных, политрук Царапов, командир взвода Андрей Ульчук.

Никуда не сворачивая, идем напрямик полем, лесом, переправляемся через речушку. С большим трудом пробираемся болотом. Сплошная трясина с кочками, как на пружинах, с осокой и тростником. В сапогах булькает вода. Мокрое обмундирование, прилипшее к телу белье вызывают судорогу. Тяжелые от сырости шинели висят на плечах тяжелым грузом. Ремень, на котором висят наган в кобуре, подсумки с патронами, натирает поясницу. Ноет тело. В небе изредка появляются просветы. Робко выглядывает бледно-желтый серпик луны и становится нашим ориентиром. Проступает утренняя синева.

Промокшие, усталые, еле-еле выбираемся из болота. Показалась околица деревни.

- Вот бы заглянуть туда для обогрева, - перешептываемся между собой, всматриваемся в сторону деревни. С опаской останавливаемся у изгороди, прислушиваемся к каждому шороху, скрипу дверей. Как испытанного воина, посылаем туда всегда бодрого повара Мишу. Сами выжимаем влагу из подолов шинелей, выливаем воду из сапог.

Из-за крайнего дома Миша подает сигналы руками. Немедля сворачиваем прачечные занятия и спешим на зов. Настороженно входим в избу. Молодуха с грудным ребенком, девушки, двое бородатых стариков: один сидит в углу на полу у двери, другой -

рядом на высоком пороге, - затягиваются козьей ножкой.

- Входи, входи, не стесняйся. Мы люди свои, - слышим певучий стариковский голос. Старик привстал с порога, пропуская нас.

В избе нас обдает теплом натопленной русской печи. Пахнет свежеиспеченным ржаным хлебом, душистой махоркой. В углу над столом, перед маленьким темным прокопченным иконостасом, на котором изображены Николай Чудотворец и Богородица с младенцем, робко мигает лампадка.

Оставляя на половицах мокрые следы, мы проходим к столу.

- Как это вас угораздило так вымокнуть, хлопцы? - спрашивает старик, сидящий в углу, увидев воду, сочившуюся из наших сапог.

- Видите ли, папаша, уж очень темно, сбились с дороги, отстали от своих да еще бродили тут по вашему болоту. Едва выбрались. А как увидели деревню, так и потянуло сюда, - смущенно отвечаем ему, скрывая правду. - Да, кстати, надо помочь и раненым, - показываем на перевязанных.

- Оно понятно, - хмуро промолвил старик, потирая бороду пожелтевшими от махорки пальцами. - Болото наше большое. Из-за него мы делаем лишний крюк верст десяток. А напрямик через него у нас никто не ходит. Это уж вы смельчаки. Да никак я вижу и девойку с вами? - удивляется старик, заметив Таню, отряхивающую мокрые русые волосы.

- От страха-то где хошь и с кем хошь побежишь и в огонь полезешь, пробурчала старуха с печи. - Передвигая со звоном жестяную посуду, раздвинула ситцевую занавеску. Прищурясь, она старается разглядеть нас, дескать, что тут за вояки ввалились?..

- Что понимаешь, страх? - прохрипел басом из угла другой старик с обвитой вокруг лица темной густой бородой. - Знаешь, как мы лупили немцев в осьмнадцатом! Да всех их там, интервентов и баронов! Кое-кто из них и сейчас помнит. И сегодня можно лупить. Надо драть их как Сидорову козу! Чтобы знали, как влезать в чужой дом. Наработай сам, а на чужое не пяль волчьи бельмы, от этого они полопаются. - И он, встревоженный нахлынувшим из прошлого, жадно затянулся цигаркой. - В общем, ладно. Вы располагайтесь, ребятки, чего зря брехать. Может, кто курить хочет! - И бородатый дед, поднявшись из угла, протянул кисет. У нас был табак да промок и сырым комком лежал в карманах шинелей. И мы воспользовались предложением. Девушки, видя недомогание Тани, страдания раненых, оказывали посильную помощь в перевязке.

Кряхтя, с печки слезла старуха. Одернув помятую широкую

юбку, подтянула концы черного в горошек платка на голове и ушла за перегородку. Вскоре она вернулась с харчами. Принесла на стол крынку молока, подала хлеб, расставила чашки. За это время хозяин дома поправил малость мою полевую сумку и пришил другой ремень.

Оставшиеся в деревне Огульцово жители были заняты хозяйством. Вечерами собирались у кого-нибудь в избах.

- Вместе все веселее, - рассказывает хозяин. - Девчата вспоминают своих парней, бабы толкуют о всяких фашистских страшилищах, а мы слушаем тех и других и успокаиваем себя вот этим доморощенным самосадом. Наша деревня, слава богу, справно жила. Государству помогали и сами в накладе не оставались. А сегодня оставили для себя столько, сколько требуется, и то припрятали. Остальное все переправили, и скот угнали туда, к Москве.

- Придет немец, получит от нас кукиш, - продолжил разговор сосед кузнец Федор Егорович. - Да у нас и еще люди есть. В партизаны ушли. Им ведь тоже надо помочь.

Переобулись, обсушились. Еда, тепло, небольшой отдых придали нам свежие силы. Поблагодарили за гостеприимство и вышли на улицу. Нам желали скорее найти свою часть.

Утро было сырое. Небо затянуто. Порывистый ветер сдувал с деревьев последние желтые листья. С трудом продвигаемся по раскисшей дороге. Особенно тяжело раненым. Преодолевая тяжесть пути, морщась от боли, они стараются не отставать. Минуя поле, по обрыву поднимаемся в рощу старых толстых тополей. Дума у всех одна: где же сейчас батальон?

В соседние деревни ворвались фашистские автоматчики. Могут нагрянуть они и в Огульцово, - передали девушки из деревни Тане.

Надо что-то предпринять. И... тут из-за пригорка сквозь кусты выскочила вездесущая полуторка. Она, как бы ехидно улыбаясь, вывернула на малюсенькую лысинку, охраняемую тополями, и остановилась возле нас. Из кабины стремглав выпрыгнул шофер Комков. Не было предела нашей радости встрече. Комков рассказал нам, что во время перестрелки он умудрился прицепить тросом свой грузовик к машине, увозившей раненых и комиссара. Так он выбрался из-под обстрела. В пути трос лопнул, полуторка осталась на дороге одна. Собрав все силы, Комков сменил продырявленный баллон и стал пробираться на авось. Так он настиг нашу группу. Настроение у нас поднялось. Осмотрели машину. Проверили наличие боеприпасов. Гранаты-лимонки, ящик патронов, укрытый плащ-палаткой. Это уже кое-что. Можно двигаться дальше. Таня села в кабину, остальные - в кузов.

Проезжаем вдоль оврага селения Александрово, Верткая, Песочная, Колодези. Приближаемся к большаку.

Наперерез нам медленно идет самолет. Наша машина набирает скорость, насколько позволяет изуродованная колеями и ямами дорога. Редкий перелесок. С большими потугами полуторка преодолевает дорожное месиво, развороченные выбоины. Дорога сворачивает в сторону и выводит на край леса. С правой стороны обрыв. Что там внизу - не видно. Поднимаемся дальше. Показались силуэты людей в касках. Мы насторожились. Машину остановили. С Цараповым и Мишей скрытно пробираемся сквозь заросли, напрягаем зрение. Никого и ничего. Тихо возвращаемся к машине, едем в глубь леса.

Долго ждать не пришлось. По машине ударила автоматная очередь. Вновь останавливаем машину. Быстро спрыгиваем и залегаем возле нее. Автоматчики цепью медленно двигаются в нашу сторону. Подпускаем их ближе. Еще мгновение, подаю команду:

- А ну, по гадам!..

Выскакиваем из-за машины и забрасываем автоматчиков гранатами. Звуки разрывов эхом разносятся по лесу. Клубы дыма встают стеной. Всматриваемся сквозь завесу. Цепь врага разорвана. Однако кое-кто из автоматчиков пытается стрелять. Угомонили и их. Пули врага задели и наших. Раненный в ногу, Горностаев, не вылезая из кузова, прицельно бьет из винтовки, но получает ранение в грудь. Полежав немного, он поднимается с усилием и швыряет гранату в ползущих справа недобитых фашистов. Очередная вспышка огня, резкий гул разрыва прокатывается по лесу. С броском гранаты боец Горностаев падает замертво на дно кузова.

Дым... Невдалеке от машины валяются фашисты. Один какой-то очумелый попробовал ползти, но тут же уткнулся в грязь.

Тело связиста Горностаева похоронили на месте, где стояла полуторка. Маленький холмик обложили вокруг молодыми побегами хвои, как знак памяти о погибшем воине-ополченце. Что было у него в карманах - письма, записная книжка, - забрал с собой.

Пересекаем большак. Повалил мокрый снег. В лесу поутихло. Выхлопы машины. Вспаханная войной глина дороги. Машину приходится толкать. Немного в стороне, накренившись набок, одиноко стоит завязший в грязи трактор-тягач. Тут же валяется ржавая железная бочка. Осмотрев ее, обнаруживаем в ней лигроин.

- Вот, кстати, - обрадовался Комков.

- От голодухи рады и солодухе, - острит Миша, помогая

шоферу наполнить бак.

- Теперь порядок! С автоматчиками разделались, горючего достали, только желудок нечем заполнить, хотя и повар при нас, - говорит Комков, запуская еще не остывший мотор. Полуторка, чихая, со стоном трогается с места. Мы ежимся от холода. Пилотки натягиваем на уши, лишь бы как-то укрыться от ветра и мокрого снега. Стучим ногами, засовываем руки в рукава, боремся с ознобом.

Холодный осенний рассвет. Земля затянулась тонкой снежной вуалью с черными разводами. Редкий молодой осинник. Дорога в глинистой слизи от мокрого снега. Машина буксует. В вязком кисельном месиве напрягаемся до изнеможения, чтобы вытащить грузовик, с огромным усилием, преодолевая лесные ухабы, выбираемся к полю, заполненному народам, автотранспортом, обозами. Деревня Стрешнево. Здесь идет эвакуация. За деревней изрытое бомбами поле. Люди обходят застрявшие машины. У сгрудившихся подвод перебранка, крики...

Утренний снегопад сменяется дождем, потом опять снегом. Дорога смешалась со вспаханным полем. Так разворотило ее движение людей, транспорта, перегон скота. Мужчины тянут телеги с грузом. Стучат колеса о края глубокой колеи, скрытой потоками луж. Хлюпает вода под ногами, мычит скот, блеют овцы. На руках изможденных матерей и возле них, вцепившись в их подолы, жалобно плачут дети. Эвакуируются люди, угоняют скот, увозят имущество. Оставшееся позади пылает пожарищем войны...

Так в течение нескольких дней и ночей, через болота и речки, лесные завалы и пласты мокрой земли, мимо немецких засад пробирались мы к своим. И добрались.

Машина, с помощью которой мы преодолели многие километры, помогла нам добраться до старинного русского города Белева. Здесь отходящие воинские части рассредотачиваются по новым участкам обороны. Мы сдали раненых в санчасть и вошли в ближайший дом. Наши желудки безотлагательно требовали какой-нибудь пищи. В доме жила пожилая учительница средней школы. Она пригласила входить смелее, предложила горячий обед. Час отдыха, и мы простились с гостеприимной хозяйкой. Она по-матерински пожелала нам боевого счастья.

На улице, заполненной военными, мы разыскали свой батальон. Это был для нас радостный день. А спустя некоторое время мы участвовали в наступательных операциях, в разгроме врага.

Раненого Листратова после оказания ему первой помощи

направили в город Ефремов, оттуда в Тамбов, а затем в Ташкент.

После многих месяцев лечения он был выписан из госпиталя как инвалид войны. Здоровье уже не позволило ему вернуться в действующую армию. Много лет после войны Николай Андреевич Листратов проработал в Министерстве путей сообщения. Дружба наша продолжалась и после войны, и при встрече мы всегда вспоминали испытание первым боем.

Москва в октябре

Из Белева наш батальон был направлен в село Васильевское, что стоит возле шоссе Москва - Серпухов. Оно удивительно напомнило мне родное село в Ивановской области. На войне мы все как-то особенно остро чувствовали тоску по местам, где прошли наше детство и юность. Разглядывая Васильевское, я вспоминал широкую крестьянскую улицу Ерлыкова, добротные дома, покрытые железом или дранкой, окна, украшенные узорчатыми наличниками. Перед каждым домом за резной оградой палисадники. В них сейчас кусты сирени, акации, березы перламутровой белизны с темными кольцами по стволу, с поникшими ветвями. На задворках огороды, погреба, похожие на скворечники, опирающиеся двухскатной крышей на землю. Рядом маленькие избушки с глазком-оконцем - бани.

Как приятно было летом ночью спать в сарае на свежем сеновале. Положишь подстилку в норку, вырытую в ароматном луговом сене, что-то накинешь на себя и погрузишься в крепкий сон. Чего только не увидишь во сне, как в сказке, пока тебя не разбудят ранние петухи или заботливый отцовский голос. На краю усадьбы - навес колхозного тока.

Где-то моя семья, что думают обо мне? - рассуждал я вслух сам с собой, стоя вместе с друзьями-ополченцами возле большака и приводя в порядок нехитрое снаряжение. Мои думы как бы передаются остальным.

- Ничего, не горюй! У меня те же нелегкие мысли, - со вздохом, почти шепотом говорит еще один наш политрук, вчерашний электрик. Да и наш техник-строитель в недавнем Андрей Ульчук все время вспоминает родителей и свою подругу, с которой не успел оформить семейные отношения в загсе. К общему огорчению, многое у нас осталось незавершенным в личной жизни, в производственной, в творческой.

Неожиданно подъехала эмка. Резко затормозив, остановилась. Из машины грузно вылез военный в защитной ватной куртке, в шапке-ушанке и хромовых сапогах. На петлицах его гимнастерки по красному ромбику.

- Никак комбриг, - шепнул мне на ухо Воробьев.

- Ну, чем занимаетесь? - сурово обратился к нам

подъехавший.

- Своих собираем, товарищ комбриг, - ответил комбат И. С. Жучков.

Мимо нас двигаются грузовики, медленным шагом, с трудом переступая, идут группами и в одиночку бойцы, командиры. Многие прихрамывают. Кто опирается на винтовки, на суковатые палки. Идут с подоткнутыми за пояс полами шинелей, в жестких от грязи и сырости плащ-палатках, обросшие и усталые люди. Многие сворачивают к нам. Комбриг сурово смотрит на представшее зрелище. Вокруг нас растет толпа военных и гражданских.

- Откуда же вы явились к этим теплым избам? - интересуется военный с ромбом.

- Из окружения, товарищ комбриг. Ополченцы.

- Гм-м! Из окружения! - хмуро произносит он, окидывая собравшихся строгим взглядом. - Испугались фашистов? - с укором глядит на стоящих вокруг.

Слова его вызывают реплику одного из ополченцев:

- Отступают и кадровые части, хотя бойцы и командиры проявляют героизм, бесстрашие...

- Горько, досадно, товарищи, вот я и негодую, - комбриг сплюнул, сдвинул на затылок ушанку и вынул из кармана Казбек. Закурил, оставшиеся папиросы раздал нам. Стряхнув груз одолевавших его тяжелых мыслей, он обращается к нам:

- Здравствуйте, товарищи!

- Здра-а-вствуй-те!.. - отвечаем робко, но, услышав приветствие подобревшего комбрига, мы почувствовали, как на душе у нас полегчало. Уже с другим настроением, с большим вниманием стали слушать его.

- Я уполномоченный Военного совета по данному участку, - отрекомендовался комбриг. - Даю вам трое суток на организацию хозяйства, а затем немедленно приступить к обороне. Соберите людей, приведите их в подобающее состояние, организуйте баню. Не ту, какую я вам пытался задать, - уже с усмешкой произнес он, - а баню жаркую, с чистым бельем. Ясно?

- Ясно, товарищ комбриг, - послышались одобрительные возгласы.

- Вы будете ответственным за выполнение моих указаний, - обратился он к одному из старших командиров. Тот было пытался просить не назначать его, но...

- Приказ - закон! - внушительно сказал комбриг.

- За теми, кто, отступая, подался к Москве, срочно послать. Тех, кто проходит мимо, задерживать. Больным, раненым немедленно оказать помощь. Сейчас же за дело!..

Комбриг еще раз окинул всех строгим взглядом и поехал дальше по большаку в сторону Серпухова.

На оперативном совещании собравшегося в Васильевском небольшого актива политработников, строевых командиров, начальников разных отделов мы обсудили приказ уполномоченного Военного совета. Для укомплектования подразделений решили направить в Москву группу товарищей. В числе их оказался и я. Штаб дивизии 12 октября выдал мне справку:

Удостоверение

Дано настоящее политруку т. Жаренову Александру Сергеевичу в том, что он действительно командируется в г. Москву, на предмет комплектования дивизии, обязательным возвращением в с. Васильевское к 12.00 19 октября 41 г.

За начальника штаба подписался Никольский

За военкома дивизии Потапов

Эту справку я храню и сейчас. На ней стоит печать 21-й стрелковой дивизии (к этому времени в составе Советской Армии нашей ополченской дивизии был присвоен 173-й номер).

Под утро в крытом брезентом фургоне мы выехали.

И вот Москва. Я не был здесь три месяца. Как изменилась столица. От забот военного времени она как бы покрылась сединой. На улицах завалы из мешков с землей, противотанковые ежи из рельс, двухтавровых балок. Улицы полны груженых машин, с грохотом движутся тяжелая артиллерия, танки, спешит конница. В шлемах и полушубках идут бойцы-сибиряки. Это пополнение рядов защитников столицы. Суровы лица людей.

Арбат. Староконюшенный переулок. Возле школы No 59 - скопление автотранспорта, военных. Здесь в школе, как вы помните, формировались части дивизии. При выходе из окружения многие бывшие ополченцы потеряли связь со своими подразделениями и по внутренней логике прибыли к этой знакомой школе.

Составили списки, указали ответственных. Назначили время отправки к месту сбора людей и автотранспорта. После этого я решил, как и другие командировочные, навестить прежнее место работы - студию, а там рядом и наш дом.

На Смоленской площади, как и на Арбате, особая настороженность. Всюду военные. У Бородинского моста зенитки. На Бережковской набережной, напротив ТЭЦ, сооружена металлическая арка. По ее сторонам мешки с песком. Оставлены узкие проезды для автотранспорта, троллейбусов. Окружной мост. В его насыпи три дзота с амбразурами. По бокам арки сооружены баррикады из мешков. Вдоль берега металлические

ежи.

Вот и наша Потылиха. Война наложила и на нее свой отпечаток. Парк с березовой рощей превращен в боевой полигон. Роща поредела. Детские площадки и скверы заняты зенитными орудиями. Небольшая дощатая будка - проходная Мосфильма со стороны Воробьевых гор. Первый, кого я встречаю, пожилой кузнец из механического цеха Александр Андреевич Криворотов. Он медленно шел, опираясь на железную палку. До войны мы работали вместе в нашей депутатской группе. Это стараниями таких вот людей преобразился в годы первых пятилеток район студии. Криворотов в старенькой куртке и в таком же рабочем помятом картузе, из-под которого выбиваются в закрутку белые волосы.

- Здравствуй, дядя Саша!

Он удивленно смотрит на меня, а узнав, обрадованно откликается:

- Здравствуй, здравствуй, тезка. Откуда, какими судьбами?

- Откуда могу быть, - показываю на солдатскую шинель. - Как вы-то здесь живете?

Теребя крючок на моей шинели, волнуясь, дядя Саша отвечает простуженным голосом:

- Да как живем? Немец-то, говорят, рядом, - почти шепчет он. - Ведь нельзя и представить, чтобы фашисты оказались в Москве. Для них, что ли, мы хлопотали с тобой в депутатской группе. - Он нервно показал железной палкой на студию. А там что делается? Все заняты эвакуацией. Нам, старым, что делать? Куда ехать-то?.. У меня тут свой домик, семья.

Как могу, стараюсь успокоить его:

- Не волнуйтесь, дядя Саша. Пусть уезжает тот, кто считает нужным. Несомненно, кто-то на студии останется. И ваша посильная помощь здесь будет необходима. Фашистам в Москве не бывать. Будьте спокойны.

Дядя Саша вытер влажные глаза, поцеловал меня по-отцовски на прощание, обернулся и голосом приподнятого тона сказал:

- Знаешь, дорогой наш защитник, эта встреча напомнила наш труд, твоя бойцовская бодрость придала и мне сил. До свидания, до лучших встреч!..

Студия, съемочные павильоны опустели. Большинство ее работников уже выехало в Алма-Ату, чтобы там продолжать киносъемки картин, нужных людям военного времени. Однако несколько старых работников я повстречал. Они рассказали мне, что оставшиеся в Москве производственные коллективы переключаются на выпуск снарядов и другого вида вооружения. Переоборудуются механический и столярный цеха. Здесь будет

налажено производство лож для автоматов. Осваивается изготовление десантных лодок, лыж для самолетов. Людей не хватает. На студии осталось человек полтораста кадровых рабочих. Привлекли подростков с Потылихи, из соседнего села Троицкого, деревни Гладышево, учеников ремесленного училища. Работают по 12 часов в сутки, чтобы выполнить задание. Над училищем шефствуют товарищи из Киевского райкома партии.

Среди тех, кто работал на студии во время войны, был старейший коммунист паросилового цеха Плаксин (дядя Андреич - звали его в коллективе). Он работал на студии с начала ее организации. Маленького роста, худощавый, сутуловатый, он вместе со мной шел в партийное бюро и рассказывал:

- Они бомбят, окаянные, а мы делаем свое дело. Тут недавно подбили двух мессеров. Огромные черти.

Партийными делами руководит оператор Василий Сергеевич Переславцев.

- Видишь, мы тоже воюем, хотя нас и считают тыловиками. Иногда бывает очень тяжело, - говорит он.

Расспрашиваем друг друга о людях студии. Василий Сергеевич рассказал, что из добровольцев, первыми отбывших на фронт, многих уже нет в живых. Бывший председатель фабкома Николаев, будучи неоднократно ранен, не покидал поля боя. Он погиб с оружием в руках, как подобает русскому солдату. Та же судьба постигла нашего бывшего директора Хачатурьяна. Он погиб под Сухиничами. Не стало прораба Саши Митрошичева.

- Кто остался здесь, от малого до старого помогают нам. Ночью на крышах, днем - на работе. Запасы картошки, овощей выручают. Многие живут при цехах студии.

Расспрашиваю о семье.

- Эвакуировали в числе других вашу жену с детьми в город Буинск под Казанью, - отвечает Переславцев. - Не беспокойтесь за них. А ваша старушка Федоровна в охране у нас работает.

Старушка Федоровна - это Анна Федоровна, мать моей жены. Ее муж, коммунист, рабочий-текстильщик, умер рано. Трое сыновей служили в Красной Армии. Приехав погостить, она так и осталась у нас. Я поторопился посетить квартиру.

Анна Федоровна обрадовалась моему неожиданному появлению. Дома все вроде на месте: картины на стенах, шкаф с книгами, письменный стол. Окна изнутри закрыты полотнами картин и этюдов. В углу детская кровать, возле нее игрушки. Все сохранилось, как было. А семьи нет. Анна Федоровна да серый кот, так друживший с детишками.

- Как живете?

- Да как мы живем? - со вздохом отвечает теща. - В доме

опустело. Скучно мне без вас - вот беда-то. Была бы Лена с малышками, тогда другое дело. Я и игрушки нарочно не прибираю. Так и кажется, ворвутся сейчас баловницы и начнут шуровать тут. Да нельзя им здесь оставаться. Всех людей с такими маленькими студия вывезла. Как им не хотелось уезжать-то!.. - Она не сдержалась и заплакала. Немного успокоившись, вытерла концами шали морщинистое лицо, махнула рукой и продолжала: - Меня тоже уговаривали вместе с ними ехать. Мы, старые, отказались. Немного нас в доме-то. Привыкли. По силе возможности помогаем студии. Сначала работала уборщицей на почте, сейчас - в охране. Днем стою на посту, вечером не прочь бы и отдохнуть, но тут тревога, и опять идешь. Сколько мы этих проклятых зажигалок потушили! Сперва ой как все боялись. Даже мужчины, не говоря о нас, бабах. И рукавицы нам выдали, а все равно было страшно... Потом привыкли. Приспособились сбрасывать эти головешки то в кадки с водой, то в песок. Только вот руки повредила, - и она с тяжелым вздохом показала лилово-красные ожоги.

Командировочные дела не ждут. Стал прощаться:

- Рад встрече. Будьте здоровы, ждите нашего возвращения!..

Поправил шинель, подтянул ремень с наганом в брезентовой кобуре. По старинному обычаю присели. Еще раз обежал взглядом осиротевшую квартиру... Из дома вышли вместе. Анна Федоровна осталась дежурить у подъезда, а я направился на сборный пункт, в школу. По делам пришлось мне проехать до центра, и я увидел Красную площадь. Звезды на башнях зачехлены, Мавзолей Ленина замаскирован. Проходят двое военных. Патруль. Навстречу им проезжает конный патруль. На Театральной площади Большой театр расписан так, что настоящая его форма не угадывается. То же и на Манеже. Даже площади размалеваны несмываемой разных цветов краской. Чтобы сохранить город от налетов вражеской авиации, Московский городской комитет партии, Моссовет организовали службу маскировки. Художники, архитекторы, тех дней решили, казалось бы, невероятную задачу замаскировали многие особенно ценные объекты. В этой работе участвовали видные деятели советского искусства художники А. А. Дейнека, А. Д. Гончаров, архитекторы Д. Н. Чечулин, В. С. Андреев и многие другие. Средствами своего творчества, как и воины, они помогли защитить нашу родную столицу!

В шесть утра на автомашине мы отправились в сторону Серпухова...

В тот день по радио к москвичам обратился секретарь ЦК, МК и МГК КПСС А. С. Щербаков.

- Над Москвой нависла угроза, - говорил он. - Но за Москву будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови... Товарищи москвичи! Каждый из вас, на каком бы посту ни стоял, какую бы работу ни выполнял, пусть будет бойцом армии, отстаивающей Москву от фашистских захватчиков.

Находясь в дороге, мы не слышали этого обращения. Но каждый из нас и так понимал, что судьба столицы зависит сейчас от каждого из нас.

Только к вечеру мы добрались до места сбора. Из села Васильевского мы переместились дальше, за Серпухов, в деревню Венюково. По центральной горбатой улице сновали взад и вперед штабисты.

В эти дни основные части 173-й стрелковой дивизии вели оборонительные бои в районе Каширы и Венева и были переданы в оперативное подчинение 1-го кавалерийского корпуса генерал-майора П. А. Белова. По сложившимся обстоятельствам с учетом новых задач по обороне Серпухова наш отдельный батальон связи, медсанбат и артполк передали в 194-ю дивизию. Командиром был назначен тот комбриг, знакомство с которым состоялось в селе Васильевском. Это был П. А. Фирсов - начальник серпуховского гарнизона, в прошлом участник гражданской войны. Дивизия воевала в составе 49-й армии, заняв оборонительный рубеж в районе деревень Новики, Боровня, Иваньково, Павлове. Штаб дивизии располагался в помещениях совхоза Большевик. Сюда перебрались наш батальон связи и медсанбат, заняв общежития совхоза.

Начало декабря, начало перелома

Начало подмораживать, жестче становится земля. По большаку, грохоча, стягиваются к оборонительному рубежу новые части. Укрытая брезентами, движется новая техника (позже мы узнали, что это были реактивные минометы - катюши), на грузовиках сидят бойцы в бушлатах.

В воздушных просторах к этому времени тоже чувствовались перемены. В небе чаще теперь мы видели наши самолеты.

К началу ноября противник был остановлен на всех участках Западного направления, но на отдельных участках он был еще сильнее нас...

Ни шагу назад! Позади Москва! - таков был девиз защитников столицы. Он перекликался со словами М. И. Кутузова, сказанными им во время Бородинского сражения: Стойте как часовые, позади Москва.

Штаб 194-й дивизии переместился западнее Серпухова, в лес, а с ними и наш отдельный батальон связи.

- Куда мама, туда и дети, - шутили связисты.

Обхожу 'бойцов роты. В тесной землянке, освещаемой фитилем из телефонного кабеля, ежась от холода, прижимаясь друг к другу, коротают минуты отдыха связисты, свободные от дежурства.

- Как дела на участках? - обращаюсь к бойцам.

- Все в порядке, товарищ политрук, - отвечает басом командир взвода Рябчиков. Бывший старшина роты, он рапортовал о сборе ополченцев на первых занятиях в Подмосковье. Теперь Рябчиков - младший лейтенант, командир взвода связи.

- Если в порядке - то хорошо, - обегаю взглядом собравшихся. - Цель нашего сбора - напомнить вам, что завтра праздник 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Демонстрацию устраивать нам не придется. Отметим праздник, как подобает бойцам-связистам, - обеспечим отличную связь, поможем лучше руководить боем. В эти дни враг предпримет разные каверзы. Вот мы и должны быть с вами начеку.

- Можете положиться на нас, товарищ политрук.

- Как всегда - надеюсь.

Морозное утро. Идем с командиром роты Воробьевым на узловые пункты, к связистам. Светлеющее небо затянуто дымкой. Робко падают пушинки снега. Кругом тихо, только хрустит под ногами. Вслед за нами едет, скрипя, повозка-кухня с горячим праздничным завтраком.

Землянка радистов. Они настраивают аппаратуру, ловят в эфире Москву. И мы с Михаилом все - внимание.

Послышались позывные, небольшая пауза... Голос Москвы.

Какой-то особой теплотой повеяло от передачи. Перед глазами, словно мираж, проплыла столица. И... снова позывные. Перекликаются зуммерами полевые телефоны. Немецкое радио разносит всякую брехню, вроде той, что гитлеровские генералы видят в бинокли Москву. И вдруг мы слышим: в Москве, как и в мирные годы, состоялось торжественное заседание Московского Совета депутатов трудящихся совместно с партийными и общественными организациями, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. По поручению Центрального Комитета партии с докладом на нем выступил председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин. А потом, затаив дыхание, мы слушали из Москвы трансляцию парада на Красной площади.

Парад продемонстрировал решимость отстоять Москву, уверенность в победе над врагом. Надо ли говорить, какой огромный морально-политический подъем испытали мы, как он вдохновил нас на защиту Советской Родины. Забыть это

невозможно.

С командиром роты продолжаем обход землянок. Заходим в каждую. Кто у аппарата, кто только что вернулся с линии и обогревается у железной печки. Рады нашему приходу, праздничному поздравлению. Сосредоточенно слушают наше сообщение о празднике в Москве, словно мы с Воробьевым только что вернулись оттуда. Рассказываем и видим, как светлеют лица бойцов. Только у дежурного телефониста Урина взволнованный вид. Одна из линий повреждена. Нет связи с Березой. То и дело поддувает он в трубку. Но... Вот и у Урина лицо расплывается в улыбке. В трубке слышен голос:

- Связь есть! - это доложил с контрольного пункта Евтехов.

Не подвели связисты на праздничной вахте!

Вскоре Евтехов возвращается с линии, снимает с себя катушку с кабелем, из-за пазухи вынимает трубку ТАТ. Отряхнувшись от снега, потирает закоченевшие руки. Спрашиваю:

- Ночью-то досталось?

- Да, малость было. Главное, руки стыли. Но обстрел начинался, и становилось аж жарко. А вот сейчас вроде и забылось все, - улыбаясь, отвечает связист. - Со мной всегда напарник надежный, - показал он на пожилого связиста Панфилова.

После двухнедельной подготовки гитлеровское командование возобновило наступление на Москву. Но его продвижение было задержано ударами авиации и подошедших резервов.

* * *

В стороне от большака в березовой роще объявлен сбор батальона связи.

Близится утро 6 декабря. Воздух наполняется гулом орудий, видны вспышки на горизонте. Слышатся раскаты батарей ракетных минометов. И вот ринулись вперед стрелковые части. За ними спешно передвигаются по проторенным дорогам штабы полков. Навьюченные катушками кабеля, торопятся связисты.

Я нахожусь в группе при штабе одного из полков, Воробьев - в другой. Комбат Жучков с парторгом Ореховым - в группе при штабе дивизии. Связисты, не выпуская из рук телефонных трубок, докладывают о продвижении наших частей.

Враг был изгнан из облюбованных квартир. Неожиданные и ощутимые удары наносила конница Белова, действовавшая бок о бок с нашей 194-й дивизией. Где русский конник, там враг покойник, - вспоминаем русскую пословицу.

Советская Армия уничтожала технику врага, истребляла живую силу, фашисты отступали. Под конвоем брели первые партии пленных. Темно-коричневые и серо-зеленые шинели

изодраны. Поверх пилоток - платки и полушалки. Кованые сапоги в огромных соломенных ботах-чурках. Рядом с автоматами кое у кого висят отнятые у населения куры.

- Пришел незваным, оказался драным, - переговариваются между собой наши воины.

Первые освобожденные селения. Ни одной живой души. В злобной ярости враг уничтожил людей. Селения Юрятино, Дракино, Гурьево, Пететино, Потесниково, Ершово, Кременки, Троицкое разрушил. Торчат печные трубы да обгоревшие деревья. Груды пепла. В одной из деревень встретили женщину. Лицо ее подергивается, по морщинистым щекам текут слезы...

- Фашисты все забрали, - содрогаясь от плача, говорит она. - Что не успели - сожгли. Хожу вот и не знаю, куда приткнуться.

Холодным рассветом входим в деревню Васильчиновку. Покрытые копотью, исковерканные деревья склоняются над рухнувшими от пожарищ домами. Дымятся головешки. В грудах пепла обгоревшая кровать, самовар с помятыми боками, черепки посуды. На разрушенном дворе лежит изуродованный труп молодой женщины. Сквозь изодранное платье просвечивают застывшие темные кровавые разводы. Искаженное от мук лицо, крепко сжаты губы, ресницы запорошены снегом. Немного поодаль на скованном от холода детском розовом одеяльце - замерзший ребенок. Мы бережно прибираем трупы мучеников. Под расщепленной березой возле дома хороним мать с младенцем.

У другого сожженного дома два трупа - старика и старухи. Они убиты отступающими фашистскими мародерами только за то, что они русские.

Разматывая катушки, связисты тянут провод по полю. В руинах деревень цепляют его за деревья, чтобы не повредила двигающаяся техника. Усталые от бессонных ночей, они неустанно поддерживают связь с наступающими стрелковыми частями. Проходим деревню Кочубеевку.

- Что же это творится? - гневно говорят мне связисты, видя изуверства врага.

Я тяжело вздохнул, молча взмахом руки показал им вперед.

Рота движется через снежные огороды, полем, дорогой. Увязая в снегу, возле деревни догоняю Воробьева. Медленно идем вдоль улицы. Окраина. Слева занесенный снегом холм. Перед глазами пошли круги. Сон это или явь? Из-под снега торчат головы, руки, ноги, детская обувка. В глубоком молчании смотрим мы на эту страшную картину, и сердца наши наполняются ненавистью к врагу. Только уничтожение его могло унять наш гнев.

Загрохотала наша артиллерия. Надо торопиться, мы покидаем деревню, а в глазах все стоит увиденная страшная картина.

Враг пытается оторваться от наших наступающих частей. Обочины дорог забиты оставленными немецкими орудиями, автомашинами, танками. Из разгромленных соединений фашисты бредут группами и в одиночку, выискивают любое укрытие, лишь бы оттянуть возмездие. Они знают: русский терпелив до зачина. А уж если ты разбередил его раны, то держись!

Поперек дороги лежит в фуфайке, в ватных штанах наш боец, нога закинута на ногу. Опираясь на локти, он держит руки на гашетках умолкнувшего пулемета. Поддерживая огнем наступающих, боец-пулеметчик так и застыл, сраженный пулей врага.

Проходя мимо него, мимо его погибших товарищей, мы отгибаем капюшоны своих маскхалатов, снимаем ушанки, отдавая почесть памяти погибших героев. Вслед за нами спешат бойцы команды, которая подбирает погибших и хоронит их в братских могилах.

Деревня Стехино. В один ряд стоят сохранившиеся дома. Напротив - ивняк, древние березы. За ними спуск к речке, заметной издалека по глазку проруби. Кое-где по ее занесенному снегом берегу стоят избушки-бани. Уткнувшаяся на дороге в сугробы вражеская техника тормозит движение наших частей, возник затор. На подходе к деревне среди снежного поля образовалась длинная колонна. В ней оказался и наш батальон. Вынужденная остановка. Чтобы рассредоточить скопление войск и техники, с грохотом, поднимая снежные вихри, вперед по обочине ринулись тяжелые танки КВ. Они приминают сугробы, расширяют дорогу, создают проходы для артиллерии и автомашин, облегчают движение людям.

В ясном небе гудят краснозвездные самолеты. На время кратковременного привала мы заняли все сохранившиеся дома.

Связисты возятся с катушками кабеля, телефонными ящиками, устанавливая в домах контрольные посты. На дороге валяются втоптанные в снег листы бумаги, военные карты на немецком языке. В ожидании выступления рассматриваем трофеи, изучаем немецкие карты, расшифровывая знакомые названия.

Протискиваюсь по улице деревни, у крыльца одного дома - неожиданная встреча.

- Дружище! - кричит кто-то. Смотрю, Иконников в видавшем виды полушубке, в спаленной шапке с болтающимися ушами. Не снимая рукавиц, радостно здоровается со мной бывший командир

ополченческой роты, а теперь командир автобатальона.

- Что же это у вас произошло, дорогой! Заело? - спрашиваю я в ответ на его приветствие.

- Да, видишь, какая махина скопилась, - знакомым хриплым голосом говорит Иконников, показывая вокруг.

Пока мы переговариваемся, радуясь встрече, из домов напротив выходят в пестром одеянии освобожденные из фашистской неволи наши советские люди. Немного в стороне видим пленных фашистских солдат. Корчась от холода, переминаясь с ноги на ногу в эрзац-ботах, они ожидают препровождения в лагерь.

Морозный ясный день. Наши части с боями освобождают станцию Износки, деревни Панове и Кукушкино.

Открытое поле. Налет немецких самолетов. Кто укрывается в мелком перелеске, кто - в снежном поле. Окопавшись, открываем огонь из винтовок и пулеметов. Вражеские самолеты спускаются ниже. Один удается подбить. С дымовым черным хвостом он скрывается за горизонтом. Остальные сбрасывают груз. Большинство бомб падает в поле. Одна угодила в дорогу. Пара лошадей артиллерийской тяги убиты. Другая бомба разрывается невдалеке от нашей группы, укрывшейся в снегу возле толстых берез.

Оглушительный взрыв сотряс землю и воздух. Поднялся фонтан земли, с пронзительным звуком разлетелись в стороны осколки. На нас посыпались комья снега и мерзлой земли. В нос ударили обжигающие газы пороха, затрудняют дыхание. Ослепленного и оглушенного, меня засыпало землей и снегом. Я оказался в беспамятстве.

Как только самолеты скрылись, бойцы вытащили меня из-под завала, помогли отряхнуться. Протерев глаза, я некоторое время сидел на снегу, глубоко вбирая в себя воздух, ничего не слыша и не понимая.

Вместе с другими ранеными и контуженными на подводе меня отправили в санбат в деревню Кукушкино. Комиссаром санбата А. В. Соловьева - наша, мосфильмовская. Трое суток покоя, беспробудного сна, и снова к своим, в соседнюю деревню Носове. Но долго потом я разговаривал, заикаясь и шепотом.

Отступающий враг сжечь Носове не успел. Немного поодаль от деревни в окружении толстых тополей стояло большое деревянное здание школы. В ней в классах среди поломанных парт и расположились связисты. Окна заделаны досками, фанерой и тряпьем. На полу разбросаны помятые учебники, тетради с аккуратно выведенными детской рукой буквами и красными отметками учительницы. На стене болтается клочок

карты полушарий, рамки с порванными портретами Пушкина, Толстого, Некрасова, Горького. У двери разбитый шкаф, из него вывалился глобус.

В бывшей комнате учительницы связисты установили телефонную аппаратуру. Связисты предлагают отпраздновать освобождение деревни Носово.

- Славно поработали, славно и попируем, - шутят бойцы, рассаживаясь за прибранный стол. Они потирают руки, подмаргивают друг другу, предвкушая долгожданный ужин.

Шеф-повар Миша по-хозяйски рассортировал все, что было на столе. Разлил каждому горючее в походные алюминиевые кружки. Раздал колбасу и консервы. Мы с Воробьевым невольно всматриваемся в обветренные лица связистов, с аппетитом уплетающих за обе щеки.

В немецких ящиках обнаруживаем кур, в кадках - солонину, в мешках - муку, сахар, шоколад. Все это мы раздаем вернувшемуся из леса населению. Среди женщин и стариков много ребятишек школьного возраста.

Не приостанавливая прямых дел по связи, производим уборку помещения. Ремонтируем парты. Утепляем оконные рамы. Вместе с ребятами в школу пришла учительница. Совсем еще юная комсомолка, но успевшая поседеть от пережитого. Короткий период оккупации она скрывалась в свинарнике, на чердаке. Верила, что врага изгонят из деревни и в школе начнутся занятия. Этот день наступил...

Удары советских войск заставили врага перейти к обороне на всем протяжении фронта от Калинина до Ельца. 12 декабря советские воины освободили Солнечногорск, 15-го - Клин, 16-го Калинин, 20-го - Волоколамск, 26-го Наро-Фоминск.

Освобождены от врага города: Елец, Клин, Калинин, Калуга. Наши воины двигались вперед. А вслед за ними возрождалась жизнь.

Это был декабрь сорок первого года, начало сурового возмездия.

Фронтовые будни

Поздний вечер 31 декабря 1941 года. Черная кайма леса то и дело озаряется вспышками артиллерийского огня. Мы следуем за наступающей пехотой. Холод сковал наши шинели, маскхалаты. Валенки одеревенели. Со скрежетом полозьев тянутся навстречу подводы. Укутанные одеялами, в санях лежат раненые - их везут в санчасть.

Ночью проходим по деревне Починки. Тлеют остатки сожженного дома. Останавливаемся для передышки возле разбитой печи.

- Вот и квартира, - горестно шутят связисты, - как раз для встречи Нового года.

Разогреваем мороженый хлеб, колбасу. Разливаем в походные кружки по норме ледяной Московской. Под артиллерийский гул, треск мороза, при фейерверке искр костра поднимаем кружки за наступающий 1942 год, за полный разгром фашистов.

- Пусть у пепла, но в освобожденной от фашистов деревне победно отмечаем мы наступление нового года, - говорю я своим боевым товарищам.

Обогреваясь у огня, перебираем вещевые мешки, рассматриваем свертки полученных накануне от шефов новогодних подарков. В пачках печенья, в обертках одеколона, в расшитых орнаментом кисетах, в теплых носках - всюду обнаруживаем маленькие записки.

- Дорогой товарищ ополченец! - читает записку пожилой связист Урин. Посылаю тебе вместе с подарком новогодний поцелуй. Ты сохранил нашу Москву, нашу жизнь. Крепко жму твою боевую руку. Лиза. Вот ведь какая! Спасибо, милая Лиза, - растроганно говорит Урин, поглаживая подбородок с рыжей щетинкой, целует записку и бережно складывает ее в вещевой мешок.

Командир роты Миша Воробьев развертывает треугольник и читает вслух:

- Дорогие воины! Спасибо вам за то, что отогнали от Москвы фашистов. Бейте их, гоните дальше. По мере своих сил мы вам поможем. Горячо обнимаем вас. Москвички Анюта, Алена, Настя. Во, целое отделение! - восклицает Миша. - Мне одному и не справиться. Придется обратиться за помощью к тебе, политрук.

- Ну что ж! Вместе так вместе. Так положено по штату.

Я достаю из полевой сумки телеграмму и читаю ее тоже вслух:

- Здравствуйте, дорогие ополченцы-москвичи! - писали друзья по студии из эвакуации. - Спасибо за успехи. Жмите на врага беспощадно, не жалея сил! Мы победим! Алма-Ата.

- Складно пишут твои алмаатинцы, - хвалит Воробьев.

Передышка закончилась. Осматриваем оружие. Катушки кабеля, телефонную аппаратуру грузим на себя и трогаемся дальше. Долго нам моргал на прощание огонек одинокого костра на пепелище.

Наш батальон связи шел за наступающей дивизией. При освобождении деревни Горничной был ранен командир дивизии П. А. Фирсов. Это опечалило нас. На смену ему прибыл полковник Иовлев. Вместе с комиссаром Мамардашвили продолжили они путь, начатый Фирсовым.

Вдоль дороги, на опушке леса, возле избушки лесника связисты ремонтируют телефонную линию. Рядом деревня. Мы невольно наблюдаем, как она снова пробуждается к жизни. Вышли из леса спрятавшиеся от фашистов жители. Вместо деревни пред ними предстали печи, шеренгой выстроившиеся над грудой пепла. И все же это было свое, родное. И вот на пепелище потянулся дым из труб. Около печей с ухватами в руках, с помятыми ведрами, черепками от посуды хлопочут в полушалках женщины. Горячим углем на открытом воздухе разогревают покореженный самовар. К матерям жмутся дети. Холодно. Ребятишки ждут горячую еду.

Женщина снимает с печки, прихватив полами старого жакета, чугунок с горячим картофелем. Ее окружает ребятня. Из черепков, консервных банок пьют кипяток. Как только дети отходят от чугунка, завтракать начинают сами хозяйки. А детвора принимается за игры.

Дети есть дети. Они роются в развалинах, забираются под .печку. Немного обогревшись, снова выползают, словно медвежата из берлоги. Находят обожженные тесинки, куски жести, мастерят нечто вроде салазок. Матери смотрят на беззаботную резвость детей и тяжело вздыхают...

Катушки с проводами, телефонная аппаратура вызывают интерес у ребят. Пробуют помочь нам в устройстве колодцев (спуск провода от линии по дереву для контроля связи). Слышится стонущий полет мины. Резкий взрыв. Один из мальчишек, отброшенный в сторону, падает в снег, другой ранен в руку. Ребят отводят в избушку лесника, чтобы оказать помощь.

Трое других мальчишек, видя ранение друзей, решили отомстить врагу: из ржавого листа жести и самоварной трубы соорудили нечто, похожее на пушку, назвав ее противофрицевской. Снарядами служат гильзы. Для вспышек достали артиллерийский порох в мешочках.

Ни холод, ни обстрел, ничто не останавливает их. Ребята бьют по врагу до тех пор, пока кто-нибудь из бойцов не уведет их в укрытие. От подобных развлечений, стоящих нередко жизни, мальчишки переходят и к настоящим боевым делам.

Соседняя деревня занята фашистами. Днем тихо. Как только опускается темнота, оттуда начинается обстрел. Точными данными о противнике мы не располагаем. Двое школьников Петька и Колька решили пробраться в деревню под видом побиральцев. Уставшие, голодные возвратились они лишь поздним вечером следующего дня и рассказали, что вдоль деревни гитлеровцы устроили из простынь маскировку. На чердаках торчат пулеметы. В подвалах - блиндажи. Улица изрыта

ходами сообщений с орудиями, расставлены зенитки. Женщины с детьми укрываются в погребах, в ямах под овинами.

Черноглазый Коля показывает первый свой трофей - сигнальный фонарь. Светлорусый Петя (он немного старше друга), сняв поношенный солдатский ботинок, достает из него сложенный лоскут полевой немецкой карты. Слушая рассказ ребят, комбат Жучков разворачивает и возбужденно рассматривает трофейную карту. Составляет донесение.

Юных разведчиков накормили, дали им отдохнуть. Старую кожаную обувь сменили на валенки. Карту с донесением направили в штаб дивизии.

Ребята-школьники, воодушевленные успехами, несмотря на опасность, еще раз навестили вражеские позиции вместе с бойцами-разведчиками и привели языка. От него узнаем, что вражеские солдаты сосредоточились на восточной окраине деревни. Наши части скрытно обходят деревню и ударяют с другой стороны. Противника застигаем врасплох, фашисты бегут в панике, оставляя убитых и раненых. Деревня в наших руках.

Освободив от врага селения Большое Семеновское, Колодези, Огарыши, Морозовскую Коммуну, дивизия заняла оборону. Надо было дать подтянуться тыловым подразделениям...

Уточнив, как обстоят дела в одном из взводов, я поспешил на узел связи полка в Лодышкино. На улице темно. Тишину нарушает лишь скрип саней да гул моторов автомашин. Изредка перекликаются пулеметы. Со стороны противника то и дело взлетают ракеты.

Узел связи разместился в колхозной избе. Здесь же находятся пункт связи артиллеристов и армейский контрольный пункт. Народу полно. Скоро сюда явился и командир Воробьев, прибывший из леса с двумя бойцами. Обсудив дела, мы сели за ужин, приготовленный связистами. Вкусный картофель, зажаренный с печенкой.

С аппетитом поужинав, мы поинтересовались, откуда такой вкусный изобильный ужин. Связисты, хитро перемигиваясь между собой, молчат и лишь на наши настойчивые вопросы решились сказать правду:

- Ужин приготовлен из барашка из-под дуги - из гнедого тпрруки. Вы не огорчайтесь.

- Наоборот, спасибо за угощение. Вкусно, хотя такого барашка я и Воробьев пробовали впервые.

Иногда в питании были перебои. Приходилось выкручиваться. Как только обозная лошадь выходила из строя по ранению, ее тут же на разделку. Таким блюдом связисты нас и угостили.

Закурили крепкого сабантуя (табак, похожий на залежалый мох), и мы с Мишей пересели на голбец - дощатую лежанку у печки. При таких удобствах можно было бы и вздремнуть. Но было не до сна.

- Знаешь, политрук, - начал первым Воробьев, затягиваясь цигаркой, - после того, что пришлось сегодня испытать, ни одна пуля теперь меня не возьмет. - И он рассказал, как вместе с бойцами установил связь с полком, окопался в лесу. Фашисты были рядом. Заметили смельчаков, начали обстрел. Сначала открыли огонь из автоматов, потом из пулеметов. Живого места не оставалось от их обстрела. Укрыться негде: ни землянок, ни траншей, только ямки в снегу. Пули летят со свистом, застревая в стволах сосен и берез.

Беспокоясь за связь, Воробьев то ползком, то нагибаясь, перебежками, а потом во весь рост шел от одной группы к другой, и ни одна пуля его не задела - они словно отскакивали от него.

- Как это говорится, смелого пуля боится, смелого штык не берет. Так, что ли? - отвечаю я ему.

- Какая тут смелость? Рассказываю, что было. А сейчас, пользуясь затишьем, решил наведаться сюда. Но после такого ужина готов снова пойти к связистам, укрывшимся в охотничьей избушке.

- Подожди друг! Немного отдохни, и связисты обогреются, с рассветом тронемся: ты - к своей группе, я - на контрольную.

Рано утром Миша с бойцами ушел обратно в лес. Я с повозочным - в Большое Семеновское, в штаб батальона и договориться заодно о горячей пище для группы Воробьева.

Брезжил рассвет. Возвращаясь в Лодышкино, услышал усиленную перестрелку. Противник прорвал оборону первого батальона.

Кухню ставим под навес сарая. Вместе с другими связистами включаюсь в оборону. Среди оборонявшихся оказались и наши юные друзья Петя и Коля с карабинами. Сдвинув на затылок ушанки, они яростно нажимали на курки...

Нагрянула немецкая авиация. Гул моторов, вой сирен слились с разрывами бомб и снарядов. Вспыхнули пожары. Бой перешел на улицу деревни. Каждое строение стало местом борьбы, местом сопротивления. Новая волна налета. Все рвалось, грохотало, взлетало в воздух. Но вот придвинулась дивизионная артиллерия, за ней подоспели и другие подкрепления. Положение восстановилось.

После напряженного дня у разрушенного сарая с навесом, рядом с разбитой кухней я встретил бывшего фотографа студии. Чумазые от копоти, в порванных маскхалатах, мы трясли друг

другу руки.

- Слушай! - хрипло говорит Константиныч. - Никак не думал, что встречу тебя связистом.

- Да, видишь, попал в связь. Никак не думал и я тебя встретить санитаром. Считал, что ты где-нибудь в другом месте пощелкиваешь своим фотокором, показал я глазами на его санитарную сумку.

- Я тут еще вроде метеоролога по прогнозам на погоду, - шутит друг санитар-фотограф. - Видишь, какая погода разыгралась.

- Да-а-а-а! Буран! Вот бы где нашим киношникам снимать. Не то что в павильонах Алма-Аты. Тут без лишних дублей, без пересъемок. Массовочка, что надо...

Мы простились. Он направился к своим в штаб полка.

Врага из Лодышкина изгнали. Жертвы были с обеих сторон. В числе погибших оказались и наши юные герои - Петя и Коля, а вместе с ними погиб и командир взвода связистов Рябчиков. Их похоронили на окраине деревни вместе.

Пока шла борьба за Лодышкино, командир роты Воробьев с группой связистов возле юхновского большака поддерживал связь с полком.

Группу Воробьева окружили фашистские автоматчики. Оказавшись отрезанными от батальона связи и полка, под дождем огня связисты искали выхода к своим. Воробьев с присущим ему хладнокровием обдумывал план действий.

- Медлить нельзя, мы должны выбраться! - обратился он к связистам. Проберемся по лощине.

Разразилась метель. Глаза залепляло снегом, ветер раздувал полы халатов и шинелей. Вдруг связисты увидели слева на небольшом косогоре двух вражеских солдат, ежившихся на ветру.

- Сейчас мы вас погреем, - сердито сказал Воробьев и дал указания бойцам. Они незаметно подобрались к откосу. Размотали кабель и мгновенно накинули его на гитлеровцев. Одного стащили вниз, второй выбрался из петли и поднял руки.

Воробьев приказал:

- Пленных обезоружить, связать руки кабелем и продолжать выход вместе с ними.

Смеркалось. Вьюга не утихала. Связисты разделились на три группы. Одна вышла вперед, другая двигалась вслед за ними, ведя с собой пленных. Воробьев с тремя бойцами выходил последним, прикрывая отход. Продвижение группы затруднялось из-за беспрерывного пулеметного огня врага. Впереди было открытое поле. Все пробирались, разгребая снег.

Один из связистов выдвинулся вперед и перебросил в сторону

движения свою ушанку. Взлетевшая шапка становилась мишенью для противника. Он незамедлительно пустил по ней очередь. Тем временем другие бойцы зашли к пулеметчику с тыла и угомонили его. Миновав поле, связисты первой и второй групп выбрались из зоны обстрела. Третьей группе не повезло. При выходе из леса фашистские пули сразили командира Воробьева и рядового Карева.

По прибытии в батальон связисты сдали пленных и доложили об обстановке. К месту нахождения группы выслали двух связистов. Только утром вернулись товарищи...

Раннее туманное от гари утро. Невдалеке от своего расположения, возле толстой сосны у фронтовой дороги собрался батальон. Под винтовочный салют похоронили командира роты коммуниста Воробьева и бойца-связиста Карева.

На стволе сосны вырубили квадрат, на котором сделали памятную надпись: Здесь похоронены погибшие от фашистов - командир роты лейтенант Воробьев и рядовой боец-связист Карев. Февраль 42 г..

Горечь обиды за гибель командира и товарища усиливала ненависть к захватчикам, стремление сделать все, чтобы скорее изгнать их.

С Жучковым мы зашли в штаб батальона. Написали извещение, вернее, заполнили печатный бланк.

...Воинская часть (ОБС-114) извещает вас о смерти вашего мужа лейтенанта Воробьева Михаила Ивановича, павшего смертью храбрых в боях за Родину. Такое же извещение заготовили и о гибели Карева.

Сидя на ящике возле завешенного плащ-палаткой окна, при свете керосиновой лампы, я смотрел и смотрел на извещение. Комбат Жучков с трубкой во рту нервно ходил по избе. В углу молча сидели связисты, то и дело поддувая в телефонную трубку.

Я представил себе, как семья Миши получит это извещение, и решил вместе с официальным документом написать письмо от себя как от его друга:

Дорогая Анастасия Петровна!

Переживаю большое горе. Сегодня похоронили боевого товарища. С начала войны служили с ним в одной роте: он - командиром, я - политруком. Вместе с ним, с нашими бойцами переносили общие невзгоды и радости. Теперь я без него... Нет его у нас, не стало и у вас любимого мужа...

Моя зарисовка с Миши, которую я посылаю вам, пусть останется светлой памятью о вашем любимом муже и о нашей с ним боевой дружбе.

Желаю вам и вашему малышу здоровья, сил, бодрости!

Написал и родным Карева.

Вложил письма вместе с извещениями в конверты и передал экспедитору. Сам же с поникшей головой пошел в роту.

* * *

Зима стояла суровая. Огромные сугробы снега, злые вьюги и метели, трескучие морозы. Километр за километром продвигались мы, освобождая селение за селением, город за городом от немецких оккупантов.

Мороз за 30°. Особенно ощутим холод в поле, на ветру. Ночь. Извилистая линия снежных окопов. В их обледенелых скатах небольшие ниши - углубления, прикрытые плащ-палатками. В таких норах обогревались, курили, дремали.

Прошуршал снаряд. Разорвался невдалеке, завалил проходы окопа.

- Ну, началось, - проворчал кто-то, скрываясь за пологом плащ-палатки.

Последовали другие взрывы. Точно по расписанию. Осторожно выглянув из-за укрытия, увидели лежащего поперек окопа связиста. Он только что вышел из ниши.

- Готов! - махнув рукавицей, горестно произнес Жучков.

Снова взрыв... Съежившись, мы присели на дно окопа. Снаряды рвались по всей линии. Так продолжалось с интервалами в течение десяти - пятнадцати минут. Почти ежедневно, поздним вечером, в определенное время.

Воспользовавшись небольшим антрактом, мы с Жучковым пробрались в штаб батальона в деревню. Пробежав по проторенным тропам, быстро перейдя улицу, вошли в темную избу. В одной половине - начальник штаба с писарем сидели за столом, в другой - несколько связистов и повозочников. Военком Потапов и парторг Орехов что-то оживленно обсуждают. Прошли в комнату начальника штаба. Связисты приумолкли. Расселись вокруг расшатанного скрипучего стола с керосиновой лампой без стекла. Закурили. Жучков, раскуривая свою трубку, рассказывал о происшедшем в окопах. Вдруг большой силы удар сотряс дом, посыпалось с потолка. Разорвавшийся снаряд разрушил угол дома. Наша комната уцелела. Ее только основательно тряхнуло, словно от подземного толчка. Не успеваем прийти в себя, как слышится новый выстрел. Сквозь соломенную крышу что-то тяжело шлепается на потолок, шуршит и замирает. Изба задрожала, обдавая нас снова пылью, сыпавшейся сверху. Лампа гаснет. Прижавшись друг к другу, с секунды на секунду ожидаем разрыва. Секунды казались вечностью. Упавший на потолок снаряд приумолк. Он молчал, и мы молчали.

- Не решился, окаянный, - хрипло произнес комбат,

поправляя на себе покрытую пылью шапку.

Выйдя из оцепенения, я почувствовал сжатую в руках спичечную коробку. Не отодвигаясь от стола, чиркнул спичку, поднес к лампе. При свете коптилки все предстали в разных застывших позах у стола, обхватив головы руками. Прикуривая от лампы, со сдвинутой набок шапкой, комбат нервно улыбнулся.

Последовал облегченный вздох остальных. Не освободившись еще от груза пытки - вот-вот он там вздумает взорваться, - мы решили покинуть заколдованную избу с заколдованным, притаившимся на потолке снарядом.

Начальник штаба с писарем пошли в санчасть за врачом, чтобы оказать помощь раненым. Парторг Орехов с двумя связистами решил остаться возле заколдованной избы, чтобы осмотреть ее. Мы с Жучковым поспешили на. узел связи.

В избе, где находился узел связи, с трудом различаем силуэты связистов. Медная сплюснутая гильза едва мерцает в табачном дыму. Кто лежит на русской печке, кто дремлет возле нее в углу на полу. Связист Андрианов сидит на полу за коммутатором. На вопрос о работе связи Андрианов поглаживает усы и низким простуженным голосом отвечает:

- Прекратилась было связь с Сосной. Восстановили.

- Хорошо, - говорит комбат, оглядывая мельком помещение.

Отошли к простенку между печкой и другой комнатой, откуда доносится храп отдыхающих связистов.

Садимся на корточки, прислонившись к стене, наслаждаясь теплом и ночным покоем. Преодолевая усталость, закуриваем по дальнобойной. Напротив Андрианов с коммутатором возле замаскированного небольшого окна. Связист Панфилов, только что прибывший с линии, стоит, прижавшись к печке и обогревая озябшие руки. Все располагало к отдыху.

- Да вы хоть чуточку подремлите, - сказал Андрианов, чувствуя наше недомогание. - Ежели что, я подниму и...

В это время мы почувствовали внезапно сильный с треском удар в верх стены над нами. Сквозь пробитые бревна с воем пролетели осколки снаряда. Стоявший у печки Панфилов упал. Из-под его фуфайки потекла кровь, расползаясь по ватнику темным пятном. Телефониста Андрианова осколки миновали, повредило лишь аппарат. Невредимыми оказались и мы с Жучковым у пробитой над нами стены. Стряхиваем с себя мусор. Усталости как не бывало.

- Что за черт! - выругался Жучков.

На печке отдыхало несколько бойцов. Одни вскочили, не понимая, что произошло. Другие, перевернувшись на другой бок, захрапели еще крепче.

Вместе с санитарами врач оказал первую помощь тяжело раненному связисту Панфилову. Темной ночью его отправили в санбат.

Под утро оставляем избу и вновь перебираемся в снежные окопы. Чистое, безоблачное небо предвещает солнечный день. А это значит - будут непрошеные гости. Пока до рассвета разносят в термосах пищу. Быстро позавтракав, люди ходят вдоль окопов, согревая себя движением. Когда рассвело, все укрываются в снежных норах, изредка посматривая в сторону деревни. И тут, как по расписанию, из-за горизонта появляются вражеские самолеты. Девять машин кружатся над деревней, как бы выискивая добычу. Зенитчики открывают огонь, расстроив их ряды. Фашистские самолеты уходят ввысь, а потом с воем сирен пикируют на деревню, сбрасывая бомбы. Освободившись от груза, врассыпную строчат из пулеметов по крышам домов, вдоль окопов.

Бомбежка застает нас недалеко от овина, и мы укрываемся под его навесом. Подвал овина занят женщинами с детьми. Выйти из-под навеса нельзя, заметят фашистские летчики. Как только самолеты скрылись, мы осматриваем избы. Разрушений нет, но есть раненые. Убедившись, что связь работает, возвратились в укрытия.

Через час налет повторился. С наступлением темноты возобновился обстрел из орудий, после чего наступила тишина. В этот-то отрезок времени мы и отдохнули.

Подошли подкрепления - артиллерия, танки, и наша часть снова двинулась вперед, ближе к Юхнову.

Войска дивизии вскоре заняли деревню Кувшинове, рядом находился аэродром воздушная база врага. Еще вчера с этой базы немцы совершали налеты на Москву, бомбили нашу оборону. Теперь наши летчики поднимались с Кувшиновского аэродрома и обрушивали смертоносный груз на головы отступающего врага.

Поздний вечер. Деревня Ерденево. Привал. Из населения - никого. Технику оставили возле домов, рядом остановились обозы. Лошадей укрыли попонами. Люди разбрелись по избам. На улице тихо. Все окутано ночной мглой. Только слышится фырканье лошадей да хруст снега под ногами часовых.

В избе, в которой мы разместились, набилось столько, что негде было стоять. Изнемогая от усталости и холода, постепенно опускались друг на друга и с подогнутыми ногами засыпали. Мощный храп раздавался в сумраке тесной избы. Кто чмокал губами, кто лязгал зубами.

Я сидел в переднем углу за крестьянским столом с мигающим огоньком от кабеля. С грустью смотрел на отдыхающих. Кое-что

заносил в свой походный блокнот.

* * *

После гибели Воробьева я был и за командира роты, и за политрука. Помогали мне здорово командиры взводов, а опирался я на коммунистов и комсомольцев. За счет лучших боевых товарищей пополнялась наша партийная организация.

В небольшой комнатушке полуразрушенного дома собралась дивизионная партийная комиссия - ДПК. Маленькое окно занавешено плащ-палаткой. За крестьянским столом на деревянных лавках сидят члены ДПК. Они рассматривают заявления о приеме в партию. Здесь же нахожусь я со связистом Андриановым, чье заявление рассматривается.

- Телефонист Андрианов, 1899 года рождения, - читает заявление один из членов комиссии. Сам Андрианов стоит перед столом ДПК в пожелтевшей, местами проклеванной осколками шинели, с коммутаторным ящиком на ремне через плечо.

- Родился я в рабочей семье, - простуженным хриплым голосом рассказывает о себе телефонист, покручивая одной рукой усы, другой придерживая увесистый ящик коммутатора. - До 1925 года работал, учился, потом стал учителем. С начала войны ушел в ополчение. Двое сыновей на фронте. Аркадий под Ленинградом моряк, Игорь только кончил школу... - Во время рассказа он всматривается в замаскированное оконце, как бы не решаясь выговорить, что-то камнем лежащее на сердце. Приподнимает голову, и все понимают, к горлу его подошел комок. Игорь только что погиб под Москвой... Дома жена с маленькой дочкой.

Членам ДПК понятны переживания бойца. Лишившись сына, он был преисполнен решимости мстить за него, мстить за сотни и тысячи таких же молодых парней, отдавших свои жизни за Родину.

- Прошу принять меня в ряды партии и перевести в стрелковую часть. Направить туда, где я смогу огнем из своей винтовки, - и он приподнял сжатые в кулаки крепкие руки, - уничтожать фашистов... Я понимаю значение связи, вот с этим коммутатором, - он постучал ладонью по ящику, висевшему у него на плече, - я не расстаюсь с начала войны, но мне хочется еще активнее бить врага. Андрианов сдвинул назад шапку, вытер рукавом шинели вспотевший лоб и стоял возбужденный, ожидая ответа.

В избе тихо. За окном изредка доносятся артиллерийские выстрелы. Слегка колеблются стены, покачивается в углу лампадка.

Из-за скрипучего стола вышел секретарь партийной комиссии - старший политрук с белокурыми растрепанными волосами.

Поправил меховой жилет, подошел к телефонисту, положил руки на его крепкие плечи, потряс, посмотрел в глаза и крепко пожал шершавую руку.

- Мы удовлетворим вашу просьбу, - сказал он связисту, - и, повернув лицо в сторону членов комиссии, продолжал: - Будем просить командование о направлении вас не как рядового, а как командира, ныне коммуниста в разведывательный взвод. Удовлетворяет вас такое решение? - обратился старший политрук к Андрианову.

- Ваше доверие оправдаю, товарищ старший политрук, - ответил Андрианов.

Гордый за свершившееся в жизни, телефонист Андрианов вместе со мной вышел из избы догонять своих. После разбора других дел пошли следом за нами и члены комиссии....

* * *

Солнечный день. Среди разреженного, поломанного обстрелом леса связисты наводят новую телефонную линию. То и дело грея застывшие от холода руки, они подвешивают кабель на заиндевевшие сучья деревьев. Из кустов показываются боец-комсомолец, экспедитор. Он принес свежие газеты, журналы, письма. Передав мне почтовый груз, вынимает Из-за пазухи два треугольника.

- Это лично для вас, товарищ политрук!

С благодарностью принимаю я дорогие письма. А почтальон спешит уже к другим.

Я собрал связистов под развесистой, покрытой снегом елью. Одни располагаются на металлических катушках с кабелем, другие стоят позади, потирая уши, переминаясь с ноги на ногу. Всем не терпится услышать последние новости.

Я читаю вслух Комсомольскую правду, сообщения о событиях на фронтах. Над Москвой стали реже появляться вражеские самолеты, а тех, которые пытаются прорваться, уничтожают наши истребители и зенитчики.

Народные мстители день ото дня усиливают свои действия, совершают рейды по тылам врага.

Звания Героя Советского Союза удостоена посмертно восемнадцатилетняя московская комсомолка Зоя Космодемьянская.

На заводах неустанно трудятся рабочие, выпуская оружие, боеприпасы. Труженики колхозов снабжают фронт и страну хлебом, готовятся к весеннему севу.

Заканчиваю обзор газеты. Связисты перелистывают страницы журнала Огонек, курят. Кое-кто, улыбаясь, читает письма от родных и знакомых. Я просматриваю присланные мне письма.

Одно - от семьи, другое - от жены погибшего Миши Воробьева.

Дорогой наш папа! - читаю письмо жены. - Пишу тебе, а дочурки сидят возле меня и подсказывают. Время позднее, спать не ложатся, дожидаясь, пока я кончу писать. Работаю в детском доме воспитательницей среди детей-сирот. В своем детском кругу они бодры и веселы. Вместе с ними я забываю свои тяготы. Осиротелые дети для меня милы и дороги, как свои. Эля ходит в школу, Валя - в детский сад. Устроили нас неплохо, только холодно в квартире. С дровами плохо. С нами живет соседка по Москве со своими детьми - Люсей и Геной. Вместе всё веселей. Мы с ней иногда ночью наломаем досок от забора, натопим печь и согреваемся. Здесь много таких семей. Остальные живут в Алма-Ате, куда уехала студия. Одни снимают фильмы, другие просто живут. Об этом рассказывали, когда приезжали за нами. Мы отказались. Как-нибудь проживем и здесь. О нас заботятся, особенно о семьях фронтовиков. Те, у кого нет детей, работают на лесозаготовках. Уезжают на несколько дней, а потом их заменяют другие.

Привыкаем ко всему с думами о тебе.

Ты мне пишешь, что живете хорошо... Пиши правду и нас не утешай. Мы ведь все равно знаем, что вам трудно.

Мама пишет мне из Москвы часто. Скучает по нас. В Москве стало тише, налетов нет. Многие уже возвращаются, и нам хочется вернуться. Дочурки все время вспоминают тебя и просятся в Москву. Всем фронтовикам большое спасибо за то, что отогнали врага от столицы...

Крепко целуем тебя!

В конце письма детской рукой приписка дочки Эли:

Здравствуй, папа! Я учусь в первом классе, а Валя с Геной ходят в детский сад. Нам хочется в Москву. Мы очень скучаем по тебе, папа. Мы целуем тебя крепко, дорогой папочка. Приезжай скорее за нами. Эля и Валя.

Во время чтения и улыбаюсь и грущу. Чем утешить их отсюда? - думал я. Хочется им в Москву. Скучают... - Вздохнул, аккуратно сложил дрожащими руками письмо и спрятал в нагрудный карман шинели.

Читаю письмо от жены Воробьева:

Здравствуйте, товарищ политрук!

Только что пришла с работы. Получила ваше письмо с тяжелым для меня известием. Первым делом я прочла небольшую бумажку со штампом и тут же села на стул. Облокотясь о край стола, я долго, долго плакала. Ползавший на полу мой малыш не понимал нашего с ним горя. Вцепившись в мое платье, приподнялся на дрожащие ножонки и хмуро всматривался в меня,

в мое залитое слезами лицо.

Вы не можете себе представить, как тяжело мне, как долго еще придется носить внутри себя постигшее меня горе.

После читала ваше письмо. Прочла один раз. Чуть вроде и успокоилась, что-то еще я не осознавала. Тогда я прочла еще раз и теперь все читаю.

Как ни тяжело мне, а за ваше письмо я искренне благодарна. Мне не то что стало легче от него, но я по-иному как-то стала все осознавать. Для успокоения всегда его читаю. Просыпаюсь ночью, меня одолевают слезы по Мише. Беру ваше письмо и... успокаиваюсь.

Спасибо вам за внимание. Прошу писать, если не затруднит. Как только фашистов отогнали от Москвы, я переселилась к родным. С ними чувствую себя бодрее.

О Мише забыть не смогу и часто смотрю на ваш рисунок с портретом Миши.

С приветом Анастасия Воробьева/

С этого времени завязалась переписка с женой друга. Мы переписывались как старые знакомые, хотя не видели друг друга в лицо. У нас было общее горе...

Зарево огня полыхает ночами над Юхновом. Город расположен на шоссе Подольск - Рославль, в изгибе реки Угры. Оборона фашистов извилистой линией тянется от Полотняного Завода через шоссе на северо-запад и к югу от города.

То тут, то там яркими звездами вспыхивают ракеты. Они озаряют темное небо и россыпью искр падают вниз. Вслед за ними вспышками молний грянула артиллерия. Второй, третий залпы. Огненный шквал, поднимавший тучи дыма, бушевал над обороной фашистов. Враг сопротивлялся, подтягивая все новые и новые силы. Под натиском войск 49-й и 50-й армий 5 марта 1942 года оборона фашистов была сломлена.

Юхнов освобожден. Части Советской Армии нескончаемым потоком двигаются по дымящимся улицам.

Вот он, израненный наш старый город. Недавно город-сад, окаймленный золотом соснового бора, а сейчас здесь руины, пропитанный кровью снег. Толпы понурых, обросших пленных фашистов идут под конвоем. На месте театра осталась лишь колоннада центрального входа. Памятник Ленину разрушен. Всюду вражеская техника. Застыли в снежных завалах опрокинутые на бок грузовики, самоходные орудия с черными крестами. На центральной площади, уткнувшись в снежную землю, лежит разбитый мессер.

По завалам на улицах города ходят саперы с миноискателями. Коренастый, в изношенном полушубке молодой сапер, в опаленной ушанке, в валенках с загнутыми голенищами перебегает с места на место и с напряжением прислушивается к мяуканью миноискателя. Когда инструмент наталкивается на металл мины, сапер осторожно разгребает голыми руками снег, отъединяет паутину провода от капсюля и выволакивает тяжелую, в виде кухонной чудо-печки, черную дисковую мину со смертельным содержимым. Другие группы саперов исправляют дороги, восстанавливают мосты на реке, ставят столбы, по которым связисты тянут связь.

Постепенно появляется на улицах население. Со слезами бросаются люди к бойцам. Старики, как родных сыновей, зазывают их к себе на отдых в подвалы, в руины, приспособленные под жилье.

Снуют газики. Потоками идут с боевым грузом машины и подводы. Для охраны города расставлены зенитные пушки, вокруг которых толпятся любопытные ребятишки.

Мы идем дальше на запад. А перед жителями Юхнова встает большая задача восстановить город, возродить в нем жизнь.

Вместо передышки

Первые позывные весны. Неугомонные птицы встревоженно взлетают ввысь, дружной стаей садятся на расцвеченные восходящим солнцем макушки деревьев. По хвойному лесу разливается многоголосье неуемного щебетанья.

Выйдя утром на воздух после духоты и копоти землянки, глубоко вдыхаю свежий воздух. Вдруг кто-то тронул меня за плечо. Обернулся. В нательной рубашке Жучков.

- Замечтался? Небось об этюдах думаешь? - подтрунивает комбат.

- Да, Иван Сергеевич! В такое утро только бы писать этюды.

Слегка сутулясь, поеживаясь от прохлады, комбат крупчатым снегом промассажировал потрескавшиеся руки, освежил лицо, вытерся вафельным полотенцем.

Но наше лирическое настроение продолжается недолго. В небесной выси провыл немецкий самолет. Заглушая птичий гомон, замолотили по нему зенитки.

Где-то сердито проурчал пулемет и замолк. С перезвоном ударила гаубица, разнося сухое эхо по лесу. Проехала, скрипя, повозка с походной кухней. Под ногами связных, спешащих с поручениями, потрескивают сучья.

Возвращаемся в землянку. Вокруг круглой горячей чугунки на крючьях висели котелки с подогреваемым завтраком. Уселись на топчаны, застланные лапником. Вместо одеял - шинели.

Вплотную к топчанам маленький самодельный столик. Расставляем котелки с гороховым супом. На отсутствие аппетита никто не жалуется. Жучков подает котелок повару за добавкой.

- Товарищ комбат, еще картофель с салом! - останавливает его повар.

Зимой частенько приходилось и недоедать, и недосыпать, дни и ночи находились в ледяных сугробах. Сейчас мы в обороне. Живем в землянках. Сыты.

После завтрака надеваем шинели, шапки с метками от костров, всовываем руки в меховые варежки, висящие на тесемках, продернутых через рукава, и выходим.

Солнце пронизывает лучами покореженный лес. Набухший под ногами снег проминается, как смоченная вата. Темной лентой извивается дорога.

Обходим завалы. Жучков перешагивает через валежник, направляясь в штаб батальона. Я поворачиваю в другую сторону, мне - на дежурство в узел связи штаба дивизии.

Полдень. По телефону меня вызывают в политотдел.

Что это значит? - думаю я, передавая дежурство.

Просторный блиндаж с бревенчатым накатом. Земляные стены с небольшим оконцем. В углу дощатый столик. За ним в меховом жилете поверх гимнастерки, в шапке, сдвинутой на затылок, начальник политотдела. В стороне, справа у оконного просвета, его помощник и телефонист.

Пожилой батальонный комиссар, приставив к губам карандаш, что-то обдумывает, рассматривая открытую папку.

- Товарищ батальонный комиссар, прибыл по вашему приказанию, - докладываю я.

- Хорошо, - промолвил он мягким голосом. Не отрываясь от просмотра дел, кивком головы показал на скамейку. - Такие дела, политрук, - переведя взгляд на меня, начал он. - Надо отобрать группу политработников для направления на учебу. В их числе и вы. Как настроение? - интересуется начальник.

- Приказ - закон.

- Завтра с вещами прибыть сюда к восьми ноль-ноль. - Он пожал мне руку.

Вечером в одном из блиндажей состоялось партийно-комсомольское собрание батальона.

Выступил комиссар:

- Наш батальон воевал неплохо, особенно в боях за Юхнов. На время пополнения, приведения в порядок хозяйства дивизия встала в оборону. На это время кое-кто из товарищей завтра уезжает на учебу. Из нашего батальона отправляется политрук второй роты Жаренов. Обязанности его по роте будет исполнять лейтенант Вишняков. Командиром взвода назначается старший сержант Евтехов. Пожелаем политруку успехов в учебе и скорейшего возвращения в нашу семью...

Ясное утро. В выси неба с еле уловимым гулом пролетают один за другим два наших самолета.

На почерневшей лесной дороге, возле блиндажей политотдела непривычное оживление.

Грузовая машина заполнена отправляющимися на учебу. Прощание, напутствия. Среди провожающих встречаю старых знакомых по 173-й дивизии - она находится в обороне рядом с нашей дивизией. Вот уже несколько месяцев мы воюем в составе кадровых соединений Советской Армии. Но по старой привычке никак не отвыкнуть называть себя ополченцами. Часто слышатся возгласы: Эй, ополченцы! Мы гордились такой заслуженной кличкой.

- Что же это, совсем изменяете? - прищурясь, восклицает бывший комиссар 21-й дивизии Анчишкин. Он в светлом полушубке, пожелтевшей ушанке. На ремне кобура с пистолетом

ТТ. Обветренное, загорелое лицо с пробивающимися тонкими нитями-морщинками вокруг глаз.

- Приказ свыше, обязаны подчиниться, - с улыбкой отвечаю ему, показывая варежкой в небо.

- Ну а как в новой дивизии?

- Справлялись. Кто сохранился, кого нет с нами, - хмуро говорю ему. - Таня Каменская работала в артполку санинструктором. Во время боя спасала раненых, а себя не уберегла. В деревне Огарыши попала к фашистам. Умерла мученической смертью. После жители соседней деревни Хвощи и товарищи по полку похоронили ее на кладбище. Там же в Огарышах погибли парторг Орехов и военврач, наша милая Ванеева.

- Да-а - сокрушается комиссар. - Война никого не щадит. Кланяйтесь Москве, если удастся там побывать. Вам желаю удачи и возвращения к своим.

- Постараюсь выполнить ваши наказы!

Подошел Жучков, как всегда, с трубкой во рту.

- Помнишь, как мы встретились в смоленских Кузнецах, в амбаре, где квартировали со своим штабом? Помнишь, как иногда я журил вас, - трогательно вспоминает комбат.

- Все помню, Иван Сергеевич, - отвечаю не как комбату, а как другу-земляку. - Долго не забуду те дни, и тетю Грушу, и тебя, и Мишу Воробьева, и Таню Каменскую, и Надю Мартынову, и Анну Васильевну Соловьеву, и военврача Ванееву.

- Жаль, что уезжаешь, - и, пожимая мне руку, Жучков говорит: - В Москве не поленись зайти на Арбат к моей жене. Успокой ее, чтобы за меня не волновалась, - он передал мне маленькую бумажку с адресом.

- Сделаю, Иван Сергеевич, - ответил я, забираясь в кузов полуторки.

В это время кто-то за полы шинели потащил меня с машины. Оглядываюсь, вижу с раскрасневшимися лицами группу связистов. Запыхавшись, они спешили проводить меня. Я крепко обнимаю Вишнякова, Евтехова и других.

- Спасибо, дорогие мои, - с волнением говорю им.

Еще раз обмениваемся рукопожатиями, и связисты помогают мне взобраться на машину. Всем провожающим, остающимся здесь, желаем удачи. Они в ответ успехов в предстоящей учебе, чтобы вновь встретиться на фронтовых путях-дорогах.

- До свидания, дорогие друзья! До свидания! До скорой встречи! - слышатся возгласы. Комиссар Анчишкин машет нам на прощание шапкой. Рядом с ним, махая руками, стоят комбат Жучков, военком, повар Миша, группа связистов.

Машина дает газ, гудит, и мы выезжаем из леса на знакомый юхновский большак...

На краткосрочные партийные курсы нас направили в небольшой городок на Оке - Спасск. Занятия на курсах ведутся по четкому распорядку дня. В редкие часы отдыха рисую портреты товарищей по курсам, обрабатываю наброски, хранящиеся в полевой сумке. Многие пришлось восстанавливать по памяти. Мои увлечения не ускользнули от внимания командования курсов. Меня привлекли к оформлению стенгазеты, первомайского праздника. Подготовил наглядную карту на полотне Разгром немцев под Москвой.

Летом 1942 года враг продвинулся к центру Кавказа, к Волге. Фронту нужен был каждый боец. И вот субботним днем после обеда на сборе курсантов подводим итоги учебы. Выстроились поротно. Зачитывается приказ. Объявляются благодарности, присваиваются очередные звания.

Скоро снова на фронт, а меня удручает отсутствие каких-либо известий от семьи. Из-за перемены места письма перестали приходить, где-то блуждают в поисках адресата. Как там дети?

Вернувшись вечером после прогулки в свое расположение, встретил начальника курсов.

- Вижу, хорошо побродили по городу, товарищ старший политрук!

- После наших общих трудов на курсах решил немного отвлечься, товарищ старший батальонный комиссар, и пришлось малость погрустить.

- В чем дело? - озабоченно спрашивает начальник. - Говорите, не скрывайте, может, в чем нужна помощь?

- Хочется увидеться с семьей. Можете дать разрешение? Тем более скоро уедем на фронт. После свидания с семьей легче воевать, - старался убедить начальника.

- Да, вы не первый обращаетесь ко мне с такой просьбой. Что же мне с вами делать? - задумчиво произносит он. - Недели две вы еще будете здесь в ожидании приказа. А сколько вам требуется времени? Успеете за восемь - десять дней?

Не ожидая такого счастливого оборота, возбужденно говорю:

- Восемь маловато, а за десять управлюсь.

- Что ж, тогда так и решим. Тут еще есть трое. Выходит, из каждой роты по одному. С завтрашнего дня на десять суток, - сказал руководитель курсов и зашагал в помещение штаба.

- Есть на десять суток! - ответил я, глядя ему вслед.

...Ранним утром, еще до общей побудки, отправляемся мы на паром через Оку. Оттуда километра три до станции.

Сокращая путь, идем по тропинкам через луга и поля.

Станция бурлит, как растревоженный муравейник, масса пассажиров. Вдоль забора расположились с детьми, с тюками домашнего скарба женщины. Ходят угрюмые пожилые мужики с мешками на плечах, опираясь на палки бродят дряхлые старики с маленькими узелками. Все в ожидании поездов.

Не дождавшись своего поезда, мы пристроились к подножке проходящего товарного. Лишь бы не терять времени. Так пересаживались с одного товарного на другой до города Ульяновска. Здесь разошлись по своим направлениям. Я думал, как добраться до реки.

Парное утро. До пристани пешком через весь город тяжело и времени мало. За пачку табака нанимаю извозчика. На его старой пролетке трясусь по булыжнику. В И часов отходит пароход до Казани. По крутой многоступенчатой лестнице почти бегом поднимаюсь к кассе за билетом. Здесь спрашивают справку о санобработке. Без нее не выдают билета. Посылают за ней в городскую баню. До отхода парохода остались считанные минуты.

Гудок парохода. Мокрый от пота, озлобленно махнул на кассиршу, слетаю по крутой лестнице. Сквозь контроль врываюсь на палубу отчаливающего парохода. Вот это баня! - с досадой думаю, прислонясь к борту. Вытираю рукавом потное лицо. Облокотившись на поручни, стараюсь отдышаться.

Знойное солнце позолотило крутые берега. Медленно, с одышкой двигается пароход.

Вечер. Станция Тетюши. Новый прыжок, только с борта на берег. Такая же многоступенчатая крутая лестница. Поднимаюсь наверх. Незнакомый городок. Интересуюсь у проходящих о ночлеге. Подсказали, как пройти к Дому крестьянина. После короткого, но крепкого сна, поблагодарив дежурную за предоставленный отдых, вместе с соседом по койке покидаем Дом колхозника. Оказалось нам по пути, он шофер и повез меня на своей машине.

Широкая степь. Вдали пасекой выглядели деревни. Я сижу в кабине с шофером. Машина мчится по ровной проселочной дороге, поднимая за собой клубы рыжей пыли. Навстречу и по пути сонно двигаются быки и коровы, запряженные в телеги. Порожняк подгоняют мальчишки. На телегах с молочными бидонами сидят женщины.

Деревянный Буинск. Дощатые тротуары, местами разобранные. Зимой для отопления, о чем и писала жена. Посередине длинной центральной улицы машина остановилась. Напротив, немного наискосок небольшой деревянный, как скворечник, домик под No 38. Крепко пожимаю натруженные руки водителя.

Подхожу к дому. Через раскрытое оконце, не веря глазам, вижу своих дочурок. Они только что проснулись. В одних рубашонках сидят в постели. Вбегаю в дом. Пока целовал детей, запыхавшись, вбежала жена. Она стояла в очереди за хлебом - соседи сбегали за ней, рассказали о моем приезде.

Вот и дождался счастливого дня свидания. Обнимаю жену, детей. Сажусь на деревянную кровать, еще крепче прижимаю к себе малюток. В палисаднике перед домом собрались эвакуированные москвичи, жены фронтовиков. Они рады увидеться со мной, услышать о делах на фронте.

Разгром фашистов под Москвой - для всех большое счастье. Продвижение врага на юге, наступление его на Волге омрачает настроение. Напряженно трудятся все на любой работе, заботятся о детях фронтовиков. Эвакуированные дети учатся в местных школах, воспитываются в детских садах. Дети-сироты, потерявшие родителей, живут в детском доме. Здесь работает моя жена.

- Ты знаешь, какие они все милые, - говорит она. - Насколько они послушны, как радуются нашим малышкам, когда они заходят ко мне на занятия. Я с большой радостью занимаюсь с ребятами. С ними мне легче. В этом сейчас наша жизнь...

Несколько дней свидания с семьей пролетели как сон. Как радостен был день встречи и как тяжело расставаться.

Солнце едва начало подниматься. В квартире напряженная тишина. Дети грустно смотрят на мои сборы. Прощание. Крепко прижимаю к себе дочек. Жена стоит с моей полевой сумкой и всхлипывает. Под окнами снова собрались соседи и многие из тех, кто встречал меня в первый день. Попутная полуторка с тем же шофером ожидает меня возле дома. Надел полевую сумку, поправил пилотку.

Последние объятия, и... машина трогается. Я долго выглядываю из кабины, словно навсегда разлучаясь с семьей. Ржавое облако пыли скрывает провожающих. Водитель, чувствуя мое душевное состояние, ускоряет ход машины, чтобы избавить меня от нелегкого расставания.

Снова медленно плывет пароход, снова содрогается своим тяжелым корпусом. Я стою на палубе, облокотясь на борт. Прощальным взглядом смотрю на переливы Волги, на ее берега.

В новой фронтовой семье

Пафнутьев монастырь в Боровске. Поседели древние стены, потускнели, покрылись пробоинами, как оспой, некогда золоченые главы. Из проема граненой колокольни торчит дуло пушки. А вокруг холмы, овраги, заросли старых ив, серебристые тополя. Внизу поблескивает Протва, извиваясь, она проползает мимо монастырской ограды с опорами контрфорсов. Такой я

увидел одну из прекраснейших построек русских зодчих в годы войны. Под сводами музея-монастыря разместился штаб резерва политуправления Западного фронта.

Здесь политработники, прибывшие с учебы, из госпиталей, получали назначение в боевые части. Центральное помещение монастыря было оборудовано под клуб. Вместе с другими политработниками с большим вниманием прослушал доклад о международном положении.

- Я понимаю вас, товарищи, - говорил докладчик, - открытие второго фронта волнует вас всех. Но второй фронт есть второй фронт, а всю территорию, оккупированную врагом, освобождать все равно придется нам самим.

К Дону подтягивается 8-я итальянская армия. Из Африки прибывают дивизии Роммеля. Немцы перебрасывают войска отовсюду, лишь бы осуществить свои коварные замыслы на Волге. Они еще не извлекли уроков из Московской битвы. Однако впереди их ожидают новые сокрушительные удары...

Нас, прибывших с партийных курсов, направили на разные участки, подсказанные условиями фронта. Я просился в свою часть. Но меня, как и других, назначили туда, где более всего нуждались в пополнении. Я был направлен в 326-ю стрелковую дивизию в 1097-й стрелковый полк.

После недавних боев в районе Жиздры дивизия стояла во втором эшелоне. Она была сформирована ровно год назад - в сентябре 1941 года; участвовала в разгроме немцев под Москвой, в освобождении Калуги, Лихвина, Козельска, Сухиничей, Думиничей, Людинова.

Я прибыл в свой полк в день, когда бойцам и командирам вручали ордена и медали. На груди комиссара полка Федотова, к которому я обратился по прибытии, горит боевой орден Красного Знамени. Назначение получаю во второй стрелковый батальон. Он располагается в землянках, вырытых в скатах балки. Вокруг молодые ели. Штаб батальона обосновался в колхозном доме деревни Аладьино. Войдя в штабную избу, я ощутил едкий запах табака. За столом сидел пожилой худущий капитан. Фуражка сдвинута набок, в зубах трубка, на носу очки, на столе разложены бумаги.

- Здесь штаб второго батальона? - обратился я к капитану.

Он повернул голову и стал разглядывать меня поверх очков.

- Ты что, новый комиссар?

- Новый не новый, а с назначением к вам.

- Очень хорошо, товарищ старший политрук.

Не расставаясь с трубкой, он сгреб бумаги в общую папку, вышел из-за стола. Протянул жилистую руку, отрекомендовался:

- Я начальник штаба Лапин. Садись, комиссар. Шинель и мешок можно сюда, показал он на покрытый дерюгой сундук возле двери. Сложив вещи, я осмотрел избу. За перегородкой хозяйка дома и повар готовили ужин. Закурил, вышел на покосившееся крыльцо. Вдали, на горизонте, красная полоса перекрывалась легкими фиолетовыми мазками облаков.

Докурив папиросу, вернулся в избу. Внутренний облик ее немного изменился. Окна занавешены маскировочной палаткой. На столе керосиновая лампа. Повар расставляет деревянные миски. Хозяйка принесла в блюдце малосольных огурцов. Я снял пилотку. Освежился из рукомойника. В сенях послышался грубоватый голос.

- Вот и комбат, - оживился капитан.

Проскрипели половицы, резко открылась дверь, пригибая голову, шумно вошел высокий молодой богатырь.

- А к нам пополнение прибыло, - выложил Лапин последнюю новость, показывая на меня.

- Я уже слышал, - пробасил комбат. Он шагнул ко мне: - Будем знакомы, Чередников.

Пожимая руку, сразу почувствовал мускулы молотобойца. И не ошибся. Чередников до войны был молотобойцем в Саранске. После пехотного училища его назначили командиром. Так я познакомился с первыми членами новой моей фронтовой семьи.

Утро следующего дня. Комбат Чередников вкратце рассказал о батальоне. По карте показал позиции полка. Он спешил на полевые занятия.

- Ты, комиссар, побудь тут, - просит комбат. - Помоги начальнику штаба. Вместе осмотрите место расположения рот, землянки, увидите, каков порядок в них и вообще на территории. Вечером соберем политруков, командиров, обо всем потолкуем. - Он четко откозырял, пристукнул каблуками и зашагал к ожидавшим его ротам.

С капитаном Лапиным по проторенным пыльным тропам проходим по территории, занимаемой батальоном. Спускаясь к землянкам, капитан на корточках съехал с песчаного косогора вниз, присел на пенек, вытирая вспотевшее лицо и белую с поредевшими волосами голову.

- Давай закурим, - предложил он, набивая трубку табаком.

После перекура продолжили осмотр территории. Заглядываем в одну землянку, в другую, беседуем с дневальными. Свои замечания записываю в блокнот. Вскоре на гнедом верхом прискакал комиссар полка Федотов. Сопровождал его адъютант, молодой сержант.

- Осваиваемся? - обратился ко мне Федотов, спешившись.

- Нужно, товарищ комиссар, - в тон отвечаю ему.

- Правильно делаешь. Подтяни тут кое-кого да и своего начальника штаба, подмигивая, он показывает на капитана Лапина. - Посмотри на него: гимнастерка мятая, ремень затянут слабо, портупея съехала с плеч, на сапогах глина засохла. Ну какой же это пример для бойцов? А пока давай с тобой прогуляемся в поле. Посмотрим, что там делается.

Он вскочил на своего гнедого, мне предложил коня адъютанта. Ему приказал ожидать здесь. Выполняя приказ старшего, робко вскарабкиваюсь на коня. С ездой верхом я мало знаком, а сказать об этом не смею. В детстве гонял вместе с ребятами лошадей из ночного, верхом, без седла управлял лошадью, держась за гриву, похлопывая ее по упругой шее. Но это было давно.

Не успел еще вдеть ноги в стремена, как мой вороной рванул за скачущим по буграм гнедым с лихим наездником-комиссаром. Я инстинктивно ухватился уже не за повод, а, как в детстве, за жесткую гриву и за выступающий передок седла. Ногами вцепился в бока, от чего вороной стал шустрее. Стиснув зубы, закрыв глаза, я еле держался в седле, ветер хлестал мне в лицо. Прошло несколько минут, а я все не мог подладиться к такту скачущего вороного. Гимнастерка взвинтилась, ремень съехал на бок, кобура с наганом то резко бьет по холке коня, отчего он дергается, то по седлу. Какое там подтягивать кого-то, если сам выглядел со стороны, конечно, комично. Но в то время я думал лишь об одном: когда конец мукам верховой езды?

Скачущий впереди на гнедом комиссар оборачивается, что-то кричит. Ничего не понимая, я продолжаю держаться за черную гриву, вцепившись ногами в стременах в бока вороного.

Вот и поле. Бойцы роют окопы. Натянув повод насколько хватило сил, приостанавливаю коня, он пошел шагом. Навстречу мне торопится улыбающийся комбат. Он с любопытством всматривается в позу своего нового комиссара. Мне было не до него. Я, боясь, как бы вороной снова не пустился вскачь, с трудом спешиваюсь. Отдуваясь, поправляю гимнастерку, ремень с наганом, рукавом вытираю потное лицо. Растерянный, с шумом в голове стою, расставив ноги.

- Досталось, комиссар? - сочувственно спрашивает меня комбат, улыбаясь. Вместо ответа я покачал головой и с жадностью закурил.

После осмотра участка полевых работ батальона мы возвращались обратно. На вороном сидел уже вместо меня Чередников. Он и Федотов ехали шагом и о чем-то переговаривались. За ними с командирами и политруками рот я

шел пешком, изменившейся походкой, расставляя ноги, как моряк на палубе. Долго помнил я свой первый рейс на коне.

Со временем верховая езда стала для меня привычной. И я не расставался со своим батальонным Рыжко до самого боя.

Комиссар полка Федотов, полный энергии, неспокойный человек. До войны он был работником горкома партии, а став военным, быстро воспринял задачи политической работы в армии. Всех своих подчиненных он хотел видеть такими же бодрыми, смелыми и решительными, как он сам.

* * *

В октябре 1942 года дивизию перебросили на другой участок фронта. Конец дня. Хмуро. Сыро. На тихом железнодорожном разъезде, окруженном лесом, идет погрузка батальона. Материальная часть по скатам ввозится на платформы. По помостам бойцы заводят лошадей. Люди разбираются по товарным вагонам.

Во мгле вечера эшелон грузно тронулся. Сгущались тучи, моросил дождь. Через объездные пути Московской окружной эшелон переправляется к Ржеву.

Станция Истра (бывший Воскресенск). На месте города торчат печные трубы, скелеты домов, груды развалин. Новоиерусалимский монастырь, памятник архитектуры зодчих XVII века Растрелли и Казакова, повержен в прах. На месте бывшей станции среди обломков железнодорожники регулируют движение поездов с боевым грузом. У вагонов появляется детвора. Мальчонка в большой кепке, из-под которой не видно лица, в ватной фуфайке с длинными рукавами подошел к нашему вагону и больным сиплым голосом еле слышно лепечет:

- Дядюська, а дядюська, дай хлебуська!

Мы дали ему буханку хлеба, кусок сала. Интересуемся его судьбой:

- А где отец с матерью?

- Папаньку убили на войне, а мамку гелман застлелил, - ответил малыш и дрожащими руками вцепился в хлеб. - Спасибо, дядюськи.

- С кем же и где ты живешь? - спросили мы его.

- Зыву с сестлой. С нами еще Еголка с Андлюской, - показал шмыгающим курносым, как пуговка, носом на двух таких же малых, бродивших возле соседних вагонов. - У них тоже нет тятьки с мамкой, - ответил мальчишка, набив полон рот хлеба с салом. - А зывем во-о-н, в подвале. Там был наш дом. Он сголел, и мы зывем под печкой в яме.

Осталась позади сметенная ураганом войны Истра. Минуя израненный Волоколамск, под покровом ненастной погоды

эшелон прибыл на станцию Погорелое Городище. Спешно разгружаемся. Батальон со всем хозяйством по изрытой колдобинами и воронками дороге совершил марш к месту назначения. Выбравшись из леса, вышли на безлюдное поле. Среди поля лежат вздувшиеся трупы лошадей, над ними хлопочут птицы. Земля усыпана осколками, витками ржавой колючей проволоки. Чернеют болванки неразорвавшихся снарядов. Бывшие окопы врага покрыты стаями галок и ворон. Деревня, перед войной бурлившая радостью жизни, похожа на кладбище с открытыми могилами.

Небольшой привал. Раздаю политрукам газеты, с трудом раздобытые на станции. Уставшие от перехода бойцы напрягают свое внимание, слушая разъяснения. Мы с комбатом идем от одной группы к другой.

Привал окончен. Снова в путь. Стук колес, гудение автомашин. Молча, потряхивая висевшими на спине вещевыми мешками с гремящими котелками, идут люди. Слышен гул артиллерии. Откуда-то доносятся звуки гармошки. Потом все стихает. Сворачиваем в сторону, утопая в зыбкой грязи. Входим в осиновый перелесок. Усиленно шуршит дождь. Черным шатром опускается вечер. Накрывшись плащ-палатками, мы располагаемся возле голых стволов осин и поломанных кустов на размокшей земле на ночной отдых...

Глубокая осень. Под ногами вязкая пучина. Все пригодное в лесу используем на блиндажи, землянки, на настил дорог. Многие деревья, погибшие от обстрела, бомбежки, валяются расщепленными. Кое-где трепыхаются на ветках ярко-оранжевые листья осин и клена. Робко проглядывают кисти красной рябины, ягоды сморщились от первых утренних заморозков. Земля, утром покрытая ледяной коркой, днем становится кисельной жижей. Небо в слоистых темных тучах. Изредка выскальзывает голубой просвет и тут же заволакивается.

За поредевшим лесом холмы с темными избами деревень. В них размещаются штабы, санитарные части, отделы снабжения.

Дни боевой учебы перед предстоящими боями. Поле. Решаются задачи наступления. Первая рота впереди по центру, вторая и третья двигаются с флангов. Четвертая сзади. Здесь же минометчики, пулеметная рота, взвод ПТР (противотанковые ружья), ПТО (противотанковые орудия).

Впереди из-за бугра обстрел. Где перебежкой, где ползком по разжиженному полю передвигаются пехотинцы под прикрытием пулеметчиков. Комбат находится с последней резервной ротой, с обрыва наблюдает за продвижением. Через связных комбат вносит поправки. Я перебегаю от одной роты к другой,

подбадривая бойцов, чтобы двигались быстрее.

Внизу, во второй роте, люди сгрудились у речки. Переходов нет. Первым переправляется политрук, за ним бойцы. По пояс в холодной воде преодолеваем водную преграду. Кто карабкается на глинистый берег, кто спешит в обход. Рядом деревня. У крайней избы сбор. Промокшие после переправы подъезжают расчеты ПТО. Подходит с резервной ротой улыбающийся комбат, довольный выполнением задачи. Остановившись, бойцы выжимают шинели, выливают воду из сапог. Пытаются закурить. Напрасно. Табак промок.

Краткий разбор занятий. Батальон снова повторяет задание, но уже по пути в свое расположение.

Вечер. Избушка-баня. Из распахивающейся двери выползает белый горячий пар. Суетятся старшины. Они проверяют солдатское белье, вместе с кусочками мыла раздают его бойцам. Из бани доносятся всплески воды, хохот. После занятий под снежным холодным ветром бойцы с наслаждением парятся. Выходят из бани раскрасневшиеся, застегивая на ходу шинели. Находясь среди старшин с банным хозяйством, я всматриваюсь в выходящих людей.

- Хорошо попарились? - обращаюсь к бойцам.

- Ух и жарко! Спасибо, товарищ комиссар, за баню. Советуем и вам попариться.

- Раз жарко - тогда хорошо. После вас испытаем и мы с комбатом это удовольствие. - Как там дела у вас? - обращаюсь к старшине четвертой роты, подбиравшему смену белья.

- Домываются последние. Сегодня смогут хорошо отдохнуть в теплых землянках. По вашим указаниям сделано все. Вот только Пережогин хандрит. Получил из дома письмо и загрустил. Могу рассказать только комиссару, говорит он, а обратиться к вам не решается, - отвечает старшина. Затем кивком головы показывает на баню, откуда вышел боец.

- Вроде помылся неплохо, а такой хмурый? - интересуюсь я.

- Видите ли, товарищ комиссар, письмо из дома. Жена там в колхозе с двоими малыми. Зима на носу, а дом поправлять некому. Мать старая, а пенсию за сына не получает. Как хлопотать, не знают. Вот посмотрите, - и боец доверчиво передал мне письмо от семьи. При тусклом свете из маленького оконца банной землянки я прочитал письмо. Обещал помочь.

После бани и ужина в землянке штаба батальона храп. Клонит и меня ко сну. Но долг есть долг. При свете сальной коптилки сажусь писать письмо. Прошу правление колхоза о помощи семье бойца Пережогина...

Прошло месяца два. Вернувшись с обхода передовой, я

увидел на столе горку писем. Разбирая их, начальник штаба Лапин отдельную пачку вручил мне. Тут оказалось и письмо с родины бойца Пережогина.

Товарищ комиссар! - писал председатель колхоза. - Получили ваш запрос. Сообщаем, что колхозы Ивановского района уборку закончили. Общими усилиями, при помощи подростков-школьников с заданием справились. Ивановские текстильщики выезжали на поля бригадами. Много потрудились комсомольцы и пионеры города. Кроме полевых работ они посильную помощь оказали и семьям фронтовиков.

Семье нашего односельчанина фронтовика Сергея Пережогина крышу дома поправили.

Пожилая мать получает пенсию. Семью обеспечили продуктами. Корм для коровы школьники села заготовили. То же сделали и для других семей.

Государству сдали хлеба, молока, мяса сверх плана. Собрали денег в фонд помощи Красной Армии.

От колхозников наше трудовое спасибо всем фронтовикам. Особая благодарность вам, товарищ комиссар, за вашу заботу о бойце Сергее Пережогине!..

С удовлетворением прочитал письмо, а во время политинформации ознакомил с ним бойцов.

На рассвете внеочередное совещание в штабе полка. Просторный блиндаж с бревенчатым накатом. Вдоль стен, кто на ящиках, кто стоя, разместились политработники батальонов. В углу за самодельным столиком с лампой-гильзой комиссар полка Федотов. Он обводит взглядом собравшихся, поправляет ладонью темные волосы, не спеша закуривает.

- Друзья! Наша жизнь такова, что все рассматривается с точки зрения движения, изменения и обновления. Военные комиссары, рожденные в годы гражданской войны, решили чрезвычайно важную задачу. За время Отечественной войны их деятельность получила другое содержание, - говорит Федотов. - Они стали равными по правам с командирами. Если вначале комиссары были решающей силой, то сейчас появилось как бы двоеначалие.

- Что же мы, совсем не нужны? - чуть ли не хором говорили присутствующие. Нахмурив брови, комиссар, еще сам по-настоящему не осознав до конца приказа, затянулся папиросой. После небольшой паузы поясняет:

- Не то что не нужны. Сейчас политработники нужны, как воздух. Вместо комиссаров вводятся заместители командиров по политчасти. Командир единоначальник, заместитель по политчасти - его непосредственный помощник, в то же время партийный руководитель. Наша задача - усилить внимание к

политическому воспитанию, дисциплине. Не забывать и о строевой работе. Во время боя все случается. Вышел из строя командир, его место занимает замполит. Теперь понятно? - выпалил комиссар, как бы освободившись от какого-то груза.

- Более или менее, - послышались робкие голоса в ответ.

- Ничего, товарищи, - старался подбодрить Федотов. - Продумайте и такое: если у кого из вас есть желание перейти на строевую, мне доложите. С опытом политработы стать командиром неплохо.

- Да нет. Будем продолжать и дальше по своей знакомой работе. Это ведь тоже очень важный участок, - раздались реплики.

Обмениваясь мнениями, разошлись по подразделениям. Долго, еще долго в армии можно было слышать:

- Товарищ комиссар, разрешите...

* * *

...День провел в ротах. С командирами и политруками обговорили все необходимое и что нужно сделать в канун праздника Великого Октября.

Бойцы заканчивают осмотр оружия, подгонку зимнего обмундирования, только что полученного. Многие подшивают к воротникам гимнастерок белые подворотнички, командиры подлаживают целлулоидные. Заполняются боевые листки с краткими рассказами о бойцах, поздравления с наступающим праздником... Пожелав всем хорошего отдыха, поздним вечером вернулся в штаб батальона.

Небольшая, теплая, со своим уютом землянка. Нары с ветвями елок, столик из ящика. В углу у выхода горячая печка из приспособленной железной бочки. Комбат Чередников отдыхает на нарах. Помощник комбата лейтенант Бедов, бывший мастер цеха из Саранска, с прямым пробором, полный двойник Максима из фильма, сидит за ящичным столом. Он что-то помечает в своем блокноте.

Капитан Лапин в распахнутом меховом жилете, подсказывая в записях Бедову, то и дело попыхивает трубкой. После моего прихода расположились за столиком, приступили к запоздалому ужину. Завтра праздник - XXV годовщина Октября.

Чередников взял двухрядку, встряхнул светлыми кудрями, запрокинул голову и, устремив свой взгляд на бревенчатый потолок, растянул меха. Мы невольно подключились к нему и запели полюбившуюся нам всем песню о Москве:

Я по свету немало хаживал,

Жил в землянках, в окопах, в тайге...

Песня, гармошка настроила всех лирически...

У входа в землянку под холодным ветром стоит часовой. Он

прислушивается к тихой песне, к звукам двухрядки. Всматривается в сторону, откуда доносятся редкие разрывы снарядов.

Вспомнился забавный случай в батальоне с одним часовым. Увлеклись однажды бойцы песней под гармошку, вдруг у всех стало щипать глаза. Едкий дым заполнил землянку. Старание дневального, хлопотавшего у печки, не помогало. Дым не уходил. Мы с Бедовым вышли из землянки и взглянули на крышу. Перед нами предстала такая картина: часовой сидит на колене трубы, обняв винтовку и склонив голову. От тепла трубы его разморило, и он задремал. Растолкали мы его. Часовой вскочил. Встряхнул головой, поправил шапку, протер глаза и... выкрикнул:

- Ваш пропуск!

- Пропуск сгорел, - засмеялись мы. - А так вести себя на посту по уставу не положено. - Показали ему на его шинель, от которой исходил запах паленого.

Часовой провел рукавицей по шинели, потом по виноватому лицу, встряхнулся и стал размеренно ходить вокруг землянки.

Сегодня вечер особый, такого повториться не может. Часовой несет вахту в канун праздника.

* * *

Утро. Падает снег. Батальон строем направляется в глубь леса на праздничное полковое собрание. Под шатром густой хвои импровизированная трибуна. На площадке кузова грузовой автомашины президиум. Вместе с бойцами и командирами - гости из Москвы, Саранска - шефы. С небольшой речью выступил заместитель командира полка по политчасти Федотов. Он поздравил бойцов и командиров с праздником, призвал к защите Родины, к борьбе против немецко-фашистских захватчиков.

Состоялся концерт. Выступали артисты из Москвы и Мордовии. В летних костюмах на площадке грузовика, где только что находился президиум собрания, мордовские танцоры исполняли народные танцы под аккомпанемент аккордеона. Весело отплясывающие, они невольно вызывали улыбку у фронтовиков, те отбивали ногами такт исполняемого танца, аплодировали. За время пребывания на фронте мы ежедневно сталкивались с фронтовой музыкой - музыкой смерти. В этот день слушали настоящий концерт. Видеть в летнем костюме подвижную молодую артистку в вихре танца, за ней другую, третью... Это радовало, прибавляло силы, вдохновляло.

Концерт подходит к концу. Над лесом сгущается серая мгла, начинается снегопад. Бойцы и командиры в рукавицах, бурно аплодируют гостям. Артисты, стоя на площадке грузовика, горячо хлопают нам. Их аплодисменты сливаются с нашими, мелкой

дробью рассыпаясь по лесу. Постепенно волна ликования утихает. Под шутки и смех разбираемся по подразделениям и направляемся в расположение.

Потом гости пришли в каждый из батальонов. Передавая воинам праздничные подарки, гости крепко пожимали наши огрубевшие руки, целовали обветренные губы, желали успехов в боях.

Среди множества подарков было несколько ценных - именные ручные часы. Вечером, перед строем нашего батальона одни из них вручили комбату Чередникову.

Бойцы разошлись по землянкам. Веселый говор замолк. А комбат продолжал стоять на месте, еле ощущая часы на своей руке молотобойца. Он пытался рассмотреть подарок в темноте. Приложив к уху, слушал их частое биение. Снова ощупывал их сильными пальцами. И вдруг... лопнуло стекло, превратившись в мелкие крошки. Осторожно держа на ладони часики со светящимся циферблатом, огорченный своей неуклюжестью, Чередников вошел в землянку штаба. И здесь при мерцающем свете коптилки, сидя за столиком, стал опять разглядывать подарок, осторожно дуя на циферблат. Тонкие изящные стрелки дрожали, как усики. Чередников пытался завести часы. Но заводная головка была настолько мизерной, что никак не поддавалась его толстым и грубым пальцам. Через несколько минут комбат держал в одной руке мизерную заводную головку, в другой - часы, оборотной стороной вверх и растерянно читал выгравированную надпись: Дорогому защитнику от трудящихся столицы.

Со вздохом комбат осторожно положил часы в спичечную коробку и передал на хранение своему ординарцу.

- Надо же так случиться, - сокрушался комбат, с грустью рассматривая свои грубоватые пальцы, и, улыбаясь, спрашивал у меня:

- Комиссар! Скажи, сколько на твоих?

Всматриваюсь в карманные, весьма сочувственно отвечаю:

- Два часа.

- Многовато, - покачав головой, сказал Чередников. Утомленный хлопотами дня, он снял с себя меховой жилет, валенки, со вздохом растянулся на нарах. Заложив руки за голову, озабоченно сказал: - Не проспать бы завтра.

- Вернее, сегодня, - успокоительно поправил я. - Не волнуйся, комбат. Когда нужно, разбужу, а сейчас можешь спокойно спать. После отдыха починим твой ценный подарок. Наденешь на руку эти часы и точно по ним поведешь батальон в наступление. Согласен, а?

Комбат Чередников не отвечает. Он храпит, чему-то слегка во сне улыбается...

Мне не пришлось подсказывать комбату Чередникову время. В боях между Ржевом и Сычевкой я был ранен и попал в госпиталь...

Могучие ели, покрытые снегом, словно деды-морозы, и с ними маленькие елочки-снегурочки. В чаще леса расположился палаточный городок полевого подвижного госпиталя (ППГ).

Здесь оказывают первую помощь тяжело раненным, потом их переправляют в глубокий тыл, легко раненные долечивались и выписывались в часть.

Днем и ночью воет холодный, свирепый ветер. Трепещет брезент палаток. Санитары, сестры, врачи хлопочут вокруг раненых, спасая их жизни.

Возле приемного пункта стоят несколько заиндевелых подвод. С саней снимают и несут на носилках или ведут под руки только что прибывших с передовой.

Так каждый день, каждый вечер, каждую ночь...

Прошел месяц, и декабрьским днем с очередной группой выздоравливающих я прощаюсь с заботливыми хозяевами ППГ. В молочном небе проглядывает солнце. От щипков мороза потираю уши. С вещевым мешком за плечами направляюсь к фронту.

Прохожу лесом, полем, через одну, другую деревню. Все притаилось, замаскировалось снежными сугробами.

Деревня Поповка. В два ряда сгорбатившиеся под снежным грузом избы. Захожу в последнюю. На полу санитары.

- Отдыхаем? - спрашиваю их.

- Затишье, товарищ старший политрук.

Чуточку передохнул, перекурил и опять в дорогу.

Вдали слышу взрыв. Значит, скоро буду в знакомой обстановке.

Что ж! Не ново, - думал я, воспринимая более остро после тишины госпиталя привычные звуки.

С поля свернул в лес. Горькая едкая гарь, разгоняемая и вновь нагоняемая порывами ветра. Из бугорков-землянок вьется легкий дымок.

Тропа становилась шире, с обтоптанными по сторонам лунками. Вышел на лесную дорогу, изборожденную танками, машинами, подводами, людьми. Встречаются бойцы, командиры. Устал. Медленно иду. Навстречу быстро приближается знакомая фигура.

- Товарищ батальонный комиссар! - выкрикиваю я и, запыхавшись, спешу навстречу Федотову. С радостью обнимаемся.

- Никак не думал, что так быстро вернешься, - удивленно

говорит заместитель командира полка. - Как здоровье-то? - интересуется он, глядя на мою руку на перевязи.

- Как видишь, двигаюсь, - отвечаю ему, радуясь нашей встрече.

- Тогда прекрасно. Рад за твою поправку. Пошли вместе в полк. Некоторое время отдохнешь у меня, а там снова за дела.

- А как с политотделом? У меня туда направление, - показываю ему справку из ППГ.

- Ничего, не волнуйся. С ними я столкуюсь по телефону. Это будет лучше. А то еще надумают тебя задержать у себя. - Он взял мой вещевой мешок и тихо говорит: - Только теперь я никакой не комиссар.

- Как это так?

- Очень просто, - смеется Федотов. - Нас всех перекрестили. Я - майор, ты - капитан.

- А как парторг Лантух, Чередников? - интересуюсь я.

- Лантух здесь, комбата ранило, - с грустью отвечает майор. - Не стало и нашего старика. В рукопашной схватке выстрелил в него в упор фриц. По пути в санчасть наш начштаба скончался...

Освобождены Московская, Калужская, Тульская области. Каких это усилий потребовало от нас! Сколько пережито бессонных ночей, сколько было расставаний, жертв. Много фронтовых друзей потерял я на войне. Гибель каждого отзывалась в сердце неуемной болью. Привыкнуть к этому нельзя.

По глубокой темной тропе пробираемся к блиндажу-землянке штаба полка. Здесь знакомлюсь с новым комбатом Швыдченко. Приземистый сибиряк, крепыш. На груди орден Красного Знамени.

Бывалый, - думаю я про себя, пожимая его шершавую руку.

Последний день декабря 1942 года. Мороз подпудрил инеем ветви деревьев и кустарника. В обледенелых траншеях скользко, под ногами хруст.

- Мы-то с тобой кое-что испробовали, - говорит мне Швыдченко, возвращаясь после осмотра НП. Входя в землянку, он провел ладонью по шраму, пробороздившему его лицо от скулы до подбородка. - А вот нашему новому начальнику штаба привыкать будет нелегко, как и к этой землянке. - Он кивком головы показал на длинную согнувшуюся фигуру капитана Терновых, прибывшего на днях в числе пополнения.

Новый начштаба, кряхтя, разносил во всю ивановскую тех, кто сотворил такое убежище, которое никак не соответствовало его габаритам.

- Ну, коли так, вот вам, герои, за заслуги, - оживленно обратился Терновых, передавая комбату извещение на

новогодний полковой вечер. - Я как небывалый останусь домовничать.

- Спасибо за внимание, товарищ начштаба, - хрипло ответил комбат, рассматривая извещение. - Пойти-то бы и надо, да как здесь? Когда сами на месте - на душе спокойней. Уйдешь - волнение. Так я говорю, комиссар?

- Смотри, комбат, тебе виднее.

- Что, не доверяете? - с хитрой улыбкой спрашивает Терновых. Опираясь костистыми широкими плечами в накат потолка, он смотрит на нас в упор. - Не каждый шрам говорит о подвигах. Да не думайте, что я такой невинный агнец... В общем, что об этом толковать. Вы думаете, я ничего не знаю о шрамах, когда сам имею почище, чем у вас, - громко выпалил он.

Оказывается, капитан Терновых прибыл к нам из госпиталя. Был ранен. Лечился в Москве. После излечения находился в резерве фронта и был направлен в нашу часть. Так что человек он бывалый, а мы с комбатом приняли его за необстрелянного.

- Оказывается, не запугаешь, - смеется Швыдченко, кивая в сторону начальника штаба.

- Запугивать-то мы и не собирались, - говорю я. - А так, беседа с наводящими вопросами вырисовывает интересную фигуру.

- В художественном ракурсе, товарищ художник? Ах, виноват, товарищ комиссар, - смеется Терновых.

- Во-первых, не комиссар, а такой же капитан, с некоторой разницей наших положений по обязанностям.

- Ладно, комиссар! На вечер пойти надо. Оставим здесь ответственного человека с ракурсом, как вы объяснились. Только, чтобы был полный порядок, без каких-либо недоразумений, - ворчит комбат.

Со скрипом открывается дверь землянки, обдавая холодным паром. Входит помкомбата Бедов. Отряхнув полушубок и шапку от снега, обращается к комбату:

- Товарищ старший лейтенант, посты на месте, пропуск вручен.

- Вот тебе еще в помощь, - показывая на вошедшего, говорит Швыдченко начальнику штаба.

Среди леса просторный блиндаж санчасти. Набит он до отказа. В два ряда убранные длинные столы.

Мы с комбатом примостились с краю, ближе к выходу.

Ровно в 24.00 командир полка подполковник Сушко поднял новогодний тост за Красную Армию.

Приглушенное ура...

- За партию, за советский народ, за тех, кто несет сейчас боевую вахту на переднем крае! - произнес майор Федотов.

Веселый говор, звуки аккордеона.

Скученно. В тесноте, да не в обиде, как говорят в народе. Медленно, одна пара за другой вливается в общий круг. Аккордеонист исполняет вальс На сопках Маньчжурии. Неуспевшие влиться в танцы теснятся в углу за сдвинутыми столами и тихо подпевают. Мы с комбатом, прижатые танцующими, сидим у самого выхода.

- Шел бы и ты, - показывая на танцующих, говорю Швыдченко.

- С таким же успехом могу предложить и тебе, - проскрипел комбат, вытирая вспотевшую голову.

- Не позволяет, - показал я на согнутую, с повязкой руку.

- Раз так, давай кувыркнем под шумок-то, да и восвояси. А то слышишь, как там разбушевалось, - говорит комбат.

Действительно, что-то неладное там. Прислушиваемся к артиллерийским раскатам.

Сегодня, после боев, рады такой встрече за столом, в тепле землянки, задушевной беседе, песням. Уже и настроились уйти.

- Товарищи! Быстро по местам! - четко отдает распоряжение Федотов, показывая острым взглядом на выход.

Несколько минут, и блиндаж санроты опустел.

Холодной новогодней ночью на Бессмертном Сивке санвзвода мы с комбатом и повозочным спешим в батальон.

Бессмертным Сивко мы называли небольшого старого меринка. Чего только он не испытал: и бомбежку, и обстрел. Сколько перевез раненых. Служит молча в санвзводе безотказный трудяга...

Прибыв в свое расположение, повозочник свернул в кустарник к землянке санвзвода, мы с комбатом устремляемся в роты. Перескакивая через бугры насыпи окопов, перебегаем из роты в роту, от пулемета к пулемету, стараясь скорее узнать состояние дел в подразделениях. Летят трассирующие пули, рвутся снаряды. Каждая секунда грозит нам бесцельной гибелью. Только вернувшись в свою землянку, мы поняли весь риск неосторожной прогулки.

Фашисты задумали нарушить нашу встречу Нового года. Несколько ответных ударов со стороны наших артиллеристов и... вскоре все смолкает.

Утро первого дня нового 1943 года. Огрызком карандаша делаю наброски в походном блокноте. Сзади украдкой подходит командир полка Сушко. Заглянув, недовольно говорит:

- Лучше бы шел в роты, комиссар, чем заниматься детскими пустяками.

Я огорченно посмотрел на него и молча закрыл блокнот.

Командование полка проверяло батальон. Комбат доложил о готовности хозяйства. В ответ командир полка, покосившись на меня, предупредил о переходе дивизии на новый участок.

В это время я рискнул показать ему беглый набросок с него, со спины, ссутулившимся.

- А ведь похож, - произнес командир полка и улыбнулся, что редко бывает с ним. - Ладно, не серчай на мое замечание, - и поспешил к землянке.

На рассвете наш батальон в составе дивизии выступил в поход, чтобы занять новые позиции.

В наступлении

Из-под снега гномиками выглядывают избы деревни. В голубоватых низинах оврага притаились сараи, маленькие бани. На холмах осиротело стоят новые дома с заколоченными ставнями. В конце улицы на взгорье бревенчатая школа.

Наш батальон разместился в деревне Лепехино на время пополнения. Другие части нашей дивизии стоят в соседних деревнях и селах.

Ожили дома, задымили трубы. Сквозь щели ставней, прикрывавших окна, вечерами моргают желтые светлячки керосиновых ламп.

Весть о прибытии в деревню воинской части быстро облетела окрестности. Из лесов вернулись спрятавшиеся звонкоголосые девчата, молодые хозяйки. Они хлопотали по дому, вытаскивали из подвалов и погребов продукты. Готовили квартирантам угощение. То здесь, то там из домов слышатся приглушенные веселые голоса. Идет война, а жизнь есть жизнь!..

Партиями приходит пополнение. В полушубках, ушанках, с винтовками, автоматами. Хорошо обмундированные и вооруженные дальневосточники. Молодые, энергичные, волевые ребята. Во время распределения их по подразделениям только и слышалось: скорее на передний край! Непринужденные беседы, знакомство, познание того, что нужно перед боем, во время боя.

Вскоре мы расстались с гостеприимной деревней. Снова землянки, обледенелые окопы с ходами сообщений передовой.

Заиндевелый лес. Февральское утро. Экстренный сбор у замполита полка. Совещание проводил майор Горин, прибывший недавно в числе пополнения. Майор Федотов откомандирован на другую работу. Горин - резкая противоположность Федотову. В нем больше от гражданского человека.

- Сталинград освобожден полностью 2 февраля, - сообщает майор радостную весть. - В боях за город, на его подступах уничтожены тысячи фашистов. Десятки тысяч захвачены в плен во главе с фельдмаршалом Паулюсом.

- Паулюс попайлюс, так выходит, товарищ майор, - бросил кто-то озорно реплику.

- Вроде этого, - улыбается Горин. Майор откашлялся, небольшая пауза. - А вот новый, важный документ, - продолжает он. - Указ о введении новой формы, новых знаков различия. Красная армия завоевала гордую славу в годы гражданской войны. Она доказала силу, мужество в охране советских границ в мирное время. Наша армия покрыла себя славой немеркнущих подвигов против немецкого фашизма. Что может быть радостнее, чем разгром врага под Москвой и Сталинградом. Подвигами советских людей восторгаются народы всех стран.

В приподнятом настроении вышли мы из блиндажа. С шутками посматривали на плечи своих видавших виды полушубков. Старались представить, как будем выглядеть с погонами, как после победы будут встречать нас в новой форме на родине, дома, если доведется дожить.

Вечер. Землянка штаба батальона. Разместившись за маленьким ящиком-столиком для ужина, говорим о новостях. Ординарец передает мне письмо.

По почерку узнаю - от матери. Закурил крепкого сабантуя. Придвинув ближе коптилку с моргающим огоньком, всматриваюсь в неровные строчки, стараюсь скорее узнать о жизни родителей.

Нас трое братьев. Все на фронте. Понятны тревога и беспокойство одиноких стариков.

Мать шлет привет, пожелания. Читаю дальше. Перед глазами поплыли черные круги. Из письма узнал то, чего не ожидал: Отец приказал долго жить, - писала мать. - 9 января мы его схоронили. Схоронили без вас, дорогие сынки, изливала она свое горе.

Закусив губы, читаю дальше.

- Что случилось? - настороженно интересуется Швыдченко, видя мой потупленный взор.

- Отец умер, - вздыхаю я, показывая на письмо.

- Сочувствую, но что можно сделать? Тяжело, пока хоронишь. Как только скроет матушка-земля, все уходит: и горе по умершему, и жалость. Со временем забывается все, - хмуро произнес комбат. В одной руке он держит кружку с недопитым чаем, в другой - дымящую цигарку. - Вообще, много странного на свете, - задумчиво промолвил он.

- Все для человека и природой, и им же самим, для его земных благ создано. И вдруг его жизнь рушится такими бессмысленными муками войны. Посмотришь на наших юных, еще не видевших жизни парней, а на фронте, в первом же бою гибнут.

- Не стоит тебе, комиссар, убиваться об отце, когда он в земле, на вечном покое. Хотя и никому не хочется умирать, но таков удел всех.

Вошел повар, принес горячих оладьев, жареного мяса, в котелке водки.

- Вот это правильно! - пробасил комбат.

- Так я ж чувствовал ваши настроения. Решил отвлечь, авось поможет, ответил повар, расставляя пищу на столе.

- Давай-ка, дорогой, ужинать. А то ты расстроился, да и я вместе с тобой. Вот кстати и наш штабист.

Начштаба с красным от мороза лицом после проверки постов пролез в землянку.

- Я всегда кстати, - смеется капитан, потирая нос и уши.

- Не шуми. У комиссара горе. Отца похоронили!

- Тогда прошу прощения, - обращается Терновой ко мне. - А чтобы полегчало, обязаны вспомнить его добрым словом. На помин его души. - Капитан налил каждому в кружки водки...

Комбат и его помощники, приклонясь к стенке землянки, подложив под головы полушубки, задремали. Дежурный связист занимался в углу с телефонным ящиком, то и дело дул в трубку, проверяя связь. Ординарцы разместились возле печки, подбрасывая в нее березовые поленца.

Я вновь ушел в нелегкие думы. Как из наплыва, предстало родное село. Весна. Пахота. Палит солнце. Щебечут птицы, жужжат пчелы, порхают разноцветные мотыльки. С засученными рукавами в ситцевой в полоску рубашке, в лапотках, я, тогда деревенский мальчишка, ходил за бороной. Понукал истощенную вороную кобылу Машку. Под тяжестью бороны, разрыхлявшей пласты рыжей земли, вороная, понурив лоснящуюся морду, часто останавливалась. Спотыкаясь о комья, подбегаю к ней, в то же время смотрю, кто бы помог. Скоро подоспел отец с лукошком. Поднес его лошади. Она лениво забирала бархатными мягкими губами овес, помахивая изредка хвостом, отбиваясь от мошкары.

Шла гражданская война. Многих лошадей забрали для армии. Оставшийся скот отощал. Исхудавшие лошади с трудом вспахивали землю. Плохо разделанная и неудобренная земля давала плохие урожаи. Да еще засуха. Крестьяне часто оставались на зиму без хлеба и кормов. Так и у нас. Семья большая, едоков много, а помощников мало. Груз забот наваливался на родителей. Отец только что вернулся с фронта. Кругом разруха. А тут еще эпидемии изнуряли население. Многие преждевременно умирали от голода, болезней.

Люди цеплялись за жизнь, боролись со всеми недугами. Надо было где-то доставать хлеб. Ездили в разные края, сбывали

последний скарб, обменивая на муку и сухари. Тосковали по соли. При земляных работах, рытье колодца в Соснове возле фабрики бывш. Витова на окраине Иванова наскочили на источник, бьющий ключом из недр. Вода оказалась соленой. Из-за нехватки соли городской Совет решил снабжать горожан этой водой, а те в свою очередь стали продавать деревенским.

Мужики села часто ездили в Иваново за соленой водой. Отец брал с собой и меня. На скрипучей телеге трясемся всю ночь по избитой проселочной и лесной дороге. К утру в городе. Обменивали дрова на соленую воду. Наберем полную бочку и - домой. На задворках выпаривали из этой воды соль.

Воспоминания детства живут в нас долго. Будучи председателем сельсовета, отец вместе с представителями ЧК из каменной палатки соседа забирали мешки зерна и муки. Мы, мальчишки, гурьбой бегали вокруг палатки. С увлечением готовились к октябрьскому празднику. Где-то раздобыли плакаты. Черный скелет царя в короне, верхом на скелете лошади, на ярко-оранжевом фоне. Кусками размятой глины приклеивали их к стенам, на ограде церкви, возле дороги на деревянных воротах пожарного депо, что посредине села, на стенах каменной палатки...

Много заботы проявлял отец обо мне, когда я по путевке Ивановского губпрофобра, уже повзрослевший, уезжал в Ярославский художественный техникум.

Не дождавшись победного возвращения своих сыновей, отец ушел навсегда, не простившись с нами, ради которых он, не жалея сил, трудился. Отец есть отец. Родители - самое близкое, самое дорогое в жизни каждого...

Ничем не могу помочь материнскому горю. Свое горе буду заглушать в боях. Скоро идем в бой. В который раз и сколько их еще впереди.

* * *

Сбор командиров и замполитов. Комбат зачитывает приказ: Завтра в 6.00 дивизия выступает...

Вместе с комбатом обошли подразделения батальона, проверяем готовность.

Перед обедом в землянке созываем коммунистов и комсомольцев.

- Товарищи! - обратился я к собравшимся. - Завтра наступление. Все вы, как всегда, займете свои места в ротах, взводах, отделениях, в спецподразделениях. Внимательно продумайте все по своим хозяйствам. Замполиты, парторги, комсорги обязаны быть вместе с людьми как здесь, так и во время наступления. Оформить боевые листки.

- У нас уже готов, - выкрикнул замполит минвзвода.

- Я знаю. Надо, чтобы и остальные подготовили, отметили лучших стрелков, связистов, пулеметчиков, пожелали подвигов в завтрашнем бою. Организуйте баню. Пусть помоются, поужинают и отдыхают до сигнала. Не забывайте дежурные посты. Обязательно раздать всем бирки. Тоже и для себя. Ясно?

- Ясно, товарищ комиссар, - загудели голоса.

- Есть что у тебя, комбат.

- Да что говорить, - пробасил он, сдвинув набок ушанку. - Задача понятна. Важно уяснить свою роль в бою. Быть готовым к разным неожиданностям. Всего не предусмотришь. В бою часто натыкаешься на то, чего нет ни в каком уставе. Побывали мы с комиссаром на НП. Кое-что засекли. Колючая проволочная паутина. В насыпи дзоты. Карты вам розданы. В них указаны направления каждому подразделению. Противник начеку. Наши танковые расчеты в лесу. Артиллерия, авиация наготове. Вот, по-моему, все, - закончил комбат.

Вечер. В штабе батальона все в сборе. Одни лежат на нарах с цигаркой во рту, о чем-то думают, устремив свой взор на черный потолок. Другие за столиком пишут письма.

- Может, последнее, - говорит лейтенант Бедов, поправляя спустившиеся на лоб пряди волос. - И не хотелось бы так думать, а там черт его знает... Уж лучше сейчас быть готовым ко всему, - продолжал рассуждать помкомбата, бережно складывая письмо треугольником.

С парторгом Лантухом разбираемся в полевых сумках.

Глубокое молчание.

- Люди помыты, пострижены, побриты, - говорю я Лантуху. - Мы в бане тоже помылись, а побриться не успели. Давай-ка приведем себя в порядок.

- Ты прав. Вот когда будем в Москве, побреемся в столичной парикмахерской и обязательно у девушки, чтобы она массаж своими нежными ручками сделала, говорит вдруг парторг.

- Сейчас как-нибудь обойдемся сами, - проводя лезвием по подбородку, откликаюсь я на его лирические высказывания...

Четыре часа. Все на ногах. Связные обходят роты.

- Ну, друзья, собирайся в поход! - обратился комбат. Он натягивает на себя поверх полушубка новенький, снежной белизны маскировочный халат, побеленную каску.

Следуя его указаниям, надеваем и мы маскхалаты, поправляем ремни с пистолетами, только что полученные новые кортики. В полевую сумку вместе с блокнотом, полевой картой вкладываем лоскут полотенца, мыло, коробочку с бритвенным прибором. Отряхнувшись, поправляем маскхалаты, держа в руках

ушанки. Многие надели каски.

Обнимаем друг друга, даем взаимную клятву:

- Не подведем!

Медленно движемся на исходные позиции. Впереди в темную непроглядную ночь беспрестанно взлетают ракеты. Бойцы занимают траншеи. Разрешаем последний перекур. Протискиваюсь по траншеям, чтобы еще раз проверить готовность в ротах. Довольный солдатской бодростью, я проползаю на четвереньках в тесный с низким настилом КП.

- Роты готовы, комбат!

- Добре, комиссар, - так уж по традиции называет он меня.

Шли последние минуты знакомого напряженного ожидания.

Комбат Швыдченко посмотрел на ручные часы. Скоро шесть.

В это время морозный воздух огласился мощным залпом орудий. Земля задрожала. Началась артиллерийская обработка переднего края врага. Море огня. Выстрелы и взрывы перешли в сплошной несмолкаемый гул. Небо озарилось каскадами вспышек, громовыми раскатами катюш.

В сторону врага взлетают три красные ракеты. Следя взглядом за их взлетом, комбат кричит начальнику штаба:

- Пускай!

Начальник штаба только этого и ждал. С азартом дает выстрел из ракетницы. Красной змейкой взвилась маленькая комета. Вслед ей последовал свисток-сигнал к наступлению. Пехота заколыхалась. Доля минуты какого-то оцепенения. Политруки - это их долг - первыми выскакивают из траншеи с возгласами:

- За Родину!

За ними устремляются бойцы. Вот они кубарем скатываются по снежному склону и медленно растекаются по полю.

Впереди окутанные дымом и снежной пылью, с гулом спешат танки. Они сминают колючие ограждения, окопные бугры. Грохот артиллерии нарастает. Грузно летят бомбардировщики.

Штурм вражеской позиции начался.

На КП батальона резкий зуммер.

- Двинулись? - справляются из полка.

- Уже, уже, товарищ командир! - не без волнения отвечает комбат.

По колени в снегу перебежками и ползком передвигаются воины. Перебираясь через брустверы вражеских окопов, через трупы фашистов, бойцы идут дальше и дальше, следом за валом огня артиллерии.

Преодолев первую преграду, приближаемся ко второй линии укреплений. Расстроенные ряды фашистов пытаются цепляться за

высоту. Батальон по их пятам врывается в селение. Передвигается артиллерия, хозяйство батальона. Санитары в рядах стрелков. Не упуская из виду всего происходящего, спешим мы с комбатом и парторгом. Лейтенант Бедов в ротах, Терновых со связистами старается настроить телефон.

Завалы в окопах, поверженные фашистские пушки, черные воронки, клубы дыма.

В подвале полуразрушенного дома санитары устроили первый приют раненым. Ползком влезаем туда. Сквозь темноту разглядываем, как теснятся один к другому стонущие раненые. Они лежат вокруг маленьких тлеющих костров, среди едкого с горечью дыма.

Двое санитаров на корточках пробираются между ними, оказывая первую необходимую помощь.

Подбодрив раненых, выбираемся из подвала и перебежками спешим по траншеям.

Едва прыгнули в углубление окопа, как грохнул вражеский орудийный залп. Снаряд угодил в этот полуразрушенный дом. Резкий взрыв. Клубы дыма и пыли с комьями земли. Остатки избы рухнули, засыпав раненых и их спасителей-санитаров. С гневом смотрели мы на то место, где были раненые. Вокруг начали хлопотать бойцы-саперы с подоспевшими другими санитарами. Надо спасти живых из-под завала.

Терновых сидит на дне окопа, согнувшись возле телефониста, пытавшегося связаться с ротами.

- Хватит тебе тут ковыряться с телефоном, - сердито говорит комбат в сторону начальника штаба. - Пошли в поле.

Впереди в разных положениях застыли наши танки. Во время наступления они подорвались на минах. За замершей их броней окопались фашисты, ведут обстрел из пулеметов и автоматов. Мы залегли. Видя бесцельную гибель наших, комбат через связных приказал командирам рот приостановить движение, окопаться, выслеживая каждого фашиста. Немалых усилий и жертв стоило нам выкурить засевших за танками фашистов.

Преодолев обстреливаемое поле, мы приблизились к деревне Холм Березуйский. Она действительно походила на холм. Вокруг сплошные рытвины. Из дзотов с холма враг вел пулеметный обстрел. То и дело залегаем. Как только кто вставал, тут же падал, подкошенный пулями. Ползком от воронки к воронке накапливались ближе к скату холма, испещренного амбразурами. Другие роты справа и слева решительными перебежками обходят холм, как муравьиную кучу, внутри которой кишат фашисты. Они все глубже и глубже уползают в свои норы, продолжая огрызаться из дзотов.

В воздухе ревут моторы самолетов. Линия фронта извилинами окопов походит на запутанный лабиринт. Наши ряды настолько сближены с противником, что ни те, ни другие самолеты не решаются сбрасывать бомбы на передний край, на холм деревни. Началась борьба в воздухе. Появились новые группы наших тганков. С ходу они таранили впереди укрепления. Продукты НЗ - неприкосновенный запас на исходе. Жажду от голода утоляем снегом. Доставка горячей пищи и других продуктов питания затруднена из-за обстрела.

Помощник комбата по строевой лейтенант Бедов, связавшись по телефону с хозяйством полка, просит ускорить подброску продуктов. Сам решает встретить старшину. Глубокая воронка узкой тропой соединялась с бывшими окопами врага. В измазанном и порванном маскхалате, в сдвинутой на глаза каске комбат Швыдченко, стоя на коленях, наблюдает в стереотрубу. Порвалась линия. Я склоняюсь над телефонным ящиком, ожидая сигнала о восстановлении связи с полком. Телефонист выбирается на ее исправление.

С глухим стуком комьев мерзлой земли, плашмя на животе сползает связной. Поднявшись на локти, простуженным голосом с трудом говорит:

- Там, в овраге, старший лейтенант Бедов. Боец Пережогин и старшина убиты. Одному ему трудно, - и сваливается на бок от боли в ноге.

Слышу сигнал в трубке. Нервно продуваю ее, словно что-то там застряло. Кубарем скатывается телефонист. Запыхавшись, докладывает:

- Связь исправлена, товарищ комиссар.

Тут же я передал трубку телефонисту. Он начал вызов Клена. В это время помогли связному снять сапог и спешно наложили повязку на раненую ногу.

Связной ранен, старшина и боец Пережогин убиты, Бедов один, а продуктов все нет и нет, - неслись мысли.

- Комбат! Я пошел к Бедову, - обращаюсь к Швыдченко, продолжавшему наблюдать в стереотрубу.

- Давай, - не оглядываясь, говорит комбат.

Решительно выбираюсь из воронки. Тут же вслед просвистели пули. Укрываясь от обстрела за каждым выступом взрыхленного поля, ползком спускаюсь к оврагу. Вокруг урчат пулеметы, взрываются снаряды, гудят самолеты. Лежа, опираясь руками о мерзлую землю, немного передыхаю, снова ползу, превращая в лоскутья свой маскировочный халат. Поддерживая одной рукой кобуру с пистолетом, другой - полевую сумку, броском перескакиваю через рытвины окопа и снова ползу. Добравшись до

кустарника, спускаюсь с небольшого ската в ложбинку. Возле поломанных кустов хлопочет Бедов. Ползая вокруг термоса со сдвинутой на затылок шапкой, с торчащими прядями сбитых волос, он старается как-то заделать отверстие простреленного термоса.

- Ну, что случилось?

- Да теперь вроде в порядке, - глуховатым голосом отвечает лейтенант, обрадовавшись моему появлению. - Термос пробуравили. Подлечил. Беда - люди погибли. Убили, гады, - с гневом говорит он, показывая на поломанные кусты. Сзади них в притоптанном снегу лежали мертвые старшина и боец-комсомолец Пережогин. Возле них, накренившись, стоят термос с супом, рюкзак с хлебом.

По скату подобрался к убитым.

На днях я говорил с ними о боях, о письмах, теперь они мертвые, - думаю я, глядя на их восковые, безжизненные лица.

Осматриваю их карманы. Списки бойцов, истертые письма, комсомольский билет.

Все это укладываю в свою полевую сумку. Еще раз осматриваю погибших. Поудобнее укладываю их вместе под ветвями кустарника и укрываю шинелью.

- Прощайте, друзья, - говорю им тихо, вскидывая на спину один термос и рюкзак с продуктами. Другой термос накидывает на себя Бедов. - Ну, пошли!

Скрытые дымной пеленой, в сумерках, мы снова ползком пробираемся по обстреливаемому полю. Подползаем к бугру края воронки КП. Залегаем.

- Как, Бедов, устал? - спрашиваю я, разглядывая его измученное и поцарапанное лицо.

- Ничего, комиссар. Теперь дома, - отдышавшись, отвечает Бедов, поправляя на себе термос.

- Будь осторожен! - предупреждаю его и первым перекатываюсь в воронку с ценным грузом. И снова надо мной проносятся вражеские пули.

- У, паразиты! - сердито бросаю им вслед. Еще не освободившись от своей ноши, с учащенным биением сердца кричу:

- Бедов, давай быстрее! - и оборачиваюсь... Лейтенант Бедов лежит на гребне бугра неподвижно, перегнувшись головой к нам. Слетевшая с него шапка медленно от комка к комку скатывается в воронку.

- Этого еще не хватало, - сказал комбат, подняв взгляд на верх бугра.

Вместе с комбатом осторожно переносим пробуравленное

пулями размякшее тело Бедова на дно воронки. Из новой пробоины термоса, снятого с его спины, бьет прозрачная струйка.

Опускается вечер. Стихает. Только легкий бисер падающего снега то и дело освещают ракеты. Вскоре сползают сюда, запыхавшись, начальник штаба и парторг. Их радость возвращения омрачилась печалью, когда они увидели мертвым своего боевого друга. Сжавшись на дне воронки, молча приступаем к запоздалому обеду.

Прожевывая пищу, тихо и натруженно я докладываю по телефону командиру полка о случившемся.

Поздним вечером Пережогина и старшину похоронили возле кустов, тело лейтенанта Бедова - на дне воронки, на месте КП. Расстались навсегда с тружениками фронта. Через телефониста, который с трудом выговаривал слова, связались с ротами. Небольшой привал на дне воронки, возле бугорка могилы помкомбата.

К утру разразилась метель с порывами ветра. Через бугры и завалы поля поредевший батальон повели к роще.

Фашисты усилили пулеметный и минометный огонь. С макушек деревьев рощи засевшие кукушки обстреливают нас из автоматов. Со свистом проносятся над головами пули, глухо вонзаясь в снег. Кого задевает, тот подкошенный падает навзничь. Чем ближе продвигаемся к роще, тем больше появляется убитых и раненых.

Вслед за нами ползут санитары. Они собирают раненых. На носилках или лыжах, а то и просто на себе уносят с поля боя. Тут же под открытым небом делают им перевязки и переправляют теми же средствами в санвзвод, окопавшийся в снегу среди кустов. Мертвых собирают трофейные команды.

Батальон продвигается по лесу. Перебегая от дерева к дереву, от куста к кусту, бойцы приближаются к железнодорожной линии. Отдельные группы прочесывают рощу, обстреливают деревья, уничтожают кукушек. Замаскировавшиеся фашистские снайперы грузно шлепаются в снег.

Снежная пурга не приостанавливается. Усиливается орудийный обстрел, резкий гул которого разносится по лесу. От взрывов во все стороны разлетаются брызги снега и земли. Над головами рвутся бризантные снаряды, поливая осколками.

Люди припадают, ползут по снегу, снова поднимаются, устремляясь вперед. Кто бежит, кто идет ускоренным шагом, стараясь добраться до цели. Нарушилась связь.

- Я туда, - показываю взглядом комбату в сторону боя. Рядом взрыв. Ныряю в воронку, за мной ординарец. С воем пролетают осколки. Приподняв голову, осматриваюсь. Возле меня ординарец

Безлепный.

- Вроде все на месте.

Отряхнулись от снега. В воронке лежат раненые, их только вынесли из боя.

Поправил одному шапку, другого накрыл шинелью, снятой с убитого, лежащего рядом.

- Потерпите немного, дорогие! Скоро придут за вами.

Раненный в лицо не в состоянии говорить. Его умоляющий взгляд просит о помощи. Поправил на нем шинель, укрывая его посиневшие от холода руки. И тут в воронку кубарем скатываются санитары.

- Вот и пришли за вами, - говорю раненым. Комок застрял в горле. От пережитого ничего не могу сказать им более вразумительного. - Сейчас вас заберут, облегчат муки ваши. Прощайте, друзья. Надо спешить.

Кругом разрывы. Гарь, громыхание орудий. Писк пуль, осколков. Выбираемся из воронки.

Послышался чей-то стон, заглушенный очередными взрывами.

Вобрав в себя голову, пригибаюсь от обстрела. Спешу вперед. Нагоняю двух связистов. Они пробираются по линии, разыскивая места порывов.

На ходу кричу:

- Леша, еще немного! Поднатужься, и связь будет, и успеха добьемся! - А этот Леша охает, поджав живот и сцепив зубы, тыкается в снег. Вражеская пуля скашивает его. Другой связист продолжает ползти.

Спускаемся в низину оврага. На склоне возле дерева промежуточный телефонный пост. Молодой телефонист лежит с пробитой головой, рядом валяется трубка ТАТ. Здесь-то и оказалось повреждение связи от разорвавшегося снаряда. Подоспевший связист соединил порыв.

Расстилается дым. Небо и земля сливаются воедино.

Гранаты, бутылки с горючей смесью летят в сопротивляющихся фашистов.

Разрозненных бойцов собираем в общий кулак, бросаемся в рукопашную. Еще напряжение, еще усилие, и ударная группа теснит врага. Кто штыком, кто прикладом, кто просто кулаком колошматит фашистов.

- Даешь по гадам! - вырывается из общего грохота и шума выкрик разъяренных бойцов-дальневосточников. Их азарт передается другим. По пятам преследуем запыхавшихся фашистов. - И в хвост, и в вшивую гриву! - кричат дальневосточники, топя фашистов в полыньях реки,

образовавшихся от обстрела.

Бредут пленные. Они идут сами, без охраны, только бы выбраться из кромешного ада. Остальные, преследуемые нашими, сбрасывают снаряжение и спасаются кто как может.

Вдали в дыму еле заметно вырисовывается город Жиздра.

- Вперед, вперед, товарищи! - с хрипом кричу бойцам, пробираясь с ударной группой по рытвинам поля.

Со всех сторон обтекаем пожарище. Не задерживаясь, одни просачиваются вглубь, другие уничтожают врага на подступах. Где рывком, где ползком карабкаемся вдоль разбитых строений. И... вдруг что-то непонятное происходит со мной. Правая нога онемела. Сквозь валяный сапог сочится кровь, остаются на снегу темные пятна. Пытаюсь ступать. Ноги не чувствую. Отяжелела голова, перед глазами поплыли круги.

Лежу на снежном скате. Как сквозь туман смотрю на проходящих мимо.

Идут пэтээровцы, положив на плечи длинные стволы противотанковых ружей, бегут автоматчики, спешат бойцы с пулеметами, с катушками кабеля - связисты.

Шуршат замерзшие маскхалаты. Один за другим люди быстро проходят и скрываются за бугром.

Поздний вечер. Ординарец Безлепный вернулся с санинструктором. Они разрезают голенище валенка и освобождают мне ногу. Сняв мокрый от крови теплый носок, делают перевязку. Вспыхнула невыносимая боль. При помощи санинструктора и ординарца с большим трудом добираюсь до контрольного поста. Вызываю КП полка, слышу знакомый голос замполита.

- Товарищ майор, - дрожащим голосом докладываю. - Бригады организованы, связь налажена, задание выполнено!

- Прекрасно! - отвечает майор. - Только что-то не пойму по голосу. Что случилось?

- Особенно ничего. Потревожена нога и... - трубка выпадает из моих рук.

Очнулся в землянке санвзвода. У входа на розвальнях стонут раненые.

Боль расползлась по всему телу, ударяет в голову. Сжав кулаки, я прикусываю язык, дабы не издавать выкриков. Возле меня ординарец Безлепный.

Запыхавшись, влезает Лантух.

- Слушай, - обращается он, пробираясь через раненых. - Опять ты попал! Пожал мне руки и поспешил на контрольный.

Узнав, что произошло, замполит полка дал указание переправить меня в санчасть, а обязанности возложил на Лантуха.

Под утро меня перенесли на разбитые розвальни. Уложили на них и накрыли старыми шинелями. Помогавшие боевые друзья простились со мной. Санитар-повозочный чмокнул, и ветеран Сивко, презирая все невзгоды фронта, медленно зашагал по рытвинам поля, волоча за собой розвальни с ранеными. Сивко везет со скрипом, с толчками. Все кружится перед моим взором.

Лес, санбат, первая помощь. На грузовой - до полевого госпиталя. Снова деревня Лепехино. Недавно здесь проходило пополнение дивизии. Сейчас тут разместился походный полевой госпиталь.

Колхозная натопленная изба. На нарах, на полу с подстилкой соломы раненые. За тесовой перегородкой обрабатывают раны больных. Морозные с узорами окна. Слышится скрип от движения по дороге. В воздухе рев и свист самолетов. Падающие бомбы сотрясают избу.

Я лежу на крестьянском столе, ставшем операционным. Сделали укол, дали выпить чего-то горького. Перебинтовали ноги. Под вечер на автобусе повезли до Калуги. А потом в Москву.

Ранним утром прибываем на Киевский вокзал.

Медсестра раздает раненым документы. Около вагонов суетятся санитары с носилками. Осторожно выносят больных из вагонов.

Ряды деревянных топчанов в общем зале вокзала заполнены ранеными. В серо-зеленых спецовках хлопочут санитары и санитарки. Между топчанами ходят врачи, делают осмотр.

На рассвете размещают раненых в автобусах и развозят по московским госпиталям.

В госпитале

Путь от Киевского вокзала был недалек: через Бородинский мост, Смоленскую площадь, по Садовому в детскую больницу имени Филатова. В годы войны помещение ее заняли под госпиталь.

Приемный покой. Люди в белых халатах - санитарки, сестры, врачи - еле успевают принимать раненых. Уплотняются палаты, расставляются дополнительные койки в коридорах. Едкие запахи йода, карболки, эфира. После ванной, обработки раны, с забинтованной ногой меня положили на свободную кровать в палату хирургического отделения.

Два больших квадратных окна с кремовыми драпировками. Под ними скатанная сверху штора из черной бумаги. Вдоль светлых с кафельной панелью стен пять кроватей. Возле них никелированные столики, накрытые белыми салфетками. За круглым столом двое моих товарищей по палате играют в домино

с товарищами из соседней палаты. Двое других раненых - в гипсе, неподвижно лежат в постелях. Из черного круга репродуктора над дверью слышится тихая музыка.

В палату осторожно вошла в белом халате небольшая голубоглазая девушка.

- Добрый день! - ласково приветствует она больных.

- А-а! Настенька, здравствуй! - откликнулись ей из-за стола, не приостанавливая игры в домино.

Она подошла к моей кровати. Из баульчика стала выкладывать на столик приборы для бритья.

- Побреемся, товарищ больной, - с улыбкой обратилась она ко мне.

- Можно. Мы как-то перед боем с другом брились в землянке. Ох, как тогда мечтали побывать в московской парикмахерской у девушки с нежными руками.

Она осторожно помогла мне приподняться. Побрила, освежила цветочным одеколоном, пожелала здоровья и торопливо вышла, неслышно закрыв за собой дверь.

Молодой блондин с бледно-розовым лицом, старший лейтенант Николай Кузнецов ранен осколком в полость живота. Он больше находится в постели. Читает книги, которые приносят в палату.

Иногда для разминки, опираясь на тросточку, добирается до стола, играет в домино, чтобы отвлечься. Его сосед по койке, политрук Егор Сивницкий, постарше. Он прыгает на костылях, то и дело проводит рукой по рыжему боксу. Егор и Николай лечатся здесь уже более четырех месяцев.

Двое других, совсем юных младших лейтенантов, что в гипсе, ожидают со дня на день эвакуации в другой госпиталь для длительного лечения.

Резкая перемена обстановки, усталость клонят меня ко сну. Немного вздремнув, открываю глаза. У моей постели стоит пожилая женщина в медицинском халате с мягкими чертами приятного смуглого лица. Темные с проседью волосы забраны под белый берет. Это врач-хирург, она же начальник отделения Мария Алексеевна Веденская. Она внимательно прощупывает мой пульс.

- Как самочувствие?

- Вроде ничего.

- Нога беспокоит?

- Болит.

- Вам нужен покой, с постели никуда. Завтра осмотрю рану еще раз, решим, что делать. Пока не волнуйтесь. Крепче спите - это самое главное. Сон - лучшее лекарство, - по-матерински ласково говорит она и в то же время требовательно, как врач.

Первая ночь в московском госпитале. Тишина. Резкая боль в ноге. Пробивает пот, часто пью воду, утоляя жажду. Несколько томительных часов, и я заснул. А сон все о том же...

Передовая. Снежные траншеи. Кругом рвутся снаряды, ползут со стоном раненые. Появляется серый с черно-белыми крестами самолет. Огромная махина спускается все ниже и ниже. С воем пикирует. Стрельба...

- Ложись! - ору во все горло.

Просыпаюсь от собственного крика. Приподнимаюсь на локтях. Ничего не понимаю. Вглядываюсь в темноту палаты. Сердце гулко, учащенно стучит. Приходя в себя, слышу храп, стон соседей по койкам... В просвете приоткрытой двери стоит дежурная сестра. Она настороженно подходит к моей койке, склоняется надо мной:

- Что с вами?

- Дайте холодной, холодной воды, - едва выдавливаю хриплым голосом.

Сестра подносит стакан с водой. Дрожащей рукой принимаю стакан, с жадностью выпиваю. Но сна нет. Под утро вроде одолевает дремота. Только забылся, передо мной снова поле боя, движется темно-лиловый танк со свастикой. С металлическим лязгом, грохотом надвигается стальная машина на траншею. Вот-вот раздавит. Не выдержав, кричу:

- Не пройдешь!

И вновь просыпаюсь. Крепко сжатые кулаки, дрожь в теле. Открываю глаза. Тяжело дышу. Чувствую неловкость за свои сонные выкрики. Проснулись соседи.

В дверях снова сестра...

* * *

Наступила весна.

- Даже не верится, что мы живы, - рассуждаем мы между собой, всматриваясь в окна и видя, как снег сходит с крыши, как по водосточным трубам с шумом стекает талая вода.

Трудно понять людям, не знающим фронта, что испытывает там человек. Как преодолевается им страх, как он ощущает близость смерти и борется за жизнь. Люди фронта, по-настоящему поняв ее цену, борются за жизнь. Жить и бороться, чтобы жить... И чтобы жила родная страна... Сейчас и солнце другое. На фронте, на передовой оно не всегда было приветливым. Здесь весеннее солнце воспринимается с горячим биением сердца, вызывая чувство как бы нового рождения.

Взбудоражив себя разными мыслями, раненые надевают больничные халаты и скрытно от врача и медицинской сестры на костылях скачут к выходу на балкон. Меня везут на коляске.

Щурясь от солнца, возбужденно наблюдаем за жизнью шумных московских улиц. Нас обдувает влажным ветром. И вдруг появляется Мария Алексеевна. Она делает нам замечание за нарушение госпитального режима. С неохотой возвращаемся в палату. Сбрасываем с себя халаты. Как провинившиеся дети, забираемся в постели.

На фронте переносили и грязь, и холод, пили из дорожной колеи, сосали обледенелый снег, все сходило. А здесь, как в инкубаторе. И как бы ни ухаживали за нами, чуть что - и насморк, и кашель, и недомогание, и бессонница...

Плотно укрываюсь одеялом, содрогаюсь от нестерпимой боли, сдерживаю себя, стараюсь скрыть свои муки. Вдруг чувствую легкое прикосновение к одеялу, робкий мягкий голос:

- Товарищ больной, что с вами?

Из-под одеяла, стесняясь слез, смущенно говорю о боли в ноге.

После завтрака обход врачебной комиссии. Начальник госпиталя, главный хирург, начальник отделения, дежурная сестра с охапкой папок историй болезней. Все в белом. Они подходят к каждой кровати. Мария Алексеевна рассказывает о больных. Комиссия делает свои заключения. Дежурная сестра обязана все записать.

Интересуются моим состоянием. Главный хирург осмотрел мою ногу поверх лангета, врачи о чем-то между собой пошептались и вынесли решение: назначить на операцию...

* * *

Высокий, сухощавый, пожилой профессор-хирург. с засученными рукавами, в тонких медицинских резиновых перчатках. Сквозь роговые очки обежал всех суровым взглядом. Откинул простыню с моей больной ноги. Ласково посмотрел на меня. Жестом руки дал понять: Будь спокоен! Усиленно прощупывает ногу через лангет. Схватив ступню, поднимает ее, резко поворачивает из стороны в сторону, вцепившись в нее своими твердыми, как металл, пальцами.

Стиснув зубы, я сдерживаю себя, чтобы не закричать от боли.

Команда хирурга:

- Включить электроприбор.

Сняли лангет. Осмотрев рану, профессор говорит:

- Ранение тяжелое, товарищ больной. Предлагаю со ступней расстаться. Как вы, согласны?..

Не осознав еще как следует значения слова расстаться, я отрицательно качаю головой.

Минуты обдумывания...

- Тогда будем чистить рану. Операция нелегкая, постараемся

сохранить вашу ногу. Операция прошла успешно. Ногу мне спасли.

* * *

День клонился к вечеру. В палате тихо. Сестра принесла запоздалый обед.

- Кушайте, чтобы поскорее поправиться! А на десерт получайте... - и она протянула письмо.

Гляжу на затертые печати на конверте. От жены.

Здравствуй, дорогой! Поздравляем тебя с наступающим праздником Первого мая, шлем сердечный привет с самыми лучшими пожеланиями. Меня интересуют твои дела в Москве. Ты пишешь, что пробудешь еще несколько месяцев. Почему же велишь писать на квартиру, когда там не бываешь? Живешь где-то в другом месте, а где, об этом не говоришь. Прошу тебя объяснить и не наводить тень на ясный день. Да, - думаю про себя. - Бьет по цели. Читаю дальше: Мы живем сносно. Твой костюм продала, как ты велел мне в письме с фронта. На вырученные деньги купила на рынке муки, пшена, масла, сахару. Теперь могу детей хоть иногда кормить блинчиками и молочной кашей. Когда они сыты, мне легче. Иначе я терзаюсь. Никак не дождемся дня нашего возвращения в Москву, на свою квартиру. Пиши и разъясни все! Не обижайся, если неправильно растолковала твое письмо. Беспокойство за тебя вызывает разные мысли. Быстрее отвечай! Целуем тебя все крепко!

Прочитав письмо, держу его на груди одной рукой, другая с папиросой свесилась с постели. Пробую затянуться. Потухла. Кто-то скучает, - такая уж была примета на фронте...

Кладу письмо в блокнот на столике и засыпаю. На другой день, преодолевая недомогание, решаю написать ответ.

Дорогие мои! От души поздравляю вас также с наступающим первомайским праздником. Желаю бодрости, радости, здоровья. За письмо и поздравление сердечное спасибо. Спешу ответить и рассеять ваши сомнения.

Действительно, я скрывал от вас причину, по которой не живу на нашей квартире. Не хотел тревожить. Просил и твою мать, чтобы она обо мне вам не сообщала. Как только получала она письма от вас, то сразу приносила их мне, в госпиталь.

Не волнуйся, не тревожь детишек. Чувствую себя лучше, опасность миновала. Вчера была операция. Прошла хорошо, сегодня, как видите, в состоянии писать вам письмо.

Теперь начну поправляться и ждать вашего возвращения.

Целую - ваш папа.

Вот и открыл секрет. Остается ждать встречи. Буду рад их приезду, буду долго, долго целовать милых малышек, радоваться

свиданию с женой...

На следующий день, запечатав конверт, передал письмо пожилой женщине, библиотекарю, разносившей по палатам газеты. Просматриваю свежий номер Правды. В верхнем правом ее углу читаю лозунг первомайских призывов:

Воины Красной Армии! Вас ждут как освободителей миллионы советских людей, изнывающих под. немецко-фашистским игом!

Вперед на запад, за освобождение советской земли!

Сводка Совинформбюро:

В течение 25 апреля на фронтах существенных изменений не произошло. Нашими кораблями в Черном море потоплена подводная лодка противника. За истекшую неделю с 18 по 24 апреля включительно в воздушных боях и на аэродромах противника уничтожен 381 немецкий самолет. Наши потери за то же время - 134 самолета. На отдельных участках шли бои местного значения.

Бои местного значения, - думаю я про себя. Мы, фронтовики, знаем, что это за бои - гибель людей, кровь. В тылу не все понимают их смысл, считают, что они ничего не значат, если нет освобожденных городов и сел. Бои местного значения - по существу основные подступы к освобождению родной земли от фашизма...

Утомленный операцией, раздумьями после письма, читкой газеты, стараюсь заснуть, чтобы отвлечься от переживаний...

* * *

В открытые форточки струится свежий утренний воздух. За окнами воркуют голуби.

Наша палата, как и другие, выглядит празднично. Новые скатерти, салфетки на столиках, новые шторы на окнах. Цветы, чистота. По радио музыка. Первомайский праздник в дни войны... Передается приказ Верховного Главнокомандующего с поздравлением Красной Армии и советского народа с праздником Первого мая.

Врачебный обход. Сегодня он несколько необычен. Вместе с врачами приходят шефы. Поздравляют раненых с праздником, вручают подарки. Вслед за ними по палатам растекаются посетители - родные, знакомые, товарищи по работе, по фронту.

После операции я вновь осваивал костыли. Скачу по коридору. С лестничной площадки третьего этажа заглядываю вниз. Хмурым возвращаюсь в палату. Приставляю костыли к кровати, сбрасываю халат, забираюсь в постель, давая отдых ноге.

К Кузнецову пришли мать и сестренка-школьница в сопровождении Сивницкого. Сам Сивницкий никого не ожидал. В

роли разводящего с особым настроением направлял посетителей к другим раненым. Рад бы и он встретить жену, но она живет не в Москве. Приходится довольствоваться письмами. Надеется навестить семью сам, как только поправится. Зато внимателен к другим, подбадривает.

- Ничего, капитан, не волнуйся! Кого-нибудь разыщу и для тебя.

Николай, не вставая с постели, оживленно беседует с родными. Напротив, у другой стены, стоят две свободные кровати. Двух больных эвакуировали для лечения в Куйбышев. Перелистывая сборник стихов Лермонтова, посматриваю на светлые с матовым стеклом двери, за которыми с шумом проходили гости. Но вот открывается наша дверь. Сивницкий, придерживая ее, пропускает группу людей. Вглядываюсь в осторожно входящих в палату и узнаю: это мои друзья по учебе и фронту. Крепкие объятия, поцелуи. Кто в кресле, кто по двое на одном стуле рассаживаются вокруг меня. Вот на край постели присел, опираясь на госпитальную палку с резиновым наконечником, Листратов.

С ним мы уходили в ополчение. После ранения под Смоленском осенью сорок первого года Николай вышел на инвалидность. Сейчас он работает референтом в НКПС. И вот первая встреча в госпитале. Его жена бережно держит букет цветов, не зная, куда его поставить. И вдруг из букета извлекается бутылка кагора.

- Вот, - говорит Вера. - Мне, как не вызывающей подозрения, поручили пронести это. У вас сегодня в проходной очень строго.

- Спасибо вам за то, что вы навестили меня, за ваши подарки. В проделке с цветами, конечно, не обошлось без участия Виктора Иванова? - Я смотрю на коренастого художника. С Ивановым мы вместе учились в Ленинграде, вместе работали на студии, В начале войны его взяли в армию, направили на работу по плакату. Около него художник Маша Жукова. С ней также вместе учились, работали на студии. Она немного с грустью смотрит на меня, лежащего в постели с загипсованной ногой.

Тут же и мой старший товарищ по фронту, бывший командир батальона связи капитан Иван Сергеевич Жучков. Теперь он служит в армейском отделе связи. В Москву прибыл с поручением. Разыскал меня.

- Ну, что ж, друзья! - обратился Листратов к собравшимся. - Поздравим нашего друга?

Приковылял Сивницкий. Присоединился к нашей компании. Скрытно от медицинского надзора подняли тост за первомайскую встречу... Из черного диска репродуктора лилась музыка военного

мая...

Деревья одеваются нежной зеленью.

У раскрытого окна мы сидим за столом, накрытым белой скатертью с голубыми цветами. Играем в домино. Идет жестокая борьба. Наши противники сильно нажимают. Мы с Сивницким боимся проиграть с сухим счетом. Правдой и неправдой стараемся размочить. В разгар игры в палату врывается сестра.

- Товарищ капитан! Вас просят к телефону. Оставляю поле битвы. Прыгаю на костылях по коридору. Торопливо беру трубку:

- Алло! Алло! Я у телефона.

Слышу мягкий взволнованный голос:

- Это я Лена. Здравствуй!

- Ка-ак, ты? Здравствуй! Откуда говоришь? - не верю я еще своему счастью, услышав голос жены.

- Из дома. Вчера приехали.

- Наконец-то. Очень рад. Как самочувствие, как дочурки?

- Хорошо, хорошо. Дети не отходят от игрушек. Так соскучились по ним. Хотят видеть папу, - радостно говорит жена. - Ты скажи, как твое здоровье?

- Поправляюсь. Когда ты с ними приедешь ко мне?

- Хочу сначала навестить тебя одна. Узнать, где ты, как чувствуешь, потом соберусь и с ними. Мы здесь, так что теперь увидимся, беспокоиться не нужно. Сегодня отдохнем, завтра буду устраиваться с пропиской, хлопотать о продовольственных карточках, а в воскресенье навещу.

- Хорошо! Ну, до свидания!

На костылях хожу по асфальтовой дорожке двора, по аллее, ведущей к проходной, возвращаюсь обратно к подъезду. Время приближается к обеду. Направляюсь к проходной. Не успел дойти до угла административного корпуса, как невдалеке от бюро пропусков увидел маленькую фигурку. Торопливой походкой спешит ко мне жена.

- Милый мой! Здравствуй! - и стала целовать. - Ты жив! - и прижалась к моей груди.

- Жив, жив, как видишь, - отвечаю я, опираясь на костыли.

Она осматривает меня с ног до головы. Ее взгляд останавливается на костылях.

- Как дети, как их самочувствие? - стараюсь я отвлечь ее.

- Все хорошо, - отвечает Лена. - Как ты? Как чувствуешь себя? Как нога?

Не спеша мы идем по горячему асфальту, мимо парадного подъезда в сад.

Жена оживленно рассказывает, как она с дочками ехала, как прибыла сюда, как жила там, в эвакуации, как рады малышки

возвращению в родную квартиру. Как она беспокоилась за меня, особенно, когда узнала, что я ранен и лежу в госпитале.

- Я скрывала от детей, что ты ранен, - взволнованно говорит она. - А сама все думала о тебе, как и куда ранен. Такие черные мысли были в голове, что трудно рассказать...

Здоровье мое шло на поправку. Рука моя потянулась к карандашу. Пытаюсь работать. Делаю в блокноте зарисовки из жизни госпиталя. Обрабатываю фронтовой материал. Пытаюсь писать маслом. Здесь в госпитале я и написал дорогой мне портрет.

Как-то в палату вошла сгорбленная старушка. Черная кофточка с белым воротничком прикрыта госпитальным халатом. Голова совсем седая.

- Дорогие мои фронтовики! - обратилась она к нам. - Хочу по мере сил своих помочь вам, отвлечь вас от тяжестей войны, от недугов.

Это была Екатерина Николаевна Лебедева - правнучка М. И. Кутузова. Бывший научный работник. Она пианистка, собирательница народных песен. В годы войны Екатерина Николаевна шефствовала над ранеными в госпиталях. Кто желал - учила французскому языку. Ежедневно во второй половине дня она в течение часа занималась с ранеными. Во время этих занятий я и писал ее портрет. Писать было нелегко. Но главное, что влекло меня, - это то, что я видел в ее образе Родину-мать, славное прошлое, Кутузова.

Нередко перед ужином для бойцов устраивались концерты. Организатором их был Центральный Дом работников искусств. Все, что проводилось в клубе, привлекало всех. Каждый занимал свое привычное место. Раненые собирались по палатам. Медсестры, как правило, размещались среди больных своего отделения.

В разгар одного из таких концертов меня вызвали к телефону. Беру трубку и слышу знакомый голос.

- Здравствуй, - торопливо говорит жена. - Как настроение, когда навестишь нас?

- Что случилось?

- Ничего, не пугайся. Для тебя, а вместе с тобой и для нас приятное извещение. Почему и должен приехать сам, - бодро говорит жена по .телефону.

- Что за радость, что за извещение?

- Когда приедешь, тогда узнаешь, - упорствовала она.

Направился к замполиту за увольнительной. Обещал помочь.

На следующий день, когда утром проснулся, на столике возле графина с цветами лежала небольшая бумажка с подписью и

печатью:

Увольнительная.

Возникла проблема - в чем пойти? На помощь пришли соседи по палате. Достали гимнастерку, брюки, пилотку. Сапоги дала сестра-хозяйка.

Кое-как втиснулся в брюки, разрезав снизу правую штанину. Надел один сапог, о другом не могло быть и речи. Здесь помогла сестра Ася. Она принесла черный чулок, осторожно натянула на загипсованную ногу. Вместо сапога калоша. На костылях вышел на улицу в сопровождении сестры. Она пожелала мне хорошей встречи с семьей.

Сквозь суету города я шел к метро, потом ехал на троллейбусе. Двигаться на костылях было трудно. Пока добрался до дома, сильно устал. Но на душе было радостно. Иду домой.

Вошел в квартиру. Здороваюсь, обнимаю жену. Старшая дочка Эля бросилась в мои объятия. Младшая, Валя, сидела насупившись и молча смотрела на меня.

- Что, не узнаешь? - обращаюсь к ней.

- Валя! Это же папа, - ласково говорит ей сестренка. Она взяла Валю за ручку и подвела ко мне. Поднял их обеих на руки.

- Теперь узнала? - спрашиваю повеселевшую Валю.

- Да-а-а! - медленно протянула она тоненьким голоском. - А ты совсем к нам приехал? - уже живее стала интересоваться Валя. С детским любопытством дочка смотрела на мою ногу, на которую был надет черный чулок...

Дети не отходили от меня. Жена накрыла стол, подала распечатанный красный конверт.

Вначале посмотрел на конверт, интересуюсь, откуда? Знакомый адрес полевой почты подсказал: письмо из нашей части. Вынул из конверта аккуратно сложенную тонкую розовую бумажку с напечатанным текстом, штампом и печатью.

Выписка из приказа по войскам 16-й армии за подписью командующего генерала Баграмяна. Указом Президиума Верховного Совета СССР я был награжден орденом Красного Знамени...

С волнением перечитываю письмо. Спасибо вам, друзья-однополчане, командование, всем вам фронтовое спасибо! Спасибо вам, генерал Баграмян!

Внимание командования части глубоко взволновало меня. Осторожно вложил извещение обратно в конверт и как особую памятную ценность бережно спрятал в кармане гимнастерки.

* * *

В центре, у Дома союзов, вместе с потоком пассажиров с трудом выбираюсь из переполненного трамвая. Одернул

гимнастерку, поправил пилотку, разобрал костыли и направился на Красную площадь к Спасским воротам Кремля.

На Спасской башне стрелки часов приближались к десяти.

Гудки машин, молчаливо проходящие люди. Поравнялся с Мавзолеем Ленина. У входа, охраняемого часовыми, остановился. Пошел дальше, чтобы получить пропуск в Кремль. Дежурный патруль провожал раненых вне очереди. Получив пропуск, вместе с другими вошел через Спасские ворота.

Длинный просторный зал ожидания. Его заполняли рядовые воины, офицеры, генералы, рабочие, удостоенные чести быть сегодня в Кремле за доблесть в боях и труде.

Люди рассаживаются в кресла. У каждого в такие минуты свои переживания. Оглядывая с интересом историческое помещение, увидел вдруг человека, который показался мне знакомым. Наши взгляды встретились, и мы пошли друг другу навстречу. Это был композитор Вадим Кочетов, написавший музыку к фильму Два командира, над которым мы вместе работали перед войной. Радостная встреча с бесконечными расспросами...

Кремлевские куранты выбивают двенадцать часов. Открываются двери зала. Не спеша заполняются места. Раненые рассаживаются в передних рядах. Мы с композитором Кочетовым сели во втором.

В Круглом мраморном зале тихо, торжественно. Впереди за длинным столом, накрытым красным сукном, появляются Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин и секретарь А. Ф. Горкин.

Громкими аплодисментами приветствуем мы дорогого всесоюзного старосту. Немного сутулясь, поседевший, с улыбчивым взглядом сквозь очки, он осмотрел собравшихся и вместе со всеми стал аплодировать. Так длилось несколько минут. Потом наступила тишина. Началось вручение наград.

Среди многих имен услышал свою фамилию. Робко подхожу к столу. Принимая из рук Михаила Ивановича красную коробочку с орденом, осторожно пожимаю ему руку. В это время один из костылей выпал из моих рук и мягко упал на ковер. Я покраснел от смущения, с волнением в голосе произнес:

- Служу Советскому Союзу!

Михаил Иванович поднял костыль и, передав его мне, отечески проводил на место.

Вскоре получает медаль За боевые заслуги и композитор Вадим Кочетов. Находясь на одном из боевых кораблей, организовывая досуг личного состава, он своим искусством участвовал в борьбе с врагом.

Вручение наград закончилось. На мою долю выпала честь выступить от имени награжденных и передать нашу благодарность партии и правительству.

В особом приподнятом настроении награжденные выходят из Кремля.

Солнце сегодня по-особому ласково, что усиливает наше чувство радости.

Вместе с другими награжденными я вступил на брусчатку Красной площади. Иду с другом-композитором, еще не улеглось радостное впечатление от встречи.

- Да, - рассуждали мы, рассматривая награды. - Это не просто кусочек драгоценного металла, которому придали художественную форму. Это наш труд, наши невзгоды и радости, крупица общих побед. Это наша кровь, пролитая на полях боев.

Незабываемым и дорогим останется день, когда мне вручили боевой орден.

* * *

Тяжелобольные находятся в палатах на койках, остальные отдыхают во дворе. Вдруг неожиданные звуки позывных радио.

Товарищи радиослушатели! Сегодня в 11 часов 30 минут вечера будет передано важное сообщение. Слушайте нашу радиопередачу!

Голос диктора всколыхнул весь госпиталь. Не ложились спать, собрались у радио, смотрели на часы, считая оставшиеся минуты.

И вот послышались шумы в репродукторе и вслед за ними голос диктора:

- Приказ Верховного Главнокомандующего...

Генерал-полковнику Попову,

Генерал-полковнику Соколовскому,

Генералу армии Рокоссовскому,

Генерал-полковнику Коневу...

Приглушенный гул пронесся по толпе... Оживление... и вновь все замолкают, слушая приказ:

- Сегодня, 5 августа, войска Брянского фронта при содействии с флангов войск Западного и Центрального фронтов в результате боев овладели городом Орел.

Сегодня же войска Степного и Воронежского фронтов сломили сопротивление противника и овладели городом Белгород... ...Сегодня, 5 августа, в 24 часа столица нашей Родины Москва будет салютовать нашим доблестным войскам, освободившим Орел и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий...

Куранты Кремля выбивают время. Последние перезвоны

сливаются с гулом салюта. Раздался грохот орудий. Московское небо осветилось разноцветными огнями.

Это был первый салют, салют незабываемой радости наших побед...

Огни Победы

После госпиталя я был признан непригодным к строевой службе. Меня послали работать начальником клуба сортировочно-эвакуационного госпиталя (СЭГ) в Москве. Здесь же я продолжал и долечиваться.

Дела клуба заставили меня забыть о своей неполноценности, как определили мое состояние в отделе кадров политуправления фронта.

Госпиталь располагался в прекрасном помещении. Отличный клуб, сцена. Ежедневно для раненых устраивались концерты или демонстрировались кинокартины. Нередко здесь выступали лучшие силы столицы: солисты Большого театра В. В. Барсова и М. Д. Михайлов, Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии под руководством А. В. Александрова, ансамбль песни и пляски Московского городского Дворца пионеров под руководством В. С. Локтева, артисты цирка. В госпитале регулярно читались лекции, организовывались художественные выставки. Здесь открылась и выставка моих фронтовых работ.

Замполит попросил меня явиться в офицерскую комнату для встречи с ранеными.

- Вот и сам автор, - сказал он, представляя меня.

Бывший директор планетария Е. З. Гиндин ведал в госпитале политработой, горячо интересовался делами клуба, досугом раненых и больных. Немного сутулясь, он провел рукой по густым с проседью волосам и низким голосом предложил мне провести с товарищами беседу по работам, показанным на выставке.

На стенах развешаны фронтовые зарисовки, несколько работ на холсте, выполненных за время лечения.

Эпизоды боев под Смоленском, Серпуховом, Юхновом, Ржевом, Жиздрой, Москвой привлекали внимание раненых. Некоторые узнавали знакомые места сражений, вспоминали боевые эпизоды.

- Скажите, товарищ капитан, - обратился раненый офицер Беззубов, показывая костылем на один из рисунков, - этот Холм Березуйский не тот, что под. Ржевом?

- Он самый.

- Так это же участок нашей армии. Перед наступлением я был там со своей разведкой. В период наступления мы шли левее города Ржева, со стороны Сычевки.

- Выходит, одна армия. Наша дивизия прорывалась в

направлении между Ржевом и Сычевкой, - ободренный, рассказываю я. - Наш батальон брал этот самый Холм Березуйский. Во время привала я и сделал набросок.

- Так все знакомо, так все оживилось в памяти, что нельзя без волнения смотреть, - возбужденно говорит раненый офицер, не отрывая своего взгляда от фронтовых зарисовок.

- А здесь я узнаю свое, - с волнением обращается раненый с гипсом на руке и повязкой на голове. - Эту Буду мы будили, будили по ночам, - смеется он, показывая на рисунок села Буда Монастырская.

- Откуда же известна вам эта Буда?

- Да я же из третьего батальона 97-го полка, товарищ капитан!

- Выходит, из одной части, - весело обращаюсь я к нему.

- Ну а как же! - широко улыбаясь, отвечает раненый комсомолец Павлюков. Комиссаром батальона у нас был Наумов, такой скуластый, среднего роста. Вы с ним не раз приходили в наш батальон, Я хорошо помню. - Раненый перебегает взглядом то на меня, то на рисунок. - Только жаль нашего комиссара. Его ранило, и неизвестно, где он сейчас. Хороший был комиссар. Командир роты часто кричал на нас. Как только ,появится комиссар, комроты притихает. Таким ласковым становится. Комиссар любил нашего брата. Где он только теперь?

Разговор от рисунков переходил в горячую беседу с воспоминаниями о том, что было пережито на фронте каждым из нас, о боевых товарищах. Рисунок разрушенной подмосковной деревни воскресил увиденное на дорогах войны. Сгорбившийся старик с обнаженной головой. Он стоит вместе с внучкой, опираясь на сучковатую палку, и со слезами смотрит на полузанесенные снегом тела убитых. Вдали печные трубы на пепелищах. Подобные картины видел каждый фронтовик.

За рассмотрением рисунков, за разговорами незаметно прошло время. В комнату торопливо вошла сестра-хозяйка и напомнила, что наступило время ужина.

* * *

По делам клуба ранним утром я направлялся в обком союза работников искусств. Чем ближе подъезжал к центру, тем медленнее шел трамвай. Образовался затор. Я пересел на троллейбус. Но это не ускорило дела. Остановка площадь Маяковского. Необычное скопление москвичей приостановило движение. Слышим возгласы:

- Скоро поведут...

На площади Маяковского, по Садовой-Кудринской, улице Горького вдоль тротуаров собирались москвичи.

Люди ожидали, когда поведут пленных гитлеровцев.

Военный патруль, милиция вытянулись в цепочку вдоль тротуаров.

Десять утра. Солнечно.

- Ведут! Фашистов ведут! - звонко выкрикивали ребятишки.

- Убийц ведут! - с презрением и ненавистью восклицает женщина с ребенком на руках.

Грязно-зеленым потоком тянулись колонны вчерашних разбойников. Понурив головы, шли они по московским улицам, которые сулил отдать им Гитлер. Пленные видели светлые дома нашей столицы. Они вспоминали фашистских брехунов, объявлявших Москву разрушенной. Но Москва стояла невредимой.

Фашисты плелись с взъерошенными грязными волосами, в расстегнутых шинелях и мундирах, в рваных сапогах, ботинках, с дерюгами под мышкой, в измятых пилотках. Впереди колонны десятка два пленных генералов, их полевые генеральские пилотки, парадные высокие фуражки покрыты пылью. За ними сотни офицеров разных рангов. Еще недавно самодовольные, теперь эти тупые исполнители воли Гитлера выглядели трусливо.

Пленные все идут и идут. Их много. Это только частица взятых в боях за Белоруссию. За последними их рядами ехали машины, поливали московские улицы, чтобы смыть с них следы, оставляемые фашистской нечистью.

По возвращении в клуб я рассказал раненым о том, что видел.

Утро нового дня. Клуб готов к приему. Политруки отделений разбирают в библиотеке свежие газеты, журналы. Больные в синих халатах осматривают выставку картин, подходят к карте. Измеряют расстояние до Берлина. Наша линия фронта помечена красным шнуром, линия союзников - зеленым.

Карта отражает положение на фронте. Раненые разглядывают ее. Вспоминают знакомые места боев, где начинали войну, откуда их уносили после ранения. Что там сейчас? Каждый из них гадает, где окажется после госпиталя. Точка с пометкой Берлин выделялась на карте темным пятном, так часто касались ее пальцы раненых, мечтавших закончить здесь свой боевой путь.

Художники готовят новые плакаты, монтажи, композиции.

Киномеханик Андрей Гусев, прихрамывая, хлопочет в кинобудке. Проверяет готовность аппаратуры к показу фильма.

В кабинете раздается телефонный звонок, договариваемся с театральными коллективами об их очередных выступлениях в госпитале.

В восемь вечера начинается демонстрация фильма Александр

Невский.

Вскоре показ прерываем. Радиоузел передал важное сообщение:

Войска 3-го Белорусского после упорных боев овладели сегодня укрепленными городами Восточной Пруссии - Пилькален, Рагнит и успешно продвигаются вперед, громя врага на его территории.

В зале раздаются аплодисменты. Показ кинокартины возобновляется.

Под залпы салюта проходят на экране кадры потопления псов-рыцарей в Чудском озере. Эти кадры звучали в унисон переданному важному сообщению.

- Так было в апреле 1242 года, так и сейчас, - переговаривались между собой раненые, прислушиваясь к салюту.

Окончилась картина. Лавиной хлынули люди из зала к карте. С волнением рассматривают уже передвинувшуюся вперед, на запад, красную линию фронта.

Постепенно клуб пустеет, люди расходятся по отделениям, в палаты, на покой.

* * *

Все новые и новые радостные вести с фронта. Все чаще и чаще знакомые звуки позывных, новые важные сообщения.

Сегодня вечером передается подряд уже пятое важное сообщение. Пятый раз столица Родины Москва оглашается победными артиллерийскими залпами в честь взятия вражеских городов. Сто залпов из 1100 орудий в один вечер!

Скорее, скорее туда, в Берлин! - такими думами живут раненые. Охваченный таким же настроением, решил и я обратиться к начальству.

Долго думали они: куда направить меня. Наконец дали назначение в часть, сопровождающую на фронт эшелоны с техникой.

Прибыл в танковую часть. Здесь, узнав, что я художник, дали задание написать два панно: Разгром немцев под Сталинградом и На подступах к Берлину. Предназначались они для вестибюля помещения штаба.

В гимнастерке с засученными рукавами, измазанный углем и краской, я несколько дней не отходил от холстов. Устав от одного, писал другой.

Наконец панно готовы. Командование осмотрело их, одобрило. Укрепили их на места.

Затем последовало новое задание, срочно написать призывы на самоходках. Тут уж я был не один. Даже рядовые артиллеристы старательно выводили надписи на корпусах этих

грозных машин.

И вот вместе с начальником эшелона капитаном Куделиным отправляемся по прямому назначению в путь с эшелоном.

Предрассветную весеннюю тишину нарушает духовой оркестр. Для проводов на эстакаду завода пришло командование полка.

- Я надеюсь, товарищи, - обратился к капитану Куделину и ко мне командир полка, - с новым поручением справитесь так же, как и с картинами.

Подтянутый, в офицерском мундире танкиста, коренастый, прошедший тяжелыми дорогами боев, полковник дает последние указания.

- Самоходки с их расчетами должны быть доставлены в полной боевой готовности до места назначения - до Берлина! Счастливого пути!..

Эшелон с людьми и боевым грузом трогается в далекий путь. Наши уже на подступах к логову фашизма.

Поезд спешил. Воины с новой техникой двигались на запад...

- Надо торопиться. Для кого же мы малевали эти лозунги? - кричат командиры расчетов, показывая на самоходки с надписями на корпусах: На Берлин!, Даешь Берлин!, Только в Берлин!.

Эшелон то ускоряет ход, то снижает скорость, часто останавливается. На остановках люди спрыгивают с платформ, бегут к нашему вагону с одним и тем же вопросом:

- Какие известия? Что с Берлином?..

В одну из ночей вагоны нашего эшелона были поставлены на другую ходовую часть, предназначенную для более узких рельсовых путей. Значит, мы будем двигаться уже по чужой территории.

И вот 2 мая 1945 года мы услышали на одной из остановок: ...Сегодня, 2 мая, советские войска полностью овладели столицей Германии городом Берлин центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии.

Берлинская битва завершена. Над центром Берлина - рейхстагом - развевается алый стяг - знамя Победы! Радость охватила людей.

- Какой же я командир батареи? На моих машинах призывы На Берлин!, а Берлин уже взят, - высказывает свое разочарование командир батареи старший лейтенант Баранов.

Баранов с начала войны ушел в ряды Красной Армии. Свою мирную профессию тракториста сменил на солдатскую. Будучи старшиной, прошел боевой путь от Москвы до Смоленска. Не один раз был ранен. Лечился в госпиталях. Затем окончил курсы

командиров. В звании лейтенанта попал в артиллерийскую часть командиром орудия. После очередных боев Баранова назначили командиром батареи. В этом качестве он и ехал в нашем эшелоне.

После затяжной остановки эшелон снова двигается. Становится легче на душе: эшелон не стоит на месте. Паровоз увеличивает скорость, как бы стараясь нагнать упущенное. А следом шли многие другие эшелоны с боевой техникой. Люди волновались. Расположившись на платформах у новых самоходок, укрытых брезентами, настороженно всматривались в предутренний рассвет.

* * *

4 часа утра. Скрежет металла, стук буферов, толчки вагонов и... остановка на незнакомой станции. Шум пара, клубы дыма. Послышался громкий голос часового:

- Товарищ начальник эшелона! Вас спрашивают!

Мы с капитаном вскакиваем с нар, выпрыгиваем из вагона. Нас встречают два улыбающихся офицера. Они представляются как приемщики доставленного груза. Крепко жмут нам руки, и мы слышим долгожданное:

- Поздравляем, друзья, с победой!!! Да! С победой! - повторяют они, видя, что мы еще не верим в сказанное.

Когда, наконец, до нашего сознания дошел смысл этих слов, мы бросились обнимать их.

- Выходит, что дальше не едем?

- Некуда, - отвечают они, - Как раз прибыли в предместье Берлина. Дальше ехать незачем. Там столько скопилось техники, что тесно. В Берлине разберутся и без нас с вами. Вот здесь и будете разгружаться. А сейчас построить всех и привести вон в ту рощу, - показывает старший приемщик в сторону от станции, на тополя.

- Шапки с лавки долой, собирайтесь, сваты, домой! - шутит начальник эшелона и отдает приказ на построение.

- Спешили, спешили... на тебе! - Начальник эшелона Куделин покачал головой, сдвинул на лоб фуражку и предложил закурить.

Бойцы выскакивают из вагонов. На ходу подгоняют обмундирование, спешат к месту сбора. Тысячи военных заполнили тополиную рощу.

Здесь открывается митинг. Зачитывается акт о капитуляции врага, приказ Верховного Главнокомандующего о победе Советской Армии, о разгроме фашизма.

- Люблю весну в начале мая, - слышатся реплики, и тут же раздается орудийный залп. Красные ракеты взвиваются в небо.

Это были уже другие, мирные выстрелы. Это были залпы победы, фейерверк праздника, победного торжества, победы

добра над злом. А бойцы все стреляли в воздух из винтовок, автоматов, пистолетов.

Мы с капитаном тоже сделали залп из своих пистолетов.

Природа в это майское утро ликовала вместе с нами, вместе со всеми, произносившими радостное слово победа!.

- Не успели к завершающим боям, торжествуем победу здесь, - говорю я Куделину.

- Не волнуйтесь! Вы не один. Мы тоже об этом думаем, - сказал нам Герой Советского Союза сержант-пехотинец из другой части. - Вы танки, пушки везли, а мы ехали на помощь нашей пехоте. И не успели, - сетует герой-сержант. Хватит, говорят нам. Опаздывать нельзя. Вот теперь и гуляй среди затора... И сюда опоздали, и в Москву не успеть.

Тополиная роща заполнена военными до отказа. Прилегающие луга заставлены боевой техникой, покрытой маскировочными чехлами. А на станцию продолжают прибывать все новые и новые составы.

Звучат гармошки, песни. Эхо разносится по лесу, сливаясь с общим ликованием советских воинов.

Сбылись слова, сказанные партией в начале войны: Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

Наш эшелон разгружается. Платформа за платформой подгоняются к разгрузочным площадкам. Самоходки - разворачиваются на платформах. С ревом сползают с помоста, и направляются на пустырь. Выстраиваются побатарейно.

С начальником эшелона следим за разгрузкой. Встречаем командира пятой батареи старшего лейтенанта Баранова. Он в ожидании своей очереди.

- О чем задумался?

- А ну вас! - махнув рукой, сердито отвечает Баранов.

- Ты в самом деле недоволен? - интересуемся мы.

- Доволен! Собой недоволен, - ответил он, снимая с себя шинель.

Когда подошли платформы с его техникой, Баранов сдвинул на затылок шапку (мы не успели сменить зимнее обмундирование на летнее), оправил гимнастерку с блестевшими на ней орденами. И как дирижер стал руководить выгрузкой. Внимательно следил за спуском новеньких грозных самоходных орудий с платформы по помосту, показывал, куда разворачивать машины. Глядя на надписи: На Берлин!, В логово фашизма!, Даешь Берлин!!! - Сергей улыбается.

На разрушенной станции, на хуторе в роще, в расположении воинских частей говорят репродукторы. Возле них скапливаются массы военных. Каждый старается протиснуться ближе, чтобы

услышать родную, близкую для каждого сердца праздничную Москву.

По окончании разгрузки, во время стоянки нашего эшелона на запасных путях, мне и нескольким товарищам представилась возможность поехать на попутных в Берлин.

Мрачные, с завалами улицы, изрешеченные здания, огромные каркасы.

Немецкое население с помощью наших воинов расчищало от завалов улицы. Медленным шагом, понуро проходили по улицам искалеченного Берлина пленные фашистские солдаты.

Бранденбургские ворота продырявлены снарядами. Над прокопченным рейхстагом на каркасе его купола развевается советское алое знамя.

Изрытый пулями и снарядами памятник Вильгельму I, который восседает на позеленевшем от времени коне. Возле постамента груды камня, побитые львы, сваленные статуи.

Женщины с детьми образовали очередь к нашей солдатской кухне. Красноармейцы большими черпаками раздают им горячий мясной суп и гречневую кашу. Жители благодарят:

- Данке, данке. - А кто добавляет еще: - Гитлер капут!..

Наша Советская Армия, громя врага, несла народам освобождение и мир!..

Эшелон возвращался обратно. Вместо боевой техники в вагонах и на платформах военные, гражданские люди, которых наши воины вырвали из фашистского плена.

Прислушиваясь к оживленной беседе попутчиков, я стою в створках товарного вагона, наблюдаю за всем, мимо чего проходит эшелон, по следам тяжелых боев.

Кончилась война. Невыразимое чувство. Оно понятно только тем, кто испытал все тяготы войны, кто был не раз на грани смерти. И все еще не веришь наступившему мирному времени.

Скоро солдаты и офицеры всех рангов начнут возвращаться к семьям, к труду. Недалек тот день, когда и я распрощаюсь с воинской частью, с боевыми друзьями. Поеду к своей семье.

Прислонившись к раздвижной тяжелой створке вагона, я смотрел на изменяющийся пейзаж. Вот так же, в створках вагона, я стоял летом сорок первого, уезжая из Подмосковья на фронт.

Прошли тяжелые годы. С ликованием встречен день победы. Но немало и тех, кто уже никогда не увидит своих близких. К старшей сестре не вернется муж. Заботами о своих детях, в колхозном труде она будет заглушать свое горе. Жена с горечью будет вспоминать своих младших братьев Игоря и Аркадия. Они еще не успели по-настоящему осмыслить свою юную жизнь, как смерч войны смел их. А сколько таких семей, которые встретили

или встретят покалеченного войной главу или члена семьи! Не встречусь и я с родителями. Через год после смерти отца похоронили мать. Так, не повидавшись с нами, не дождавшись нашего победного возвращения, ушли они из жизни...

Когда эшелон доставил нас к месту дислокации нашей части, у меня открылась рана. Начальник политотдела бригады товарищ Мельник направил меня на долечивание в Москву.

Снова госпиталь, но уже в мирные дни. Здесь и вышел из-под моих рук дружеский шарж на друзей по палате...

В Берлине завершился боевой путь многих бывших ополченцев Киевского района столицы. 173-я стрелковая дивизия (бывшая 21-я дивизия народного ополчения) до лета 1942 года занимала рубежи на подступах к Москве, а потом была переброшена под Сталинград, участвовала в контрнаступлении в составе сначала 65-й армии Донского, а затем 21-й армии Юго-Западного фронта и была преобразована в 77-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Она сражалась в боях под Курском, участвовала в Белорусской, Висло-Одерской операциях, форсировала реки - Оку, Днепр, Вислу, Одер, освобождала Чернигов, Калинковичи, Лодзь, Берлин. Почетное наименование ее - Черниговская. Дивизия была награждена орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова II степени. Орденами и медалями были награждены около 10 тысяч воинов дивизии, 68 из них удостоены звания Героя Советского Союза.

Не забыть никогда

После излечения меня демобилизовали из рядов Советской армии по инвалидности, и в 1946 году я вернулся на Мосфильм.

Через год, в 1947 году, я поехал в Сталинград для подготовки к съемкам двухсерийного фильма Сталинградская битва.

Город на Волге еще не успел залечить свои тяжелые раны. Кругом руины. Но расчищались улицы, приводились в порядок площади. Наша группа готовила объекты для натурных съемок. Я сделал множество зарисовок с натуры, которые послужили потом материалом для самостоятельных композиций, для создания ряда эскизов.

После Сталинградской битвы работал над фильмом Падение Берлина. Пригодились наброски, сделанные во время краткого осмотра Берлина в мае 1945 года, да еще были свежи впечатления, это облегчило написание эскизов к фильму.

Год работал я главным художником драматического театра СВАГ (Советская военная администрация Германии). Более детальное знакомство с поверженным Берлином пополнило мой запасник графическими рисунками.

Мне посчастливилось встретиться с режиссером С. Д.

Васильевым. Творческая жизнь мастеров советского кино однофамильцев Сергея и Георгия Васильевых (выступали они под псевдонимом братья Васильевы), создателей бессмертной картины Чапаев, наполнена большими и интересными событиями. Они поставили фильмы Волочаевские дни, Оборона Царицына, Фронт. После смерти Георгия Васильева Сергей уже один создал такие фильмы, как Герои Щипки, В дни Октября. Думал он о постановке кинофильма Война и мир. Осуществить свои думы ему не пришлось - остановилось сердце. В память о чапаевцах был создан фильм Братья Васильевы, одним из участников которого был и я.

Много фильмов у меня на счету и с другими кинорежиссерами. Помимо уже названных это Аттестат зрелости, Дело No 306, Друг мой Колька, Свадьба с приданым, Повесть об агрономе, Черный бизнес и др.

Довольно часто мне приходилось ездить в командировки, бывать в киноэкспедициях. В поездках на автомашине, в походах пешком по дорогам и тропам Подмосковья я нередко обнаруживал следы 1941 - 1942 годов. На опушках леса, по обочинам дорог - чашеобразные впадины. В лесах - бугры и холмы. Все это похоже на неспокойный рельеф, как бы на застывший шторм. Тут бушевала война. Чашеобразные впадины - воронки от бомб и снарядов. Углубления с обвалившимся накатом - бывшие командные пункты, землянки. Брустверы - бывшие окопы. Мы находили здесь позеленевшие гильзы, помятые ржавые каски и котелки, сплавленные долголетием гранаты, истлевшие подсумки.

Пусть рытвины затянулись травяной щетиной, обросли штакетником кустарников, огородились шеренгой деревьев, зарубцевались временем, словно шрамы на теле войны. Но... шрамы есть шрамы. Они остаются на всю жизнь, напоминая о прошлом.

Как сложилась судьба моих товарищей, с которыми летом 1941 года я вступил в народное ополчение? К великому огорчению, большая часть ополченцев погибла в боях. Немногие вернулись с фронта. И. А. анчишкин, бывший комиссар дивизии, возвратившись из армии, снова был занят научной и партийной работой. А. Ф. Медеников, секретарь дивизионной парткомиссии, работал в Обществе охраны памятников истории и культуры. Много лет он был бессменным председателем совета ветеранов бывшей дивизии народного ополчения.

На Мосфильме оператором по комбинированным съемкам трудился бывший ополченец П. С. Маланичев, механиком монтажного цеха - бывший ополченец А. Н. Чуриков. В. Н.

Масленников, прошедший вместе с политотделом дивизии путь от Москвы до берегов Эльбы в качестве фоторепортера, работает кинооператором на одной из столичных киностудий.

Вернулись с фронта комиссар медсанбата дивизий А. В. Соловьева, санинструктор С. М. Альтзитцер, замполит санбата А. Г. Петрова, машинистка Н. Ф. Мартынова и другие.

Мы, ветераны бывшей ополченской дивизии, часто собираемся вместе и вспоминаем свое фронтовое братство. Память о нашем военном прошлом помогает нам жить и работать.

Минуло четыре десятилетия, отделяющих нас от грозных дней 1941 года.

22 июня 1981 года исполнилось 40 лет с начала Великой Отечественной войны. Вместе с семьей я находился в этот день за городом. Но благодаря телевидению я смог увидеть в этот день Москву. На площади Белорусского вокзала выступал Краснознаменный академический ансамбль песни и пляски Советской Армии. Была исполнена песня основателя ансамбля композитора Б. А. Александрова на слова поэта В. И. Лебедева-Кумача Священная война:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война.

Верность Родине, любовь к свободе, священная ненависть к врагу с удивительной силой воплотились в песне. Площадь была заполнена стихийно собравшимися москвичами. Они пели вместе с ансамблем, вспоминая лето 1941 года. Глаза многих были полны слез. (Как известно, эта песня впервые прозвучала в первую неделю войны перед бойцами, отъезжающими на фронт с Белорусского вокзала.) Собравшиеся попросили повторить песню. И снова над площадью зазвучала песня-гимн всенародному воинскому подвигу.

В декабре 1981 года москвичи, жители Подмосковья вместе со всем прогрессивным человечеством отмечали 40-летие ратного подвига защитников Москвы. На промышленных предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах, в учреждениях прошли митинги, торжественные собрания. Торжественный вечер, посвященный великой битве, положившей начало разгрому немецко-фашистских войск на подмосковной земле, состоялся и на киностудии Мосфильм. Почетными гостями здесь были

мосфильмовцы - ветераны войны. Собравшиеся почтили память отдавших жизнь за столицу, за Родину.

4 декабря в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное заседание Московского городского и Московского областного Советов народных депутатов, МГК и МК КПСС, представителей трудящихся Москвы и Московской области и воинов Московского гарнизона, посвященное 40-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. Чувства и мысли всех советских людей емко выражены в письме, принятом участниками заседания: Пройдут века, но в благодарной народной памяти никогда не померкнут героизм и доблесть людей, стоявших насмерть на легендарных московских рубежах. Только ленинская партия, только Советская власть могли придать героическим защитникам Москвы такие силы, укрепить их волю к победе, горячую веру в неминуемый разгром врага.

С большим подъемом, по-ударному прошел 5 декабря в столице и Подмосковье коммунистический субботник, посвященный знаменательной дате. Наивысшая производительность, экономия и бережливость, высокая организованность стали главным девизом в работе участников праздника труда.

Нет более желанного для людей труда, чем мир на земле. Чтобы созидать, мы должны всегда помнить о минувшем, о героической борьбе советских людей за свое социалистическое отечество, о тех жертвах, которые были принесены для достижения победы над злейшим врагом человечества - фашизмом, жертвах во имя мира и счастья людей. Этому посвящен мой скромный труд. Пусть ратные дела описанных мной фронтовиков будут еще одним свидетельством мужества, стойкости и непоколебимой веры советских людей в победу, которой они сумели добиться под руководством ленинской Коммунистической партии.

И если мне удалось хоть в какой-то мере показать героизм простых воинов, защитников своего отечества, с которыми я шел фронтовыми дорогами, то могу считать исполненным мой долг солдата и художника..